
Костромская археологическая экспедиция
Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество»
КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
ГАЛИЧСКОЙ ЗЕМЛИ
МАТЕРИАЛЫ I И II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ
ГАЛИЧ, 1 НОЯБРЯ 2018 Г. И 29 НОЯБРЯ 2019 Г.
Кострома 2020

Костромская археологическая экспедиция
Костромское областное отделение
Русского географического общества

Культурное наследие Галичской земли

Материалы I и II научно-практических конференций
Галич, 1 ноября 2018 г. и 29 ноября 2019 г.

Кострома
2020

ББК 63.3 (2), 63.4 (2)
УДК 902/908, 930
К 90

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук. А.В. Новиков, А.Н. Иванов,
канд. филол. наук П.П. Виноградова

Рецензент: д-р ист. наук Ю.А. Зеленеев

К 90 **Культурное наследие Галичской земли :** материалы I и II научно-практических конференций. Галич, 1 ноября 2018 г. и 29 ноября 2019 г. / отв. ред. и сост. А.В. Новиков; Костромская археологическая экспедиция. – Кострома: Изд-во «Стандарт Принт», 2020. – 173 с.: ил.

ISBN 978-5-6045580-1-0

Сборник составлен по материалам I и II научно-практических конференций «Культурное наследие Галичской земли», прошедших 1 ноября 2018 г. и 29 ноября 2019 г. в г. Галиче.

В сборнике представлены статьи, посвященные важным аспектам археологии, истории и краеведения Галичской земли и сопредельных территорий с древности до нового и новейшего времени.

Издание предназначено для историков, археологов, краеведов, музейных работников, студентов и всех интересующихся историей Галичского края.

ББК 63.3 (2), 63.4 (2)
УДК 902/908, 930

© Костромская археологическая экспедиция, 2020
© А.В. Новиков, составление, 2020
© Авторы статей, 2020

ISBN 978-5-6045580-1-0

Содержание

Научно-практическая конференция «Культурное наследие Галичской земли»

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию представлен сборник статей, составленный по итогам научно-практических конференций «Культурное наследие Галичской земли», прошедших 1 ноября 2018 г. и 29 ноября 2019 г. в г. Галиче. Соорганизаторы конференции – администрация Галичского муниципального района, Костромская археологическая экспедиция, Костромское областное отделение Русского географического общества и Галичская епархия Русской православной церкви. Заседания конференции проходили в Отделе по делам культуры, молодежи и спорта администрации Галичского муниципального района (г. Галич, Дом народного творчества, ул. Свободы, 6). Огромный личный вклад в организацию и проведение конференций внесла О.Ю. Поварова – заместитель главы администрации Галичского муниципального района по социально-гуманитарному развитию.

Конференция 2018 г. проведена на средства гранта Русского географического общества «Унорож: путешествие сквозь века». В результате совместной деятельности Русского географического общества и Костромской археологической экспедиции, направленной на сохранение природного, историко-культурного наследия Галичской земли, за последние годы в окрестностях Галичского озера изучены памятники археологии эпохи поздней бронзы, раннего железа и раннего Средневековья (Городища Унорож и Брюхово, поселение Вознесенское I), открыто два новых памятника археологии, создано 5 документальных фильмов, рассказывающих о культурном достоянии Галичской земли. К научной работе привлечены школьники Галича, Костромы, Орехово, Россолово, Унорожа. Исследования имеют важное значение для сохранения и популяризации богатейшего культурного, в том числе археологического, наследия края, ежегодно перед участниками экспедиции открываются новые аспекты, требующие изучения. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном, комплексном изучении территории.

В работе конференций приняли участие ученые и специалисты в области археологии, антропологии, истории, филологии и краеведения из Галича, Йошкар-Олы, Казани, Костромы, Москвы, Шуи. Всего на заседаниях прозвучало 37 устных докладов и представлено 4 постерных. Следует отметить, что доклады представили и юные участники экспедиций – учащиеся Ореховской и Россоловской школ Галичского района, лицея № 41 г. Костромы и школ № 1, № 4 г. Галича. Мероприятия активно поддержаны работниками структурных подразделений администраций г. Галича и

Галичского района, научной общественностью, учителями истории г. Галича и Галичского района.

В ходе выступлений поднимались актуальные вопросы истории и археологии Галичской земли и сопредельных территорий, историко-архивных и краеведческих изысканий. Прозвучали доклады лингвистической направленности, сообщения, посвященные антропологическим исследованиям, рассмотрены отдельные аспекты духовной культуры, в частности, затронуты вопросы галичского иконописания.

Уверены, что конференция «Культурное наследие Галичской земли» станет востребованной и традиционной площадкой, объединяющей интересующихся историей родного края, учёных, талантливую молодежь.

А.В. Новиков

Уважаемые коллеги, уважаемые авторы!

Хотел бы поприветствовать вас от имени Костромского областного отделения Русского географического общества и пожелать вам творческих успехов и научных открытий. Вы все занимаетесь очень интересным и полезным для нашей страны делом, и я искренне благодарю вас за это!

Одной из главных задач Русского географического общества является популяризация исторического и культурного наследия России как предмета национальной гордости. В рамках данной глобальной задачи ведется активная работа по развитию и поддержке археологических экспедиций, краеведческих изысканий, направленных на изучение малой родины, ее природного и культурного наследия.

Во многих регионах страны отделения РГО организуют археологические экспедиции, набирают волонтеров, оказывают финансовую, информационную и административную поддержку. Ряд ведущих археологов являются активными членами РГО, постоянно исследующими малоизученные и перспективные, с точки зрения истории, территории. Эти места считаются ключевыми для понимания многих культурно-исторических факторов развития регионов. Именно поэтому очень важно системно и комплексно их изучать, в том числе с вашей помощью.

Спасибо вам за ваш труд и желаю дальнейших удач и побед!

Председатель Костромского отделения РГО
канд. ист. наук Р.В. Рябинцев

АРХЕОЛОГИЯ

Е.А. Рябинин: вклад в изучение памятников археологии Костромского Поволжья

Новиков Александр Викторович,
кандидат исторических наук, руководитель Костромской археологической экспедиции, член Русского географического общества
Смирнов Сергей Александрович,
начальник отдела археологических изысканий ООО «Костромская археологическая экспедиция»

Статья посвящена вкладу Е.А. Рябинина в изучение памятников археологии Костромского Поволжья. Е.А. Рябинин определил основные векторы исследований памятников эпохи средневековья региона, обобщил и систематизировал комплексы вещественных источников этого времени. Огромное значение имеют материалы археологических раскопок городища Унорож, роль Е.А. Рябинина в изучении и сохранении которого сложно переоценить. Материалы, полученные Е.А. Рябининым, до настоящего времени являются ценным и актуальным источником информации, проливающим свет на этапы развития городища.

Евгений Александрович Рябинин, доктор исторических наук, являлся ведущим научным сотрудником ИИМК РАН, широко известен как историк и археолог, крупнейший специалист в области финно-угроведения и славяно-финнских культурных связей (рис. 1). В течение многих лет он руководил работой Ижорской и Заволжской археологических экспедиций, проводил полевые исследования в Ленинградской, Ивановской и Костромской областях, на Терском берегу Кольского полуострова (Кирпичников, Сениченкова, Стасюк, 2012, с. 17; Кирпичников, Стасюк, 2011, с. 395–396).

Научный интерес к средневековым финно-угорским племенам Костромского Поволжья, а также их взаимодействию со славянами сформировался у Е.А. Рябинина под непосредственным влиянием видного археолога-слависта, члена-корреспондента АН СССР П.Н. Третьякова (Рябинин, 1986, с. 4). Костромской край привлекал исследователя, с

Рис. 1. Фото. Евгений Александрович Рябинин (19.05.1948-17.12.2010) (по: Кирпичников, Стасюк, 2011. С. 395).

одной стороны, слабой и фрагментарной изученностью, а с другой – самобытностью этнокультурных, социальных и экономических процессов, а также территориальной обособленностью по отношению к мерянским племенам Волго-Клязьминского междуречья и промежуточным положением по отношению к наследию двух крупных культурных областей раннего железного века: дьяковской и ананьинской.

Изучение Е.А. Рябининым раннесредневекового населения Костромского Поволжья проходило по двум основным направлениям: 1) теоретические исследования культурных особенностей костромских финнских группировок в период древнерусского освоения края, отразившихся в материалах курганов; 2) полевые работы на территории Костромской области с последующим введением результатов этих изысканий в научный оборот.

Первой работой теоретического характера стало изучение комплекса зооморфных украшений, выделенного Е.А. Рябининым из костромских

курганных древностей XII–XIII вв. (Рябинин, 1986) и позднее включённого с более подробной характеристикой в свод археологических источников «Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв.» (Рябинин, 1981).

В исследованиях зооморфные украшения рассматриваются как наиболее распространённая категория вещей, связанная с финно-угорским миром, и делается попытка определения места костромских подвесок-амулетов в системе средневековых древностей. На основании анализа материала и его сравнения с известными аналогиями автор делает вывод о том, что в Костромском Поволжье зооморфные украшения представляют наиболее характерный элемент финно-угорской материальной культуры. Исследователь отмечает, что уже в ранних памятниках костромской курганной культуры встречаются как украшения, принесенные в регион колонизационным процессом, так и местные подвески-амулеты, и что поздний этап существования костромских курганов определяется уже господством своих, местных форм полых украшений. Также он констатирует отсутствие в костромских древностях наиболее характерного элемента материальной культуры «центральной группы мери» – плетёных коньковых подвесок, что, по мнению автора, подтверждает вывод Е.И. Горюновой о наличии локальных групп в обширной мерянской группировке (Рябинин, 1981; Рябинин, 1975, с. 35–39).

Следующим шагом в теоретических исследованиях Е.А. Рябинина стало изучение уже всего комплекса костромских курганных древностей XII–XIII вв. Исследователем была проведена большая и кропотливая работа по максимально полному сбору существующего фонда источников с середины XIX в. до 70-х гг. XX вв. В результате из материалов, полученных при раскопках 1 890 насыпей в 225 группах, было отобрано 1 670 комплексов, имеющих паспортную документацию (Рябинин, 1986, с. 11–21).

Анализ погребального обряда и вещевых комплексов подтвердил обусловленность появления и последующего распространения курганного способа захоронения в Костромском Поволжье непосредственным продвижением сюда разнородных по происхождению групп новопоселенцев из Верхнего Поволжья, Новгородских и Ростово-Суздальских земель, а также переходом к погребениям под искусственными насыпями аборигенных коллективов. На рассмотренных материалах Е.А. Рябинин выделил не саму культуру финно-угорского населения края, а её реликтовое наследие в памятниках древнерусского времени (рис. 2–4). Но это наследие оказалось, по мнению автора, настолько сильным, что дало ему основания отнести значительную часть исследованных захоронений к памятникам славянизирующихся финнов. Кроме того, субстратные особенности, устанавливаемые по элементам погребального ритуала, а также привлечение скудных археологических данных второй половины I тыс. н. э. позволили Е.А. Рябинину выдвинуть гипотезу о наличии в бассейне костромского

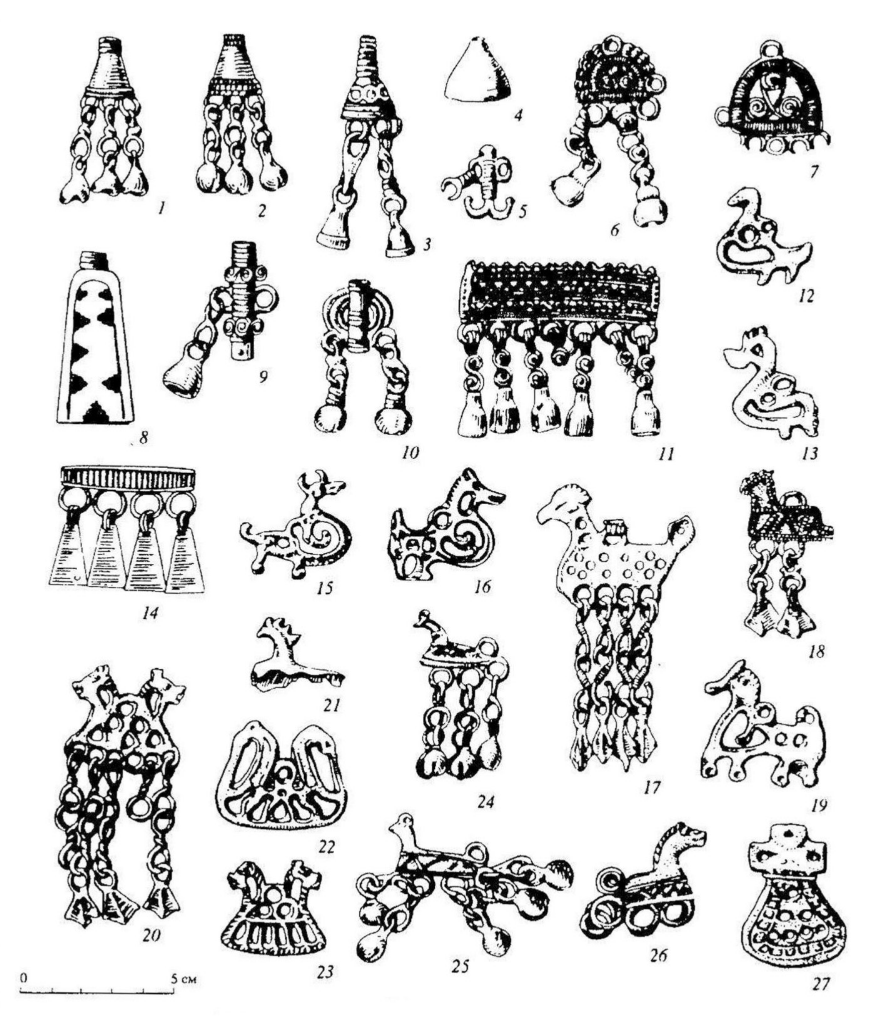

Рис. 2. Зооморфные и шумящие украшения костромских курганов (по: Рябинин, 1986. С. 137, Таблица VI).

течения Волги трёх местных группировок поволжских финнов, или малых племён, занимавших в дорусский период западную, центральную и восточную части Костромского Поволжья соответственно (рис.5). Однако многокомпонентность субстратной культуры края не дала возможности исследователю однозначно их интерпретировать (Рябинин, 1986, с. 97–118).

Первые выполненные Е.А. Рябининым в Костромском Поволжье полевые исследования были связаны с его участием в раскопках на Поповском (Ухтубужском) городище в Мантуровском районе Костромской области,

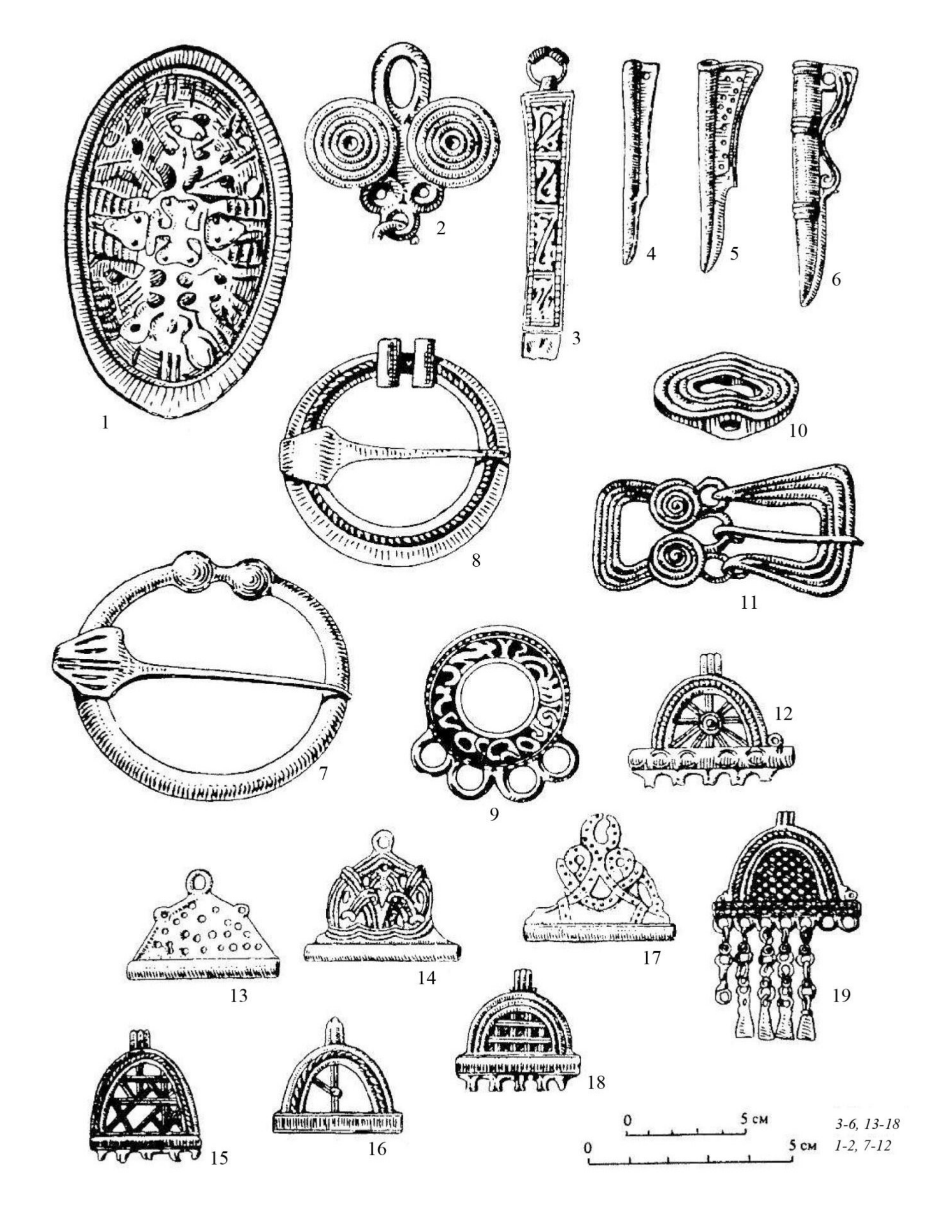

Рис. 3. Инвентарь костромских курганов (по: Рябинин, 1997. С. 190, рис. 50).

проводившихся в 1980–1984 гг. под руководством А.Е. Леонтьева. Результаты раскопок позволили установить хронологию памятника (VI–VII и IX–X вв.), реконструировать различные стороны быта и хозяйственной деятельности небольшой общины, основавшей поселение. В то же время важность

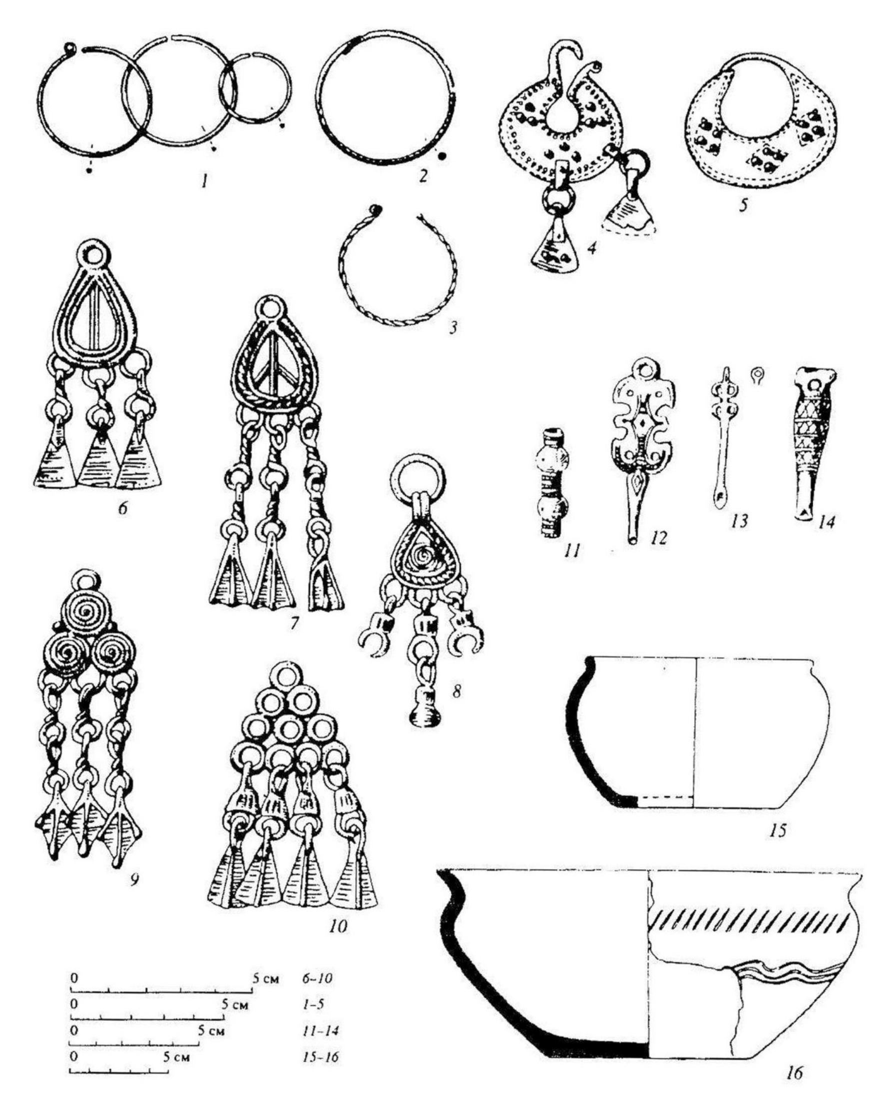
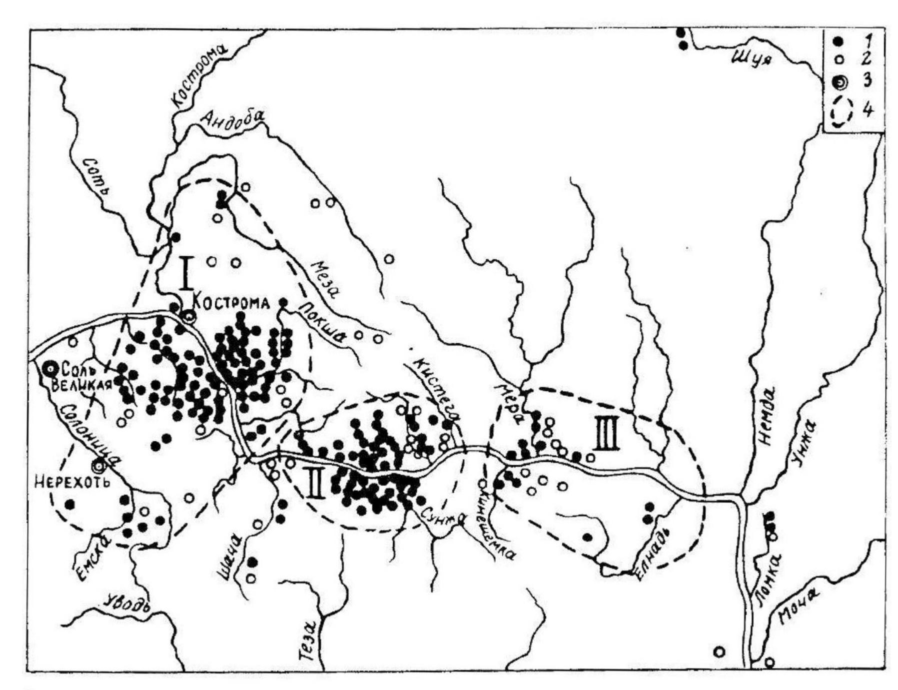

Рис. 4. Инвентарь костромских курганов (по: Рябинин, 1997. С. 192, рис. 52).

проведённых исследований заключалась и в том, что это было первое полностью изученное городище второй половины I тыс. н. э. в Костромском Поволжье (Леонтьев, 1989, с. 5–105).

Кроме того, в 1980–1981 гг. Е.А. Рябининым и А.Е. Леонтьевым был выявлен и изучен комплекс разрушавшихся археологических памятников (могильник и селище) у д. Попово в Мантуровском районе Костромской

1 - исследованные курганные могильники;
2 - неисследованные курганные группы;
3 - городские центры домонгольского времени;
4 - территориальные группы погребальных памятников (I - западная; II - центральная; III - восточная).

Рис. 5. Костромское Поволжье в XII-XIII вв (по: Рябинин, 1997. С. 187, рис. 49).

области (Леонтьев, Рябинин, 1981, с. 62; Рябинин, 1982, с. 84; Рябинин, 1989 а, с. 127). Территория могильника была нарушена карьером по добыче песка, ввиду чего он был полностью археологически раскопан (210 кв. м). На памятнике обнаружено 15 погребений в мелких ямах округлой или овальной формы. Захоронения совершены по обряду трупосожжения на стороне, рядом с могильником зафиксирована наполовину разрушенная карьером кремационная яма (Рябинин, 1989 а, с. 127–154). В свою очередь, на участке поселения, которое длительное время распахивалось, было вскрыто 100 кв. м, выявлены остатки постройки с развалом очага в центральной части, хозяйственные и столбовые ямы, а также получены данные о стратиграфии культурных напластований памятника (Рябинин, 1989 а, с. 154–163).

Анализ погребального обряда и вещевого материала из могильника и селища позволил определить финно-угорскую принадлежность комплекса памятников и отнести их функционирование к середине – третьей четверти I тыс. н. э. По мнению Е.А. Рябинина, прямые аналогии этнически значимых

элементов вещевого комплекса могильника обнаруживаются в памятниках «дьяковско-городецкой» области. По материалам из этих памятников были документированы тесные культурные связи местных обитателей с населением вятско-камских районов. В частности, на селище была обнаружена птицевидная фигурка, относящаяся к изделиям «пермского звериного стиля», которая является древнейшим индикатором проникновения пермских культовых вещей в Поволжье и, возможно, свидетельством сходства некоторых идеологических представлений обитателей Костромского Заволжья и Западного Приуралья (Рябинин, 1989 а, с. 164–165).

По оценке Е.А. Рябинина, важное значение раскопок археологического комплекса памятников заключалось в том, что была получена первая информация о культуре финно-угорского населения восточной окраины Костромского Заволжья в третьей четверти I тыс. н. э. Более того, были открыты первые объекты этого времени, документирующие этническую историю всего обширного участка волжского бассейна от Ярославского Поволжья на западе до Ветлужско-Вятского междуречья на востоке (Рябинин, 1989 а, с. 163).

Самостоятельные полевые исследования на территории Костромского Поволжья Е.А. Рябинин проводит в 1988–1989 и 1991 гг. в Галичском районе Костромской области на городище Унорож. Всего в северо-восточной части памятника раскопами было вскрыто 188 кв. м., кроме этого, была проведена шурфовка на северной оконечности городища. В результате исследований памятника впервые были получены сведения о стратиграфии памятника и его культурной принадлежности.

Уже первые рекогносцировочные работы на памятнике показали перспективность его изучения (Рябинин, 1989 б, с. 13). Однако дальнейшее исследование городища оказалось под угрозой от разрастающегося сельского кладбища. Важные шаги предприняты Е.А. Рябининым и для предотвращения дальнейшего разрушения объекта археологического наследия. Исследователь добивался принятия решения о прекращении использования под захоронения участков в северной и северо-восточной частях городища и ограждения охранной зоны изгородью (Рябинин, 1990, с. 2).

Раскопки 1988–1989 гг. и 1991 г. подтвердили финнскую атрибуцию основных напластований памятника и позволили датировать их X – первой половиной XI вв. В ходе археологических работ были выявлены наземные срубные сооружение прямоугольной формы с остатками очажных устройств в центральной части, возможно, имевших и производственное назначение (Рябинин, 1990, с. 7; Рябинин, 1992, с. 6–8). Кроме того, Е.А. Рябинин выделил производственную зону городища, включающую металлообрабатывающий комплекс, наметившийся в материалах раскопок 1988–1989 гг. по многочисленным находкам льячек, тиглей и шлаков и окончательно оформившийся в 1991 г. в виде очагов со шлаком. Кроме того, на основании

высокой концентрации цельных односторонних гребней с зооморфными навершиями, а также обнаружения заготовки аналогичного гребня на одном из участков раскопа, исследованного в 1991 г., Е.А. Рябинин предположил наличие на памятнике косторезной мастерской (Рябинин, 1992 а, с. 17).

Вместе с тем анализ находок из городища Унорож позволил учёному сделать важный вывод о связях местного населения с Северо-Западом, Белоозером и Ветлужско-Вятским междуречьем (прежде всего с бассейном р. Чепцы) и, как следствие, о включении городища в систему международных торговых связей через выход на Сухоно-Вычегодскую торговую магистраль (Рябинин, 1992 б, с. 156–157).

Отдельно следует отметить, что вместе с раскопками на городище Унорож в 1988 г. Е.А. Рябининым была проведена разведка на селище Воскресенское, расположенном в Галичском районе Костромской области, в верхнем течении р. Вёксы, в 0,3 км к северу от с. Воскресенское и в 4 км к западу от с. Унорож (Рябинин, 1989 б, с. 13–14). В рамках археологической разведки было определено современное техническое состояние памятника и проведен сбор подъёмного материала на пашне. В нетронутой распашкой прибрежной части памятника была заложена разведочная траншея 5×1 м. Были получены данные о стратиграфии культурного слоя памятника, а также зафиксированы конструктивные остатки, отнесённые автором исследований к разрушенному каменному очагу.

На основе анализа стратиграфии и находок селище предварительно было датировано концом I – началом II тыс. н. э. При этом Е.А. Рябинин отдельно отмечал его синхронность и территориальную близость с поселением у с. Унорож, а также однотипность употреблявшейся на обоих памятниках лепной посуды. Исходя из этого, исследователем было сделано предположение о вхождении селища Воскресенское и городища Унорож в единую территориальную структуру финно-угорского племенного образования. Кроме того, Е.А. Рябинин отметил перспективность дальнейших археологических раскопок на сохранившемся прибрежном участке поселения (Рябинин, 1989 б, с. 16–17).

Результаты многолетних исследований финнского мира Костромского Поволжья были обобщены Е.А. Рябининым в одном из очерков докторской диссертации, защищенной в 1991 году и опубликованной в 1997 году на её основе с некоторыми дополнениями монографии. В очерке дается характеристика локальных групп и отдельных памятников, маркирующих материальную и духовную культуру местных финно-угорских группировок, занимавших различные участки Костромского Поволжья с VI по XI вв. Автор в целом признаёт их мерянскую этнокультурную принадлежность, однако отмечает своеобразие костромских локальных финнских групп, территориально обособленных и рассеянных на больших пространствах, явно не составлявших этносоциальной общности, но имевших несомненное

культурное сходство и в то же время отличавшихся от мерянских племен Волго-Клязьминского междуречья (Рябинин, 1997, с. 160–163). Кроме того, в очерке приводится краткое изложение результатов исследований автора по проблемам славяно-финно-угорского взаимодействия в Костромском Поволжье, которым была посвящена рассмотренная выше отдельная монография (Рябинин, 1997, с. 186–196).

Таким образом, Е.А. Рябинин внёс значительный вклад в изучение памятников археологии Костромского Поволжья. Он не только обобщил накопленные результаты исследований, но и расширил их за счет самостоятельных раскопок и разведок, тем самым существенно дополнил наше представление о населении Костромского Поволжья раннего средневековья и средневековья и процессах его взаимодействия с окружающим миром. Им были намечены важные направления в изучении древней и средневековой истории Костромского Поволжья, получившие дальнейшее развитие в работах костромских археологов. Кроме того, сложно переоценить его вклад в спасение от постепенного разрушения разрастающимся кладбищем городища Унорож, а также участие в охранно-спасательных раскопках Ухтубужского городища и могильника у д. Попово Мантуровского района Костромской области.

Список литературы

Кирпичников А.Н., Сениченкова Т.Б., Стасюк И.В. Слово о Евгении Александровиче Рябинине (19.05.1948 – 18.12.2010) // Stratum plus. 2012. № 5.

Кирпичников А.Н., Стасюк И.В. Памяти Евгения Александровича Рябинина (19.05.1948 – 17.12.2010) // Археологические вести. 2011. Вып. 17.

Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А. Могильник и городище у д. Попово на р. Унже // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.

Леонтьев А.Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: (материалы работ Волго-Окской экспедиции). М., 1989, с.5-105.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Костромского Поволжья // КСИА. 1975. Вып. 144.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. (САИ. Е1-60). Л., 1981.

Рябинин Е.А. Исследования в бассейне р. Унжи // Археологические открытия 1981 года. М., 1982.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

Рябинин Е.А. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: (материалы работ Волго-Окской экспедиции). М., 1989 а.

Рябинин Е.А. Отчёт о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г.: (раскопки средневековых памятников в Галичском районе Костромской области) Л., 1989 б. //Архив ИА РАН, Р.1. №12779.

Рябинин Е.А. Отчёт о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. Л., 1990. //Архив ИА РАН, Р.1. №15730.

Рябинин Е.А. Отчёт о работе Заволжской экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. СПб., 1992 а. //Архив ИА РАН, Р.1. №16341.

Рябинин Е.А., Северный трансевропейский путь X века и меря (по материалам резной кости Костромского Заволжья) // Археологические вести. Вып. 1. 1992 б. С. 153–164.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, 1997. 260 с.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

САИ – Свод археологических источников.

Актуальные вопросы в изучении Галичской культуры в контексте неолитической эпохи Костромского Поволжья

Шипилов А.В.,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

В статье даётся обобщающая характеристика галичской неолитической культуры, рассматриваются вопросы о формировании, сложении и дальнейшей судьбе носителей галичской неолитической культуры.

Галичская культура имеет сложную историю открытия. Впервые эта культура была выделена П.Н. Третьяковым. В дальнейшем его точку зрения поддержала И.В. Гаврилова. Однако материалы этого облика были собраны значительно ранее, и вклад в изучение памятников галичской культуры внес В.А. Городцов уже в 20-е гг. XX в. (Городцов, 1928). В это же время исследование поселений и сбор материалов, впоследствии связанных с Галичской неолитической культурой, проводятся Костромским научным обществом по изучению местного края под руководством В.И. Смирнова. В 1940-е гг. при обследовании округи Галичского озера собраны неолитические находки М.Е. Фосс (Фосс, 1946, с. 58–66; Фосс, 1949, с. 34–39).

Значительный вклад в изучение памятников неолитической галичской культуры внесла И.В. Гаврилова (Гаврилова, 1977, с. 5–27). В последние десятилетия фундаментальные изыскания на многослойных поселенческих памятниках, в том числе с материалами галичской культуры, проведены А.В. Новиковым. Отдельного внимания заслуживают проведённые им масштабные археологические раскопки в 2004–2008 гг. на Фёдоровской стоянке, расположенной в окрестностях Чухломского озера (Новиков, 2011). В результате проведённых изысканий был получен выразительный массив археологических источников, имеющий принадлежность к галичской неолитической культуре. Собраны материалы подобного облика и на территории Костромской низины (Алексеев, Новиков, Тоцкий, 2001, с. 42).

В настоящее время представляется необходимым обобщить имеющиеся данные археологических источников и таким образом проследить пути формирования, сложение этой культуры, а также дальнейшие судьбы ее носителей. В этой связи представляется необходимым рассмотреть ряд актуальных вопросов, непосредственно связанных с этой культурой.

Это характер топографии поселенческих памятников и особенностей домостроительства населения галичской культуры. Не меньшего внимания заслуживает материальная культура в рассматриваемом регионе, а также особенности хозяйственной деятельности её носителей.

Число памятников невелико, главным образом они локализуются на северном берегу Галичского озера. Расположение поселений галичской культуры не отличается от топографии памятников с ямочно-гребенчатой (льяловской) керамикой. Они располагаются на песчаных всхолмлениях среди заливных лугов, поднимаясь над ними не более чем на 1–2 м. Более высоко по отношению к воде находится Туровское поселение (Заячья горка). Несмотря на раскопки, проведенные в больших масштабах на поселениях с керамикой галичской культуры, лишь на Туровском поселении были открыты остатки жилых сооружений (Городцов, 1928, с. 13–54).

В культурном слое обнаружены жилища-землянки и очаги. Всего раскопками вскрыто 9 жилищ. По наблюдениям В.А. Городцова, постройки имели круглые очертания. Он пришёл к выводу, что на поселении присутствовали жилища округлой планировки с перекрытием типа конического шалаша. Внутри располагались открытые очаги. В 1964 г. Л.В. Кольцовым продолжены исследования на Галичской стоянке, в результате которых были выявлены остатки подчетырёхугольного жилища, размеры которого в сохранившейся части составляли 4 × 3,6 м (Кольцов, 1971, с. 63).

Керамика Галичской культуры (рис. 1–3) содержит в тесте примесь дресвы и песка, сосуды крупные, с круглым дном, прямыми тонкими стенкам и прямым венчиком со скошенным внутрь срезом. По всей внешней поверхности сосуды орнаментированы различными гребенчатыми штампами. Общая структура орнаментальных композиций геометрическая. Гребенчатую орнаментацию дополняют ямки круглой (рис.1; 2: 4–6, 8–10; 3: 5) или подпрямоугольной (рис. 2: 1, 2) формы. Орнаментальные композиции представлены в виде поясов из оттисков, расположенных вертикально или под наклоном, гребенчатых штампов (рис.1; 2: 4–9). Среди орнаментальных мотивов присутствует косая решётка (рис. 1: 6), ромб (рис. 2: 6), горизонтальный (рис. 2: 9) и вертикальный (рис. 2: 10) зигзаг. Одной из самых интересных композиций, созданных гребенкой, является схематическое изображение водоплавающих птиц на стенках сосудов (рис. 3: 3). Встречается также изображение птичьих лапок из трех коротких, веерообразно расходящихся гребенчатых отпечатков (рис. 3: 1, 2, 4, 5). Такие отпечатки, нанесенные горизонтально, друг за другом, образуют пояски. Полные аналогии рассмотренной выше посуде в настоящее время найти весьма трудно. Отдельные аналогии галичской керамике находятся на поздненеолитических памятниках северо-востока Башкирии, в Усть-Айском, Усть-Юрюзанском поселениях (Крижевская, 1962, рис. 9: 6, 16–19; Крижевская, 1968, табл. XLI: 13–14; XLII: 5–8; XLIII: 5),

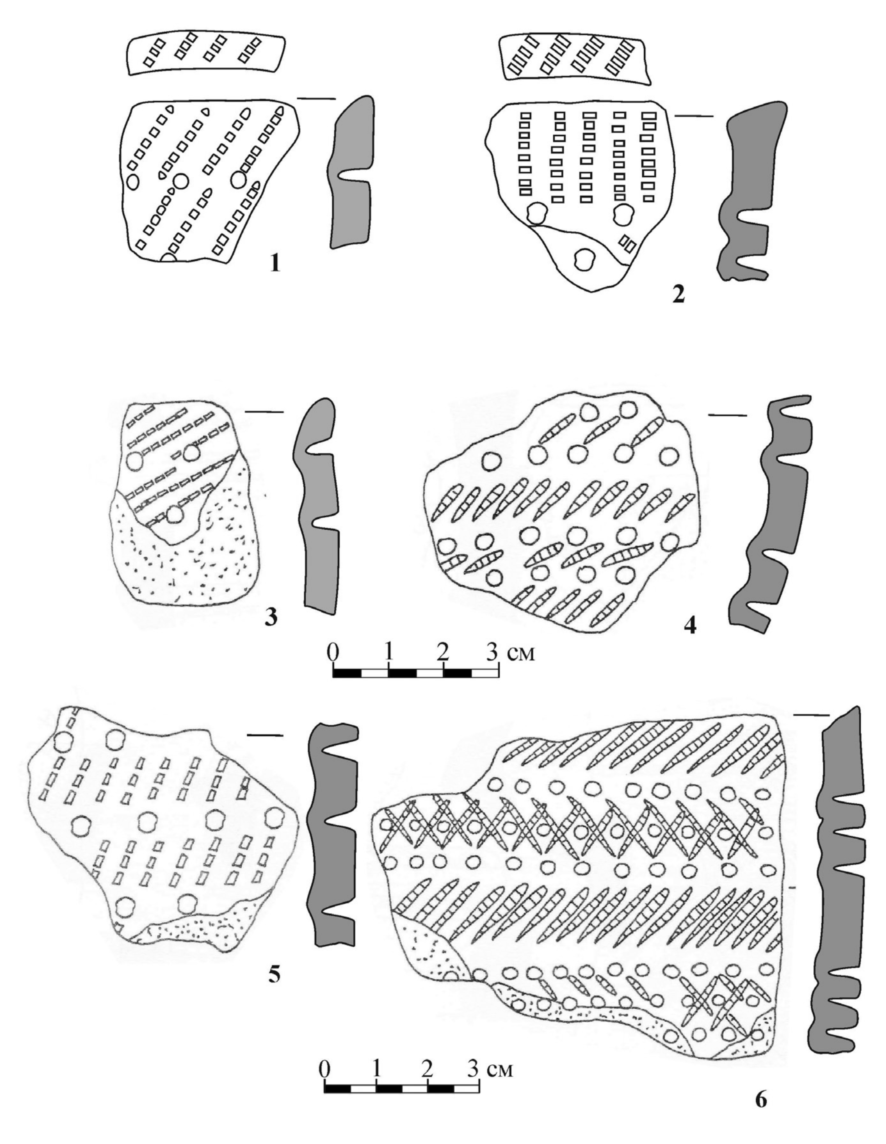

Рис. 1. Керамика галичской культуры: 1–6 – поселение Малые Ведёрки.

а также Кряжской неолитической стоянке в Среднем Прикамье (Денисов, 1961, рис. 7: 2, 4). Близкие галичским орнаментальные мотивы присутствуют на керамике камской неолитической культуры Балахчинской VI А стоянки в Приустьевом Прикамье (Выборнов, Шипилов, 2019, рис. 3: 2; 4: 3, 5, 8). Отдельные черты сходства в орнаментальных мотивах прослеживаются на

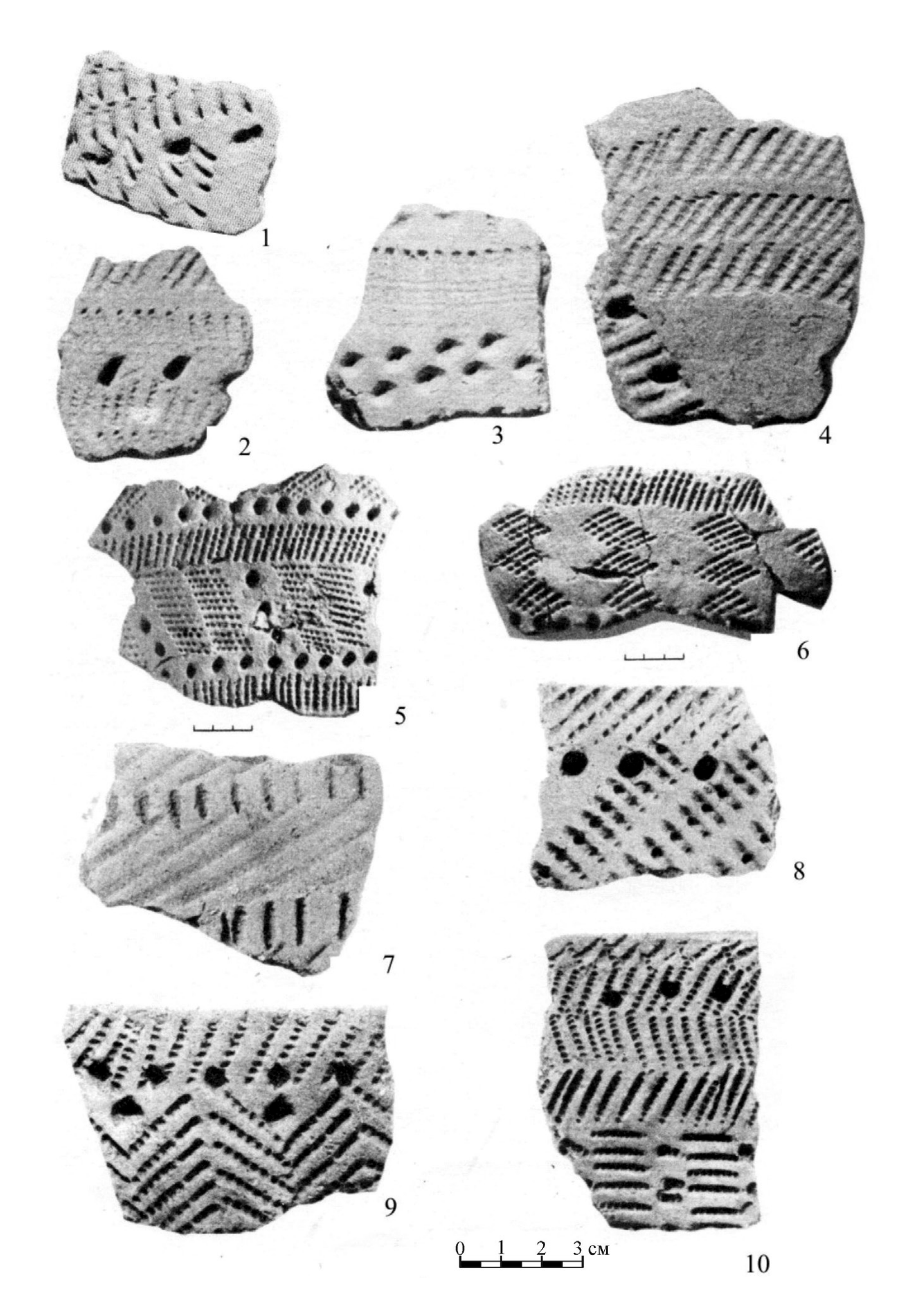

Рис. 2. Керамика галичской культуры: 1–4 – Туровское поселение; 5–6 – поселение Умиление; 7–10 – Фёдоровское поселение.

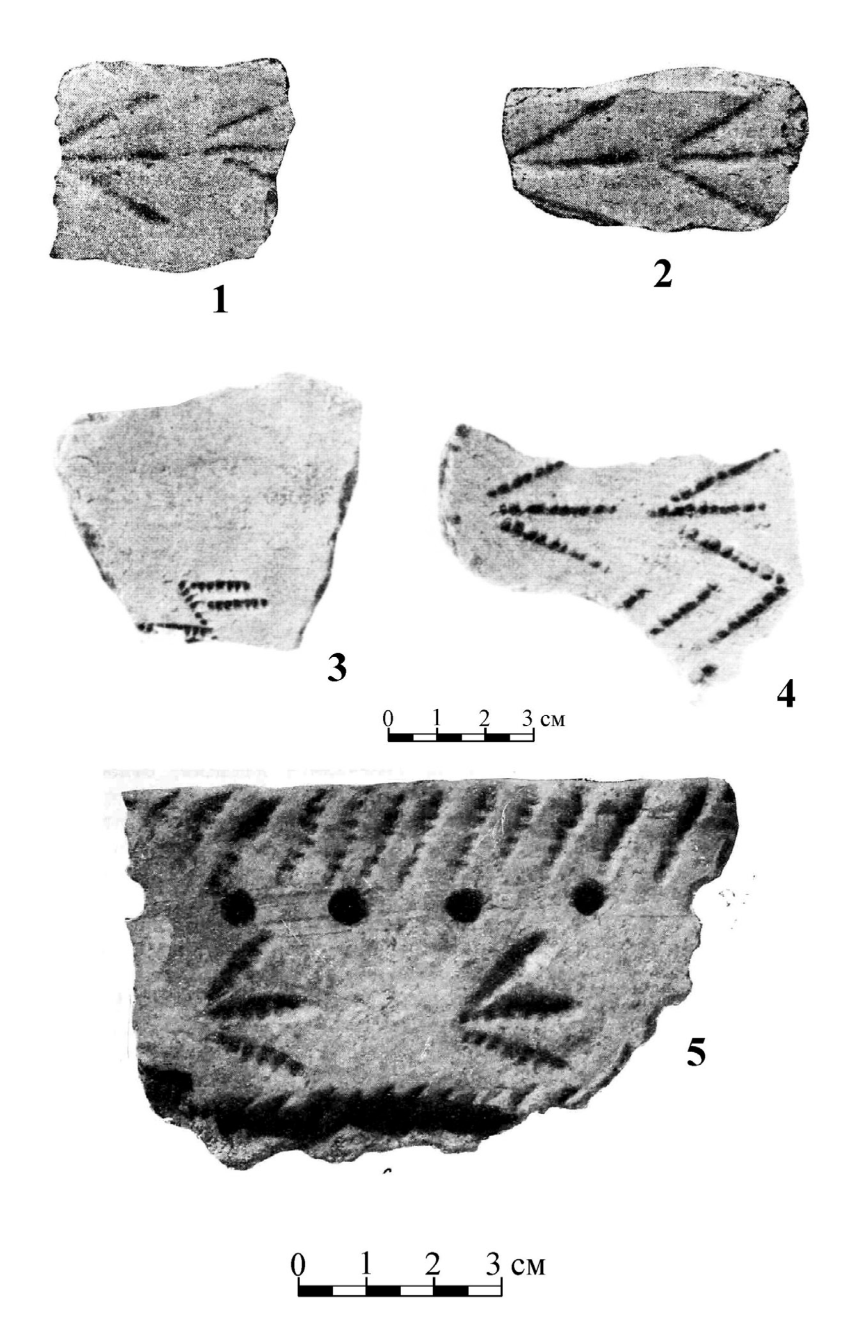

Рис. 3. Керамика галичской культуры: 1, 2, 5 – поселение Умиление; 3, 4 – Фёдоровское поселение.

неолитической керамике со стоянок, расположенных в Прибалтике, таких как Акали, Кулламаги и Валма (Янитс, 1959, табл. VI–XV; Гурина, 1996, с. 148, рис. 47: 54, 55, 65, 66).

Рассмотренные керамические комплексы позволяют выдвинуть тезис о том, что Галичская культура, вероятно, формируется на основе культурных традиций носителей ямочно-гребенчатой керамики под воздействием носителей других культурных традиций, происходящих, возможно, с территории Приуралья и Прибалтики. Ассортимент каменных орудий в среде носителей галичской культуры был весьма разнообразен (рис. 4–5). Он включает в себя наконечники стрел, скребки, рубящие орудия, режущие и сверлящие инструменты, скобели, отбойники.

Среди наконечников стрел можно выделить следующие формы: листовидные (рис. 4: 2), листо-черешковые, треугольно-черешковые (рис. 4: 1). Среди листовидных выделяются листовидно-удлиненные формы. Наконечники стрел тщательно обработаны отжимной ретушью с обеих плоскостей. Наконечники дротиков и копий сравнительно редки, преимущественно листовидной формы (рис. 4: 7, 8).

Основная масса скребков (рис. 4: 3–6) изготовлена из отщепов кремня, очень редко из кварцита. По форме они подразделяются на подпрямоугольные и округлые, но чаще встречаются атипичные скребки.

Значительная часть рубящих орудий изготовлена из сланца и кремня (рис. 4: 11, 12, 16), гораздо меньше – из крупнозернистого камня серого и зеленоватого цвета. Размеры и формы их достаточно разнообразны, обработка порою очень тщательная, иногда небрежная.

Режущие инструменты представлены многочисленными кремневыми пластинами и отщепами с ретушированными краями и единичными экземплярами двусторонне обработанных изделий.

Для носителей галичской культуры типичны ножи на крупных удлиненных отщепах с зауженным или скошенным концом, среди которых попадаются изделия со слегка выпуклой, сплошь отретушированной спинкой (рис. 4: 10, 13).

На поселениях Галичской культуры в большом количестве встречаются скобели и инструменты для проделывания отверстий.

Скобели не имеют четко выраженных форм. Для их изготовления использовались отщепы и пластины любых очертаний, на одной стороне которых ретушью оформляли дугообразно вогнутый рабочий край (рис. 4: 9).

Инструментами для проделывания отверстий служили проколки и сверла. Данные орудия, как правило, также изготовляли на массивных удлинённых отщепах (рис. 4: 14).

Несмотря на раскопки, проведенные в больших масштабах на памятниках, имеющие принадлежность к Галичской культуре, до настоящего времени нам не известны могильники этой культуры. Именно погребальные памятники позволили бы раскрыть вопросы особенностей погребальной

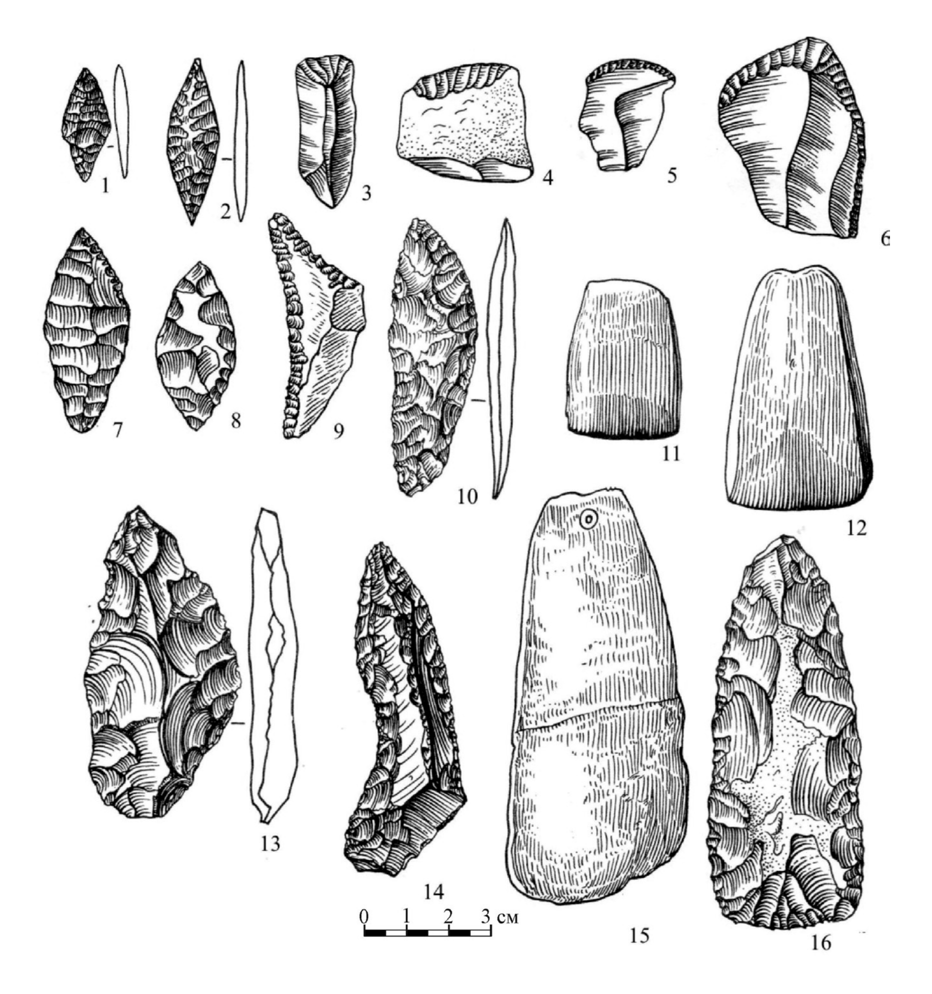

Рис. 4. Каменные орудия галичской культуры: 1, 10, 13, 14 – Фёдоровское поселение; 2, 3, 6, 9, 12, 16 – поселение Умиление; 4, 5, 7, 8, 11 – Фёдоровское поселение; 15 – устье р. Юга.

обрядности, духовной культуры, а также искусства населения галичской неолитической культуры.

В этой связи возникает необходимость в выявлении новых поселенческих и погребальных памятников галичской культуры с дальнейшими стационарными полевыми археологическими изысканиями. Именно такие исследования с привлечением естественно-научных методов в археологии позволят разработать чёткую периодизацию и хронологию Галичской культуры, а также получить новые важнейшие сведения о жизнедеятельности и духовной культуре неолитического населения Костромского Поволжья.

Список литературы

Алексеев С.И., Новиков А.В., Тоцкий Е.С. Поселение Малые Ведёрки – Новый памятник археологии в акватории костромского моря // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома, 2001. С. 41–56.

Выборнов А.А., Шипилов А.В. Неолитический комплекс VIa Балахчинской стоянки в Приустьевом Прикамье // ПА. 2019. № 1. С. 47–58.

Гаврилова И.В. Галичская культура в Костромском Поволжье // Краеведческие записки. Вып. 2. Ярославль, 1977. С. 5–27.

Городцов В.А. Галичский клад и стоянка // Труды секции археологии РАНИОН. 1928. Т. III. С. 13–54.

Гурина Н.Н. Культура гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская) // Неолит северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 147–151.

Денисов В.П. Кряжская неолитическая стоянка // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., 1961. Вып. 2. С. 6–21.

Кольцов Л.В. Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 63–64.

Крижевская Л.Я. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии // СА. 1962. № 2. С. 97–111.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л.: Наука, 1968. 183 с.

Новиков А.В. Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // ТАС. Тверь: Изд-во «Триада», 2011. Вып. 8. Т. 1. С. 102–114.

Фосс М.Е. Результаты Галичской экспедиции в 1946 г. // КСИМК. 1948. Вып. XX. С. 58–66.

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // КСИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 34–39.

Янитс Л.Ю. Поселения неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.

Археологическое обследование окрестностей Галичского озера в 2019 г.

Новикова Ольга Вячеславовна,
генеральный директор ООО «Костромская археологическая экспедиция»,
член Русского географического общества

Материалы, публикуемые в настоящей статье, способствуют расширению представлений о развитии, особенностях, специфичных чертах поселений с сетчатой керамикой в окрестностях Галичского озера. Вводится в научный оборот информация о двух новых памятниках позднего бронзового – раннего железного веков, открытых в результате совместной экспедиции Костромской археологической экспедиции и КОО «Русское географическое общество».

На территории современного Галичского района на сегодняшний день известно более 100 памятников археологии различных эпох. Интерес к археологическому изучению этой территории проявился уже в XIX в. в связи с нахождением в 1835 г. близ с. Туровского, расположенного на северо-восточном берегу Галичского озера, знаменитого Галичского клада, вещи из которого датируются началом II тыс. до н. э. В состав клада входили два идола в масках, маски-личины, фигурки ящериц, браслеты, бусы, топоры, кинжалы. Первые раскопки на памятниках с материалами эпохи поздней бронзы – раннего железного века в окрестностях Галичского озера – поселении Быки (Пуп), городище Брюхово (Курган) и Унорож в 1908 г. –провел В.Н. Глазов (АКР Костромская область, 1999, с. 147, 149; Горюнова 1961, с. 6, 16, 24). В то же время А.М. Тальгрен исследовал поселение Туровское «Заячья горка» (Археология Костромского края, 1997, с. 52), городище раннего железного века у с. Унорож, курган «Журавец» (Новиков, 2018, с. 16).

Большую роль в изучении археологических памятников округи Галичского озера сыграло образованное в 1921 г. Костромское научное общество (КНО) под руководством В.И. Смирнова: проведены раскопки и разведки на таких памятниках, как поселение Туровское «Заячья горка» (Китицына, Третьяков 1968, с. 240), городище Брюхово (Курган), поселения Быки (Пуп), Пески, Умиление, селище Воскресенское и городище Унорож (Новиков, 2018) и др. С середины XX в. в разные годы изучением археологического наследия округи Галичского озера занимались М.Е. Фосс, М.И. Матасов, Е.И. Горюнова, Л. В. Кольцов, А.Е. Леонтьев, К.И. Комаров, М.Г. Жилин, Е.А. Рябинин, Ю.Н. Урбан, В.В. Сидоров. С 2013 г. археологические раскопки на городище

Унорож проводятся Костромской археологической экспедицией под эгидой Русского географического общества, также в 2017 г. выполнены раскопки на городище Брюхово. В то же время научные разведки с целью поиска памятников археологии первобытного времени в окрестностях Галичского озера не проводились с середины 80-х гг. XX в.

Часть известных на сегодняшний день памятников археологии района сосредоточена в окрестностях Галичского озера ледникового происхождения – природного феномена, крупнейшего озера Костромской земли, длина которого составляет до 17 км, ширина – до 6,4 км. Озеро вытянуто с юго-запада на северо-восток и расположено в центральной части Галичского района. В него впадают 4 реки: Едомша, Средняя, Шокшанка, Челсма, 3 малых реки: Кешма, Святица, Ликшанка, глухие рукава Рухтема, Светичка и Лама; из озера вытекает одна река – Векса. Микрорегиональная специфика поселенческих памятников в окрестностях Галичского озера с эпохи мезолита до позднего средневековья такова, что большинство поселений сосредоточено в северо-западной части озёрной системы, в месте вытекания из озера р. Вексы, реже поселения возникали на северном и юго-восточном берегах озера (Новиков, 2020, с. 329–368).

Маршрут археологической разведки 2019 г. пролегал по северо-западному берегу озера и тяготел к месту вытекания из озера р. Вексы, включал обследование участков надпойменной террасы правого берега р. Вексы на предмет выявления памятников археологии первобытной эпохи. Надпойменная терраса в этой части озерной системы четко выражена. В настоящее время район работ представляет собой плоскую озерно-ледниковую равнину московского оледенения, на которую наложены более поздние озерные террасы. Озерная равнина сравнительно слабо расчленена речными долинами, местами заболочена, а с южной стороны подпирается высокими холмами моренной гряды московского оледенения. Внимание к археологическому обследованию окрестностей Галичского озера обусловлено важностью разрешения многих спорных вопросов, возникающих при изучении памятников первобытности и средневековья микрорегиона.

В результате археологической разведки 2019 г. выявлено и обследовано два памятника археологии эпохи поздней бронзы – раннего железного века: «Поселение Вознесенское I» и «Поселение Вознесенское II». Поселения относятся к кругу памятников с сетчатой керамикой и важны для решения вопросов, связанных с развитием сетчатых керамических традиций в окрестностях Галичского озера.

«Поселение Вознесенское I» (рис. 1). Располагается на краю первой надпойменной террасы р. Вексы (левый приток р. Костромы, левый приток р. Волги), вытекающей из Галичского озера. Примерная площадь памятника 0,43 га. Высота площадки над уровнем заболоченной поймы р. Вексы – около 3 м. Памятник вытянут вдоль края надпойменной террасы и с двух сторон

Рис. 1. Поселение Вознесенское I. Общий вид с юга.

ограничен ручьями. Поселение относится к кругу памятников с сетчатой керамикой и представляет значительный интерес для изучения культурных процессов в эпоху поздней бронзы в окрестностях Галичского озера, предварительно может быть датировано второй половиной II тыс. до н. э. Вполне возможно, поселенческая активность в данном месте начинается уже в первой половине II тыс. до н.э. и продолжается на рубеже II и I тыс. до н.э. Мощность культурного слоя выявленного объекта культурного наследия – около 50 см. Общая последовательность формирования культурных отложений выглядит следующим образом (сверху вниз): 1. Серо-черная гумусированная супесь (дернина) толщиной 3–4 см. 2. Темно-серая супесь с пятнами серой супеси мощностью около 10–22 см. 3. Коричнево-серая супесь пестроцвет с пятнами желтого песка мощностью 6–22 см. 4. Желто-коричневая супесь с пятнами желтого песка и серой супеси мощностью 13–25 см. 5. Материк – желтый песок с ортзандами.

Коллекция находок (рис. 2) насчитывает 80 предметов, выполненных из глины (75 шт.) и камня (5 шт). Среди каменных изделий выделяется рубящее орудие – сланцевый топорик (рабочий край приостренный, обух подтреугольный, длина лезвия достигает 4 см), также найдено два скребка (один из них подквадратный концевой, черного цвета, рабочий край слабой дугообразной формы, ближе к прямой, брюшко плоское, слегка вогнутое, спинка высокая; второй – подовальной формы с плоским брюшком, спинка невысокая, цвет от светло-серого до темно-серого). В коллекции камня присутствует нуклеус, у которого выделяется одна специально оформленная

Рис. 2. Поселение Вознесенское I. Находки: № 1–23 – фрагменты керамики; № 24 – отщеп, кремень; № 25 – скребок, кремень

площадка, остальная поверхность частично покрыта негативами сколов отщепов, и отщеп коричнево-серого цвета с белой коркой окремненного известняка меньшей твердости.

Рис. 3. Поселение Вознесенское II. Вид с севера северо-востока

На поселении найдена керамика с заглаженной и подштрихованной поверхностью и поверхностью, покрытой сетчатыми отпечатками. Отпечатки чаще рябчатые мелкоячеистые, хаотично расположенные (характерный тип отпечатка для памятников бассейна Верхней Волги и более северных территорий распространения сетчатой керамики). Керамика с крупноячеистым рябчатым отпечатком на поселениях Верхней Волги (Плещеево III) начинает фиксироваться с X–IX вв. до н. э. (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 31).

Близкие типы керамики, орнаментированной только ямками или ямками в сочетании с оттисками гребенчатого штампа, известны на поселениях эпохи поздней бронзы, переходного этапа и начала раннего железного века Костромского Поволжья, в частности Брюхово, Говядиново, Федоровское, Федоровское VII, Борань (Новиков, 2011 с. 102–114; Новиков, 2018, Ставицкий, 1994). Керамика, орнаментированная только ямками, характерна и для посуды из поселения Умиленье, расположенного в непосредственной близости от поселения Вознесенское I. Поселение Умиленье М.Е. Фосс датировала концом II тыс. до н. э. (Фосс, 1947, с. 68), полученные при дальнейших исследованиях материалы позволили ей прийти к выводу, что поселение развивается и в IX–VII вв. до н. э. (Фосс, 1949, с. 34–39).

«Поселение Вознесенское II» (рис. 3). Располагается на мысовидном выступе первой надпойменной террасы р. Вексы, вытекающей из Галичского озера (левый приток р. Костромы, левый приток р. Волги). Мощность культурного слоя составляет 35–70 см. Предварительные размеры составляют 100–110 × 40–85 м, площадь – около 6 000 кв. м. Высота над уровнем поймы р. Вексы составляет 8–15 м. Поселение занимает

мысовидную часть надпойменной террасы. Терраса частично эскарпирована в западной и западной северо-западной части памятника по склону оврага. Мощность культурного слоя – 35–70 см. Культурный слой сформирован следующим образом (сверху вниз): 1. Серо-черная гумусированная супесь (дернина) толщиной 2–4 см. 2. Серо-коричневая супесь с комочками красно-коричневой глины мощностью 9–50 см. 3. Коричневая супесь с пятнами серой супеси и красно-коричневой глины неравномерной мощностью 10–20 см / желто-серо-коричневая супесь с угольками и пятнами желтого песка мощностью 16–26 см. 4. Материк – красная плотная глина, сменяющаяся желтым песком с ортзандами. Поселение относится к кругу памятников с сетчатой керамикой и представляет значительный интерес для изучения культурных процессов в эпоху поздней бронзы, переходный этап, и раннем железном веке в окрестностях Галичского озера.

Коллекция находок (рис. 4) насчитывает 77 предметов, среди которых кремневые отщепы, обломок рубящего орудия со следами стёртости на одной из сторон поверхности, фрагменты костей животных и керамики. В ходе разведки на памятнике собрана заглаженная керамика с песком и песком и дресвой в формовочной массе. Среди такой керамики выделяется один четко профилированный сосуд с валикообразным утолщением по краю, вогнутой шейкой и ребристым плечиком. Также найдена сетчатая керамика с мелкоячеистыми, хаотично расположенными рябчатыми отпечатками. Начиная с позднего периода эпохи бронзы и в раннем железном веке (I тыс. до н. э.) такой отпечаток доминировал при обработке внешней поверхности сетчатой посуды на поселениях Костромского Поволжья. Также найдена стенка с отпечатками, напоминающими шнуровые оттиски (сильно затерты). Возможно, это фрагмент гибридной керамики с ананьинскими (культура гребенчато-шнуровой керамики) и сетчатыми истоками. Подобная керамика характерна для 2 этапа развития (V/IV – III/II вв. до н. э.) керамических традиций с признаками ананьинской культурно-исторической области и культуры сетчатой керамики (Новиков, 2017, с. 49–69) и известна на памятниках в округе Галичского озера (Умиленье, Брюхово, Унорож, Быки «Пуп»).

Штрихованная керамика на памятнике представлена единично. Штрихи диагональные, беспорядочные, разнонаправленные.

Поселение предварительно можно датировать X/IX – III/II вв. до н. э. По крайней мере, комплексов сетчатой керамики раннего облика, второй половины II тыс. до н. э., не обнаружено, при этом следует отметить наличие венчиков с плоским краем и округло-уплощенные донные части, характерные именно для ранней сетчатой керамики, но это обстоятельство может указывать и на озерную консервативность населения, изготовлявшего сетчатую посуду.

Таким образом, в ходе археологической разведки 2019 г. в рамках программы Русского географического общества по изучению древнейшего наследия Костромской земли выявлены 2 памятника археологии: поселение

Рис. 4. Поселение Вознесенское II. Находки: № 1–12 – фрагменты керамики

Вознесенское I, предварительно датированное серединой – второй половиной II тыс. до н. э., и поселение Вознесенское II – X/IX – III/II вв. до н. э. Поселения относятся к кругу памятников с сетчатой керамикой и важны для решения вопросов, связанных с развитием сетчатых керамических традиций в окрестностях Галичского озера. Полученные материалы ценны ещё и тем, что площадки поселений не заселялись в более позднее время. Это способствовало сохранности археологического материала. Археологическое изучение окрестностей Галичского озера по-прежнему перспективно, выявление и изучение поселений

Вознесенское I, II способствует детализации археологической ситуации и расширению сведений о характере заселения окрестностей Галичского озера на протяжении позднего бронзового – раннего железного веков.

Список литературы

Археологическая карта России. Костромская область / сост. К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН: Восточная литература, 1999. 368 с.

Археология Костромского края / под ред. А.Е. Леонтьева; Администрация Костром. обл., Департамент культуры, кино и ист. наследия, Гос. науч.-произв. центр по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. 274 с.

Горюнова Е.И. Отчет об археологических работах на территории Костромского края в 1961 г. / КМЗ Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК 18028 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 30 с.

Китицина Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. 1968. № 4. С. 239–243.

Новиков А.В. Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник Вып. 8 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.

Новиков А.В. К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы-раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2020. № 2. С. 329–368.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2018. № 2. С. 7–288.

Ставицкий В.В. Отчет об исследованиях в Чухломском районе Костромской области в 1994 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 12 с.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой: сб. науч. трудов МарГУ. Йошкар-Ола. 1993. С. 20–34.

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. М.; Л.: Академия наук СССР, 1949, Вып. XXVI. С. 34–39.

Фосс М.Е. Новые памятники в районе Галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК 1947. Вып. XVII. С. 63–69.

Из истории археологических раскопок в Галичском районе (краткий обзор)

Кузьмичёва Елена Константиновна,
МОУ СОШ № 4 им. Ф.Н. Красовского, г. Галич,
учитель истории

В данной статье рассматриваются основные этапы археологического исследования Галича и Галичского района Костромской области. Можно выделить пять этапов в археологическом изучении Галичской земли. Подчеркивается важность и значимость проведения дальнейших исследований.

Проведение археологических раскопок условно можно разделить на пять этапов. Первый – дореволюционный (1908 г.), второй – 1924–1928 гг., третий – 1945–1957 гг., четвертый – 1979–1994 гг., пятый – 2005–2019 гг. В результате археологических раскопок на территории Галичского края были выявлены поселения первобытного человека, относящиеся к эпохе мезолита, неолита, бронзового и раннего железного веков. Особый интерес у ученых вызывали такие памятники, как: стоянка Быки «Пуп», галичская «Заячья горка», городище Брюхово «Курган», на горе «Балчуг» и «Унорож». На Галичской земле трудилось много ученых-археологов – это В.Н. Глазов, А.М. Тальгрен, В.И. Смирнов, В.А. Городцов, В.И. Смирнов, П.А. Раппопорт, М.Е. Фосс, Е.И. Горюнова, Е.А. Рябинин, А.Г. Авдеев, О.В. Новикова, А.В. Новиков. В частности, П.А. Раппопортом дана характеристика трех крепостей Галича с точки зрения военного искусства. Однако отсутствие масштабных раскопок на территории Галича до сих пор оставляет без решения многие дискуссионные вопросы по дате образования города, развитию городских территорий.

С концом XIX в. можно соотнести начало археологического исследования Галичского края. Галичские краеведы принимали активное участие в организации экспедиций и формировании музейных фондов на всем протяжении исследований.

В 1885 г. в губернии создается Костромская губернская ученая архивная комиссия, которая наряду с основной задачей по упорядочению архивного дела взяла на себя заботу по организации археологических исследований. Труды комиссии издавались в сборнике «Костромская старина».

Первая, именно археологическая экспедиция в районе Галичского озера проведена под руководством В.Н. Глазова в 1908 г. с целью поиска курганов в Буйском и Галичском уездах. Он исследовал остатки древних поселений у деревни Брюхово. В 600 м от деревни, на юг, к реке Вексе, расположена

возвышенность. Местное население называло ее Курган. Здесь Глазов обнаружил следы древнего поселения. Он полагал, что это было городище.

Тогда же исследователь произвел разведку и раскопки на верхнем городище в городе Галиче. Он датировал находки из слоя городища XIV–XV вв., «если далее не позже» – так написано в отчетах.

Одним из первых среди археологов обобщил материалы эпохи бронзы и железного века от Финляндии до Минусинска Арнэ Михаэль Тальгрен в 1908 г. Увлеченный проблемой происхождения финно-угорских народов, раскапывал поселение у села Туровское, где в 1836 г. был найден знаменитый галичский клад медных вещей.

Этими работами завершается дореволюционный период археологических исследований Галичской земли.

Следующий этап активного изучения памятников археологии в Галичском районе начинается в 20-е гг. XX в., и связан он с деятельностью Костромского научного общества по изучению местного края. В основном изучались памятники первобытной эпохи.

5–6 августа 1926 г. была проведена разведка у стоянки Шокша «Бугорки». Она находилась в 6 верстах от Галича на восток по Чухломскому тракту и в 1 версте от села Шокша. Ее провел Василий Иванович Смирнов при содействии Ивана Троицкого. Стоянка была найдена А.Я. Брюсовым случайно в 1925 году. Он сообщил, что собрал «подъемный материал в виде полированного кремневого топора и нескольких обломков кремневых орудий». В этом же году В.В. Касторский, А.Н. Капустин и И.М. Троицкий провели небольшую разведку. По словам Касторского, «вскрыты были три очага с черной зольной землей, черепки с орнаментом, подобным туровским, два скребка». Все находки сданы в музей.

В своем отчете Василий Иванович Смирнов подробно описывает находки и культурный слой каждого угла осыпи, делает зарисовки. Его рукой подчеркнуто: «найдены скребок, железный четырехгранный наконечник неопределенного предмета и черепки с дресвой» (Смирнов, 1926, с. 2).

В 1927 г. археологические исследования В.И. Смирновым продолжились. В них участвовал и директор галичского музея П. Царев, а также ряд галичских краеведов. Интересно, что раскопки проводились за счет местного музея, все найденные материалы поступали в его фонд. По отчёту этой экспедиции видно, что изыскания начались от станции Россолово. Был исследован карьер, так как здесь нередко находили кости крупных послеледниковых ископаемых. Далее путь лежал в село Воскресенское. Там были найдены 137 мелких осколков черепков. Часть из них – с небольшой примесью дресвы, слюды и один черепок – с примесью толчёной раковины.

У деревни Брюхово ими были обнаружены следы продольной и поперечных траншей, оставленных экспедицией В.Н. Глазова в 1908 году. Там же они нашли огромную яму. Зачистка стенки этой ямы обнаружила

культурный слой до глубины 1 м 23 см. Найдены три скребка грубой работы, кремневые наконечники. В изобилии находились черепки с сетчатой керамикой. Историками был сделан вывод о необходимости здесь более широкого исследования.

В деревне Починок Черкасский мельником Шульгиным археологам был передан крупный зуб неизвестного животного, найденный на берегу реки.

Далее исследована интересная стоянка первобытного человека у деревни Быки под названием «Пуп». Здесь найдено обильное количество сетчатых черепков, кремниевых стрел, скребков, много костей. Также была посещена знаменитая стоянка «Заячья горка» у реки Лыкшанки, вошедшая в историю с находкой «Галичского клада».

В 1924 году на данном памятнике проводились широкие раскопки профессором Василием Алексеевичем Городцовым. Им были исследованы 9 землянок и найдена хорошей выделки посуда красной глины с ямочно-гребенчатым орнаментом. Как пишет в отчете В.И. Смирнов, «дальнейшее исследование здесь невозможно. После раскопок Городцовым здесь не осталось, можно сказать, живого места. Вся площадь изрыта траншеями и ямами. Земля, выкинутая из траншей, осталась неубранной» (Смирнов, 1927, с. 6).

В этом отчёте говорится о рассмотрении и изучении доисторического материала местного галичского музея. Среди описаний находим интересные факты, например, что при починке забора у железнодорожной школы (ныне школа № 4) на улице Советской в 1924 г. были найдены железные топоры. Это район третьей крепости, где до настоящего времени так и не проводились масштабные археологические раскопки.

Работая с отчетами археологических раскопок и разведок, находишь много интересных фактов краеведческого характера. Так, стоянка Умиленье «Пески», находящаяся у села Умиленье, была найдена благодаря ученику В. Предтеченскому, который в 1925 г. поднял здесь несколько черепков и кремневые поделки, которые отнес в Галичский музей. На них обратил внимание член галичского отделения Костромского научного общества Василий Васильевич Касторский. Весной 1927 г. со стоянки «Пески» также несколько предметов были доставлены в Галичский музей. 16 июля эту стоянку посетила экспедиция Соколова, собран богатый подъемный материал и сделано описание этой стоянки. Раскопки в августе этого же года здесь начал В.И. Смирнов. Были найдены мелкие частицы жженых косточек, 54 поделки из камня, производившихся, как считал ученый, здесь же.

Археологическое изучение Галичского края после небольшого перерыва возобновились в 1945 г. под руководством ученицы Василия Алексеевича Городцова, доктора исторических наук Марии Евгеньевны Фосс.

В своей работе «Новые памятники в районе Галичской культуры», опубликованной в 1948 г., Фосс описывает раскопки галичской экспедиции 1945 г.: «В 1945 году в районе Галичского озера были произведены раскопки

в двух пунктах, в которых Василий Иванович Смирнов в 1927 году открыл остатки древних поселений. Результаты его обследования остались неопубликованными…» (Фосс, 1948, с. 2) – такими словами начинается статья. Именно эти стоянки стала обследовать экспедиция. В своем отчете Мария Евгеньевна называет место «Пески» еще одним названием – «Грачи» – по местному обозначению. В итоге она приходит к выводу, что ей легче называть эту стоянку в дальнейшем «Умиление». Вторым памятником исследования ее экспедиции было селище Быки.

Раскопки продолжились и в 1946 г. Подводя итоги работы, М.Е. Фосс пишет:

– были выяснены размеры заселенной полосы на дюнах Галичского озера у села Быки;

– установлена разновременность поселений, открытых в Умиленье;

– выяснено, что позднее поселение было связано с выработкой железа;

– выяснены детали, восстанавливающие процесс получения железа в примитивных условиях жизни на стоянке;

– наметилось изменение в датировке Галичской стоянки.

Закончены исследования в районе распространения памятников Галичской культуры в 1947 г.

В 1957 г. начаты археологические работы в г. Галиче. Исследования проводились во главе с Петром Александровичем Раппопортом. Шурфы, заложенные на городище, показали, что культурный слой здесь различной толщины – от 0,4 до 1 м. Судя по находкам фрагментов керамики, культурные наслоения относятся ко времени приблизительно от XII до XV в. Прорезка вала в нижней части городища, близ озера, показала, что культурный слой с керамикой XII в. заходит под основание вала. Кроме того, в самой насыпи обнаружено несколько фрагментов керамики, которые относятся, по-видимому, даже не к XII, а к XI веку. На основании вышеперечисленного П.А. Раппопорт делает вывод, что «…город был построен в середине XII в. на территории уже существовавшего славянского поселения, а время постройки укреплений Верхнего городища в Галиче относится к XV в.» (Раппопорт, 1959, с. 8).

Именно раскопки П.А. Раппопорта подтолкнули городские власти к установлению даты основания города – 1159 г. В своей работе «Оборонительные сооружения Галича Мерьского» ученый делает выводы: «…прорезка вала Верхнего городища выявила, что на поверхности вала лежит толстый слой обожженной глины и угля, отложившийся в результате пожара, уничтожившего наземные стены крепости. …Московские воеводы не были заинтересованы в уничтожении крепости. Поэтому пожар мог произойти позже» (Раппопорт, 1959, с. 15). «Три городища, представляющие собой остатки крепостей древнего Галича Мерьского, отвечают трем основным этапам в развитии средневекового русского военно-инженерного искусства. Первая, основанная в XII веке, построена в период господства

тактики пассивной осады. Вторая крепость связана с тактикой штурма и относится к началу XV века. Третья крепость, возведенная или в конце XV или в начале XVI в., соответствует требованиям периода развития огнестрельного оружия» (Раппопорт, 1959, с. 8).

Особенно хочется выделить строки статьи, вызывающие гордость каждого галичанина за свой город: «Очень редко встречаются такие древнерусские города, где каждый этап военно-инженерного искусства представлен отдельным, самостоятельным памятником» (Раппопорт, 1959, с. 16).

Следующий пик археологических исследований приходится на 80-е годы XX в. В 1979 г. началось обследование территории Костромской области, связанное с паспортизацией археологических памятников.

В 1988–1989, 1991 гг. проводятся археологические раскопки на городище Унорож под руководством Евгения Александровича Рябинина. В местной газете в 1988 г. появляется статья «Археологический памятник в селе Унорож» под рубрикой «Наше Наследие». Ученый обращается к районным властям со словами: «Учитывая уникальность археологического объекта и необходимость его научного изучения, требуются экстренные, неотложные меры по охране оставшихся непотревоженными участков городища» (Рябинин, 1988). Приписка-обращение отдела культуры Галичского райисполкома к жителям села Унорож – до принятия официального решения по охране археологического памятника не проводить захоронения на оставшейся его территории. Археологические работы на значимом для истории Галичской земли памятнике возобновлены в 2013 г. Костромской археологической экспедицией под руководством А.В. Новикова и О.В. Новиковой.

Что касается исследований в г. Галиче, то после работ П.А. Раппопорта археологические раскопки здесь не проводились вплоть до середины 90-х гг. XX в. В 1994 г. А.Г. Авдеев во время разведок на Нижнем городище обнаружил фрагменты кружевных сосудов. На основании большого числа керамики XII – начала XIV вв. А.Г. Авдеев делает вывод, что после Ордынского погрома Нижнего городища оно было восстановлено и продолжало существовать в XIV–XV вв. Нижнее городище функционировало параллельно с новым – Верхним городищем – вплоть до XV века и приходит в упадок одновременно со второй крепостью.

Следующие археологические исследования Нижнего городища были приурочены к 850-летию Галича. В 2005 г. Ольгой Вячеславовной Новиковой заложен раскоп общей площадью в 16 кв. м. в северо-восточном углу городища. Находки датируются XII–XVII вв. Из серии индивидуальных находок интерес представлял железный наконечник стрелы ланцетовидной формы, фрагмент крученого стеклянного браслета, 2 серебряные монеты Василия Темного (1425–1462) и Ивана IV (1533–1584).

Следующие раскопки на Нижнем городище относятся к 2009 г. Руководил ими Александр Викторович Новиков. Работы проведены на верхней площадке

городища. Площадь раскопа составила 52 кв. м. В результате исследований изучен культурный слой мощностью около 60 см. Исследованы погребения и хозяйственные объекты. Находки датируются XI–XV вв. Также была найдена керамика раннего железного века. Среди индивидуальных находок 2009 г. выделяются восьмигранная сулица с пером удлиненно-треугольной формы и железная шпора (XIV–XV вв.), донце с клеймом в виде птичьей лапки, лепная керамика (Новиков, Баранов, Новикова, 2014).

В заключении хочется подчеркнуть важность и значимость археологических изысканий Галича и его окрестностей для выявления многих проблемных вопросов, касающихся датировки основания и места расположения города, а также для дальнейшего открытия «белых страничек» в истории нашего с вами края.

Список литературы

Авдеев А.Г. Археологические разведки в Галиче Мерьском // АО-1994. М., 1995. С. 64.

Белов Л.И. «Места стоянок первобытного человека в Галичском крае» [Машинописный отчёт] // Архив филиала ОГБУК КГИАХМЗ Галичский краеведческий музей.

Новиков А.В., Баранов В.С., Новикова О.В. Археологические исследования исторических городов Костромского края: Галич–2009, Кострома–2011. Кострома: Изд-во ООО «Оперативная полиграфия», 2014. 36 с.

Раппопорт П.А. «Оборонительные сооружения Галича Мерьского» // Краткие сообщения Института истории материальной культуры / Академия наук СССР. 1957. Вып. 77.

Рябинин Е. Археологический памятник у села Унорож» // Ленинский путь: газета. 1988. 24 авг.

Смирнов В.И. «Раскопки на стоянке “Бугорки” Галичского уезда 3–5 августа 1926 года» [Рукописный отчет] // Архив филиала ОГБУК КГИАХМЗ Галичский краеведческий музей.

Смирнов В.И. Отчёт об археологических исследованиях в Галичском уезде 1925–1927 гг. // Архив филиала ОГБУК КГИАХМЗ Галичский краеведческий музей.

Смирнов В.И. Краткое описание коллекций керамики Галичского музея, собранных при разведках 1927 г. на городищах Унорож, Пуп и Курган // Архив филиала ОГБУК КГИАХМЗ Галичский краеведческий музей.

Фосс М.Е. Новые памятники в районе Галичской культуры: (Раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени П.Я. Марра / Академия наук СССР. 1947. Вып. 17.

Фосс М.Е. Результаты Галичской экспедиции 1946 года // Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени П.Я. Марра / Академия наук СССР. 1948. Вып. XX.

Фосс М.Е. Итоги Галичской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени П.Я. Марра / Академия наук СССР. 1949. Вып. 26.

История археологического изучения Костромского края. URL: KOSTROMKA.RU. 2009–2019.

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

К вопросу о времени основания Галича Мерьского: анализ источников и историография проблемы

Иванов Алексей Николаевич,
историк (Кострома)

Датировка основания – традиционно один из наиболее сложных вопросов истории старинных русских городов. Очень немногие из них могут похвалиться тем, что сведения о времени их закладки сохранились в известных нам письменных источниках древнерусского периода. Галич не относится к числу таких счастливчиков. В силу этого всякое решение вопроса о времени основания города, базирующееся на письменных источниках, будет спорным. Не удивительно, что единого мнения по этому поводу не существует и авторы, касавшиеся данной проблемы истории Галича, придерживались различных датировок. В данной статье будут рассмотрены основные версии и степень их обоснованности с точки зрения сообщений письменных источников и, отчасти, лингвистики.

Историография проблемы даты основания Галича насчитывает более двух с половиной столетий, однако вплоть до недавнего времени данный вопрос не становился предметом специального рассмотрения. Как правило, авторы бегло касались его, приводя свою версию датировки и давая краткое, в несколько предложений, обоснование этой точки зрения. Но в последние десятилетия появилось несколько работ, в которых были пристально рассмотрены различные варианты решения проблемы и дана развернутая аргументация «за» и «против» той или иной гипотезы. Самое объемное из них – «Акт научно-исследовательской экспертизы Института российской истории РАН о дате основания города Галича Костромской области», точнее, приложение к нему (далее – «Акт экспертизы») (Акт научно-исследовательской экспертизы, 2006, с. 94–107). В нем скрупулезно разобраны все встречающиеся в литературе датировки, а также высказаны ряд небезынтересных догадок по интересующему нас вопросу. Главным минусом этой работы является очевидная заданность выводов авторов, нацеленных на обоснование официальной датировки – 1159 г. Также нельзя отнести к достоинствам «Акта

экспертизы» тот факт, что почти 2/3 текста справки посвящено проблеме достоверности сообщений о «легендарных» князьях Галича XIV в., не имеющей прямого отношения к заявленной тематике. Также важной вехой в изучении проблем начала истории Галича служит ряд работ А.Г. Авдеева, вышедших в первом десятилетии XXI в., в которых автор привлек не только опубликованные источники, но и практически не использовавшиеся ранее местные памятники агиографии и летописания. (Авдеев, 2001; Авдеев, 2002; Авдеев, 2006а; Авдеев, 2006б; Авдеев, 2009).

От общей характеристики историографии перейдем к конкретным версиям датировки.

Известная всем галичанам и содержащаяся в большинстве официальных справочников дата – 1159 г. – не встречается ни в древнерусских летописях, ни в более поздних (и малодостоверных) источниках XVII–XIX вв. Даже считающиеся авторами этой датировки галичские краеведы Л.И. Белов и В.В. Касторский в своих работах фактически нигде ее не придерживаются[1] и связывают основание Галича с деятельностью Юрия Долгорукого, умершего в 1157 г., ссылаясь на сведения В.Н. Татищева, якобы почерпнутые им из несохранившихся летописей (Белов, Касторский, Соколов, 1959, с. 9–10; Белов, Зубова, Касторский, Соколов, 1983, с. 4–6).

В самом деле, в примечании к 2-й части второй редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев упоминает Галич в числе поселений Залесья, основанных Юрием Долгоруким и названных в честь городов утраченной князем Южной Руси, при этом историк не ссылается на данные каких-либо источников, а лишь высказывает предположение («можно мнить») (Татищев, 1774, с. 482–483, прим. 458; Татищев, 1995, т. 2–3, с. 241, прим. 458)[2]. Несмотря на свою умозрительность, татищевская точка зрения стала преобладающей в последующей историографии вопроса. Так, известный публицист, автор первого очерка о Галиче П.П. Свиньин, ссылаясь на некие «предания летописцев», фактически воспроизводил мнение В.Н. Татищева об основании Галича Юрием Владимировичем «на образец Галича Волынского», хотя и указывал на то, что оба Галича появляются «в истории» синхронно, а на месте северного города стояло более древнее поселение «Мерячей» (Беляев, 1852, с. 47; Исторические города и села, 2004, с. 60–61;

[1] Единственным косвенным проявлением признания Л.И. Беловым и В.В. Касторским 1159 г. как даты основания Галича является фраза в предисловии к 1-му изданию работы: «В 1959 году город Галич отмечает свое 800-летие». Впрочем, из основного текста книги становится ясно, что авторы датируют основание города более размыто – серединой XII в., и празднование происходит именно в 1959 г. лишь потому, что к этому времени данная датировка получила археологическое обоснование [Белов, Касторский, Соколов, 1959, с. 3–4, 9–10).

[2] Примечательно, что в первой редакции труда Татищева говорится о времени постройки этих залесских городов, в том числе и Галича, еще менее определенно: «Из сих [городов] видно многие тогда построены, а иные после стали упоминаться» (Татищев, 1995, т. 4, с. 442, прим. 325).

Ключевский, 1887, с. 291–292; Памятная книжка Костромской губернии, 1862, с. 325–326; Свиньин, 1839, с. 170–171; Списки населенных мест, 1877, с. LV–LVI; Сытин, 1905, с. 9–10; Тиц, 1971, с. 9).

Впрочем, в «Истории» Татищева, точнее, опять же, в ее второй редакции, имеются еще два упоминания Галича «Меряжского», более ранние, чем первые известные нам сообщения древнерусских летописей о городе. Под 6716 (1208) г. он (наряду с Костромой) встречается в перечне городов, вошедших в состав Ростовского удела князя Константина Всеволодовича (Татищев, 1774, с. 362; Татищев, 1995, т. 2–3, с. 181). В дальнейшем под 6726 (1218) г., повествуя о наделении уделами сыновей самим Константином Всеволодовичем, Татищев снова называет Галич (опять же, вместе с Костромой), на этот раз среди городов, отданных старшему наследнику Василию (Васильку) Константиновичу (Татищев, 1774, с. 415; Татищев, 1995, т. 2–3, с. 205). В примечании ко второму из этих известий Татищев ссылается на летопись суздальского епископа Симона, якобы лично присутствовавшего при этом событии (Татищев, 1774, с. 514, прим. 601; Татищев, 1995, т. 2–3, с. 262, прим. 600). В соответствующих же летописных статьях Лаврентьевского, Воскресенского и др. сводов[3], равно как и в первой редакции татищевской «Истории», среди городов, данных отцом Константину, назван только Ростов, а об остальных сказано лишь их общее количество – пять (Полное собрание русских летописей, 1927, т. 1, вып. 2, стб. 434; Полное собрание русских летописей, 1856, т. 7, с. 115; Татищев, 1995, т. 4, с. 337). При этом сообщение второй редакции «Истории Российской» о принадлежности Костромы и Галича ростовской княжеской династии напрямую противоречит летописным известиям о сожжении Костромы Константином Ростовским в 1213 г. (Полное собрание русских летописей, 1856, т. 7, с. 119; Полное собрание русских летописей, 1995, т. 41, с 131). В силу этого в современной историографии Кострома и Галич первых десятилетий XIII в., безусловно, рассматриваются как владение владимиро-суздальских князей, а сообщение В.Н. Татищева считается недостоверным[4]. Те же авторы XIX столетия, что доверяли уникальным известиям татищевской «Истории», исходили из того, что Галич был основан Юрием Долгоруким, и потому не считали упоминание города в 1208 и 1218 годах наиболее ранним (Географический словарь Российскаго

[3] Не под 6716 г., как у Татищева, а под 6715, то есть 1207 г.

[4] У многих специалистов оригинальные сообщения «Истории» В.Н. Татищева (особенно ее второй редакции), не встречающиеся в известных нам летописях, вызывают серьезные сомнения. Не вдаваясь в подробности идущей не первый век полемики, отметим, что даже сторонники наличия в распоряжении В.Н. Татищева крупных, не известных нам источников, признают, что часть оригинальных сообщений «Истории Российской» были домыслами самого историка. В силу указанных нами противоречий известий 6716 и 6726 гг. данным летописей, эти статьи явно входят в число татищевских домыслов. В качестве дополнительного аргумента в пользу предпочтительности сведений Лаврентьевского свода и зависящих от него летописей укажем на то, что в описании событий начала XIII в. они опираются преимущественно на ростовский источник, близкий князю Константину Всеволодовичу.

государства, 1804, стб. 10; Памятная книжка Костромской губернии, 1862, с. 326; Свиньин, 1839, с. 170–171; Сытин, 1905, с. 10.) Правда, не так давно авторы «Акта экспертизы» предприняли осторожную попытку поставить под сомнение аргументы скептиков, якобы отвергавших возможность перехода земель от одной ветви Рюриковичей к другой[5], указав на то, что земли могли менять хозяев в ходе различных сделок, например брачных (как приданое) (Акт научно-исследовательской экспертизы, 2006, с. 89.). Однако в данном случае с мнением экспертов ИРИ РАН нельзя согласиться: брачных союзов между княжескими династиями Залесья в начале XIII века не было и быть не могло ввиду их близкого родства, да и другие сделки между враждующими братьями Всеволодовичами за несколько месяцев, прошедших между смертью их отца и разорением ростовским князем Костромы, крайне маловероятны.

Второй по популярности среди историков и краеведов стала условная дата основания города по времени его первого упоминания в древнерусских летописях в статье 6745 (1237/1238) г., повествующей о Батыевом нашествии на Рязанское и Залесское княжества (Полное собрание русских летописей, 1927, т. 1, вып. 2, стб. 464; Полное собрание русских летописей, 1928, т. 1, вып. 3, стб. 518; Полное собрание русских летописей, 1856, т. 7, с. 141; Полное собрание русских летописей, 1885, т. 10, с. 109; Полное собрание русских летописей, 1863, т. 15, стб. 369; Приселков, 1950, с. 316). Исходя из этого летописного известия, многие авторы либо указывают на то, что время основания Галича неизвестно, либо говорят о Долгоруком лишь как об одном из возможных основателей, не исключая, что в этой роли могли выступить и его преемники, княжившие во Владимиро-Суздальской земле во второй половине XII – первой трети XIII вв. (Белоруков, 2000, с. 64; Виноградова, 2000, с. 17; Виноградова, 2009, с. 39; Крживоблоцкий, 1861, с. 597; Миловидов, 1886, с. 7–8; Памятники архитектуры Костромской области, 2001, вып. 3, с. 6; Рудаков, 1892, с. 922–923. Наиболее полно эта концепция изложена в работе А.В. Экземплярского (Экземплярский, 1891, с. 200–204). Ряд историков вообще скептически относятся к вероятности основания Юрием Владимировичем каких-либо городов, кроме Переславля Залесского, Кснятина, Юрьева Польского, Дмитрова и Москвы, особенно категоричен в своем скепсисе В.А. Кучкин (Кучкин, 1984, с. 85; Пресняков, 1918, с. 27–28).

Наконец, рядом авторов для определения времени начала истории Галича привлекаются сообщения местных нарративных памятников позднего происхождения. Наиболее ранним из этих сочинений является Галичский, или Березниковский, летописец, упоминаемый как П.П. Свиньиным в предисловии к своему роману «Шемякин суд»[6], так и видным костромским краеведом

[5] На самом деле по крайней мере часть современных историков, например В.А. Кучкин, вовсе не отрицали обмен уделами между князьями Залесья (Кучкин, 1984, с. 115–116.)

[6] П.П. Свиньин именует летопись Березинковской.

М.Я. Диевым, который называет летописец «довольно обширным» (Свиньин, 1832, с. IV; Титов, 1887, с. 35). На рубеже 20–30-х годов XIX в. галичский собиратель древностей и краевед-любитель И.И. Тычинкин использовал Березниковский летописец в качестве основы для своей «Истории Галича», или, как ее обычно именуют в современной литературе, Тычинкинской летописи (Диев, 1892, с. 40). М.Я. Диев, знакомый с обоими источниками, считал «Историю» Тычинкина сокращением Березниковского летописца (Титов, 1887, с. 35.), хотя, скорее всего, Тычинкин использовал в своей работе и другие источники: маловероятно, чтобы он не воспользовался большой коллекцией рукописей и документов, собиравшейся им в течение всей жизни.

К сожалению, Березниковская летопись и «История» И.И. Тычинкина ныне считаются утраченными, так что судить о них мы можем лишь по упоминавшимся выше крайне лапидарным сообщениям, по изложению отдельных известий Тычинкинской летописи в «Костромской вивлиофике» М.Я. Диева (Авдеев, 2009, с. 170–171), а также по публикации фрагмента «древней галичской рукописи коленного письма» в «Памятной книжке Костромской губернии на 1862 год» (Памятная книжка Костромской губернии, 1862, с. 325–326). Большинство авторов считают, что опубликованный фрагмент взят из Тычникинской летописи, однако краткая преамбула публикации («Из отрывка древней галичской рукописи коленного письма, упоминаемой собирателем исторических материалов Тычинкиным, можно извлечь некоторые исторические известия о Галиче в XII столетии»), скорее, говорит о том, что перед нами протограф сочинения Тычинкина, возможно Березниковский летописец. В пользу этой версии косвенно свидетельствует тот факт, что единственный экземпляр «Истории» Тычинкина был в 1831 г. представлен автором на рассмотрение ОИДР, передан для изучения члену «Общества» В.Н. Каразину, и, по-видимому, остался у Каразина при его отъезде из Москвы, после чего следы работы Тычинкина теряются (см.: Диев, 1892, с. 40). Между тем Березниковский летописец, скорее всего, продолжал оставаться в Галиче, и потому был более доступен составителям «Памятной книжки…». Впрочем, мы осознаем, что приведенных аргументов недостаточно для твердого отождествления опубликованного отрывка с Березниковской летописцем, и потому в дальнейшем будем называть источник, частично опубликованный в «Памятной книжке…», «Галичской летописью»).

«Выписка» М.Я. Диева описывает события второй половины XIII – первой половины XV вв. и не касается темы нашей статьи. А вот в публикации 1862 г. речь идет о событиях 60–70-х гг. XII в., и потому сторонники аутентичности данного источника считают это сообщение наиболее ранним датированным упоминанием Галича (Памятная книжка Костромской губернии, 1862, с. 325–326; Славянская энциклопедия, 2003, т. 1, с. 269; Смирнов, 2000, с. 15; Сытин, 1905, с. 9). Впрочем, на наш взгляд, есть серьезные основания рассматривать известия опубликованного фрагмента о междоусобицах

галичских князей XII в. как позднее предание, не имеющее ничего общего с реалиями описанного в нем периода. Во-первых, упоминающиеся в нем галичские князья Симеон, Андрей и Феодор не фигурируют ни в одной из средневековых летописей, хотя сведения о представителях залесского княжеского дома в них весьма подробны и полны. Да и княжество Галичское отсутствует в летописях вплоть до середины XIII в. Во-вторых, обстановка во Владимиро-Суздальской земле времен «самовластца» Андрея Боголюбского не способствовала многолетней междоусобице, пусть и на окраине княжества. Наконец, характер источника заставляет усомниться не только в его собственной древности, но и в существовании его раннего протографа. Текст выглядит не как отрывок летописи, а как самостоятельный рассказ, не связанный ни с каким предшествующим ему повествованием: братья-князья не имеют родителей, отчества, появляются как бы ниоткуда и даже само начало фрагмента «бhяху живуще» фактически тождественно традиционному фольклорному зачину «жили-были», то есть мы имеем дело не летописью, а с относительной поздней записью устного предания, лишь имитирующей отдельные черты летописного текста.

Сомнительность сообщений «Галичской летописи», отсутствие ее подлинника и даже полного текста, малоизвестность памятника за пределами Галичской земли привели к тому, что до недавнего времени ее версия датировки наиболее раннего упоминания Галича имела хождение только в среде краеведов. Но и здесь ситуация серьезно поменялась с выходом работ А.Г. Авдеева и публикацией «Акта экспертизы».

В «Акте экспертизы» известию о галичских князьях XII в. посвящен самый большой раздел (Акт научно-исследовательской экспертизы, 2006, с. 90–112). Авторы «Акта экспертизы» обратили внимание на значимые параллели сообщений «Галичской летописи» и начальной части Летописца Солигаличского Воскресенского монастыря, еще одного памятника позднего летописания Костромского края, датируемого XVII в.[7] Они отметили, что в обоих источниках речь идет о княжеской междоусобице на территории Галичского удела, и при этом совпадают имена князей, упоминаемых в обоих летописцах: Симеон, Андрей и Феодор. Правда, в галичском летописце все действующие князья приходятся друг другу братьями, а в солигаличском

[7] Сообщения Солигаличского Воскресенского летописца относятся к событиям не ранее XIV в., поэтому его источниковедческий разбор выходит за рамки темы нашей статьи. Однако позволим себе заметить, что достоверность его известий, особенно начальной части памятника, вызывают серьезные сомнения. Подавляющее большинство историков, от Н.М. Карамзина, введшего Солигаличский летописец в научный оборот, до С.А. Семячко, наиболее обстоятельно изучившего памятник, считают его сообщения легендарными (Карамзин, т. 4, 1991, с. 300, прим. 327; Семячко, 1993, с. 284–290; Семячко, 1994, с. 254–264). Впрочем, один из составителей «Акта экспертизы», К.А. Аверьянов, сделал попытку частичной реабилитации Солигаличского Воскресенского летописца как источника по истории средневековой Руси, но отнес описываемые в нем события не к XIV в., как автор летописца, а к XV в. (Аверьянов, 2018, с. 53–82; Аверьянов, 2001, с. 58–86).

Симеон выступает в роли отца, правит Симеон не только в Галиче, но и в Костроме, а из его сыновей лишь Федор является галичским князем, Андрей же княжит в Костроме, действие, по Солигаличскому летописцу, происходит не в 1167–1172 гг., а в 1332–1374 гг. На основании явных совпадений в описании событий в обоих источниках авторы «Акта экспертизы» делают вывод о достоверности сообщений опубликованного в «Памятной книжке Костромской губернии» летописца[8], подвергнув сомнению лишь их датировку. В результате довольно натянутых логических комбинаций они переносят междоусобицу, описываемую в обоих памятниках, в XV в. Таким образом, несмотря на гораздо более серьезное отношение к сообщениям «Галичского летописца», датировка первого достоверного упоминания Галича 1167 г. авторами «Акта экспертизы» также отвергается.

Значительное внимание проблеме поздних галичских летописцев и достоверности их сведений уделено в работах А.Г. Авдеева. К сообщениям Березниковского летописца исследователь отнесся довольно скептически, считая, что он мог быть поздней стилизацией под летопись и даже не исключая возможность фальсификации со стороны П.П. Свиньина, по мнению А.Г. Авдеева, бывшего первооткрывателем памятника[9] (Авдеев, 2009, с. 138). Гораздо больший интерес А.Г. Авдеева привлек Тычинкинский летописец. Считая его компиляцией, в основу которой был положен относительно древний источник допетровского времени (которую он, по-видимому, не отождествлял с Березниковской летописью), А.Г. Авдеев предположил, что начинала летописец статья, повествующая о закладке Галича Юрием Долгоруким, строительстве

[8] Абсолютно не ясно, почему совпадения в сообщениях двух крайне сомнительных источников должно означать достоверность их известий. Гораздо более логично предположить влияние более раннего из них (Солигаличский Воскресенский летописец) на более поздний («Галичский летописец»). Летописец Воскресенского монастыря был сочинением довольно известным и популярным на Галичской земле. Впрочем, на опубликованный в «Памятной книжке Костромской губернии» «летописец» он повлиял, по-видимому, опосредованно, чем и объясняются сюжетные расхождения источников. Причем масштабы и характер этих расхождений позволяет предположить, что в качестве источника-посредника выступал не письменный текст, а устное предание.

[9] Вопреки мнению А.Г. Авдеева, П.П. Свиньин не мог быть ни первооткрывателем, ни фальсификатором Березниковского летописца. В упоминавшемся выше предисловии к «Шемякиному суду» П.П. Свиньин пишет о работе с летописцем только после своего возвращения в Галичский уезд из Петербурга в 1830 г. Само предисловие, в котором он в первый и последний раз называет одним из своих источников Березниковский летописец, датировано 10 декабря 1831 г. По крайней мере не позднее его с летописцем работал И.И. Тычинкин, представивший свою «Историю Галича» на рассмотрение ОИДР в 1831 г. М.Я. Диев тоже был знаком с Березниковской летописью еще в самом начале 1830-х гг., до установления первых контактов с П.П. Свиньиным. При этом никто из авторов не приписывает честь открытия летописца П.П. Свиньину, в том числе и сам Павел Петрович (Диев, 1891, с. 84; Диев, 1892, с. 40; Свиньин, 1832, с. IV; Титов, 1887, с. 35). Что касается фальсификации, то на нее у П.П. Свиньина, занятого в 1830–1831 гг. написанием упомянутого выше исторического романа, «Истории царствования Петра Великого» и «Живописного путешествия» (будущих «Картин России»), просто не было времени. (Сапожников, 2003, с. 428–447).

крепости на Балчуге и церкви Симеона Столпника в ней, по которой якобы и сама гора стала называться Столбищем[10] (Авдеев, 2006б, с. 19, 21; Авдеев, 2009, с. 139). Далее будто бы следовал опубликованный в «Памятной книжке…» сюжет о междоусобице галичских князей, которые, по предположению А.Г. Авдеева, могли быть детьми князя Ярослава, сына Юрия Долгорукого, умершего как раз накануне вокняжения братьев в Галиче, в 1166 г.[11] (Авдеев, 2009, с. 140). Но, высказав ряд предположений в пользу правдоподобности известий Тычинкинского летописца о событиях начала истории Галича, А.Г. Авдеев не решился настаивать на их полной достоверности: «Трудно сказать, насколько они достоверны, так как историческая действительность здесь неотделима от вымысла», то есть также усомнился в датировке на основании «Галичского летописца» (Авдеев, 2009, с. 140).

Еще один своеобразный комплекс уникальных сообщений об истории Галича до 1238 г., в том числе о его основании, связан с именем краеведа-любителя Д.П. Дементьева. Более сорока лет (1885–1927 гг.) он собирал сведения по истории Поветлужья, тесно связанного в допетровское время с Галичем. За долгие годы работы им были собраны 219 томов архива «Ветлужская старина» и написаны 60 томов «Ветлужской летописи». (Шарабарина, 2015, с. 42.) В конце XIX в. он опубликовал цикл работ, в которых попытался реконструировать средневековую историю центральной и восточной части Костромской губернии, в том числе Галича (Дементьев, 1892; Дементьев, 1894). В этих своих работах он приводит ряд уникальных известий, почерпнутых им из якобы вновь открытых памятников местного летописания. Первый из них – «Ковчег Ветлужской старины», или Ветлужская летопись, по свидетельству Д.П. Дементьева, был написан либо в конце XVIII в., либо в XIX в. жителем починка Зотова Тоншаевской волости Ветлужского уезда З.С. Солоницыным[12].

[10] С выводами автора вряд ли можно согласиться: совершенно не ясно, из чего следует, что в летописи содержалось подобное сообщение. Наряду с приведенными выше аргументами в пользу обособленности сюжета известного фрагмента «Галичского летописца» отметим, что в случае справедливости версии А.Г. Авдеева сложно объяснить, почему составители «Памятной книжки», знакомые с летописью, заявляли: «Когда и кем основан Галич, неизвестно». Да, они пишут о строительстве на Балчуге Юрием Долгоруким храма Симеона Столпника, от которого будто бы образовалось просторечное название горы «Столбище», но ссылаются при этом на «память народную», то есть устные предания второй половины XIX в. (Памятная книжка Костромской губернии, 1862, с. 325–326).

[11] Ярослав Юрьевич не мог быть отцом легендарных галичских князей. Будучи сыном Юрия Долгорукого от второго брака, причем не самым первым, он не мог иметь в описываемое время детей (и не одного, а трех!), настолько взрослых, чтобы самостоятельно княжить, да еще и вести междоусобные войны. Да и сам Галич в начале второй половины XII в. был еще недостаточно велик, чтобы в нем правил князь и тем более три князя.

[12] Захар Степанович Солоницын – реально существовавшее лицо, предок знаменитого советского актера Анатолия Солоницына. Уроженец Вятской губернии, он переезжает в конце XVIII в. в Захаров починок, основанный незадолго до этого его родственником. Захар Степанович в самом деле был автором ряда работ, в основном «душеспасительных поучений». Занимался ли он еще и летописанием, доподлинно неизвестно; во всяком случае, никаких следов существования «Ковчега Ветлужских древностей», кроме упоминания в работах Д.П. Дементьева, не сохранилось (Березин, 2000, с. 151–154).

Автором второго был «писец» (по выражению Д.П. Дементьева) Иван Сибиряков из деревни Ерыкалихи Пыщугской волости. Кроме того, по словам краеведа, им были использованы «разные рукописи», собранные в церквях уезда (по-видимому, церковно-приходские летописи и документы приходских архивов), из которых конкретно он называет только летопись упраздненной Кажировской пустыни. К сожалению, труды Д.П. Дементьева демонстрируют крайне низкий уровень владения им профессиональными навыками историка вкупе с большой самоуверенностью и неуемной фантазией. Он совершенно не представлял иерархии ценности источников, и сообщения летописей XIII–XV вв. были для него совершенно равны по значению рукописям, устным преданиям и справочным изданиям XIX в. Стремясь заполнить событийные пустоты в истории своего края, он пользовался всей доступной ему информацией, не смотря на степень ее достоверности, а если и в этом случае он испытывал дефицит сведений, то прибегал к крайне вольным допущениям и трактовкам. Кроме того, ряд уникальных (то есть не имеющихся в других источниках) известий в работах Д.П. Дементьева, которые он якобы почерпнул из открытых им летописей, довольно сильно изменялись от публикации к публикации, обрастая новыми подробностями, без указания при этом источника дополнительных данных, что заставляет заподозрить автора если не в полной фальсификации всего комплекса сообщений ветлужских летописей, то по крайней мере его части. Не добавляет доверия рассказам Д.П. Дементьева о ветлужских летописцах и тот факт, что, несмотря на довольно позднее их «открытие» (1880–1890-е гг.), не сохранились не только полные их тексты, но хотя бы фрагменты этих памятников (выписки Д.П. Дементьева являются пересказом, а не дословным их изложением). Мало того, Д.П. Дементьев уже в 1894 г. не был полностью уверен в сохранности «Ковчега ветлужских древностей» З.С. Солоницына, а сам располагал лишь выписками из летописи[13] (Дементьев, 1894, с. 20). Из приводимых Д.П. Дементьевым в его ранних работах сведений по истории Галича для нашей темы наиболее интересным является сообщение, содержащееся в первой части его статьи «Краткий исторический очерк Шангского городища». Описывая начальный этап борьбы черемисов (которых он отождествляет с летописной мерей) с продвижением в их земли русских, Д.П. Дементьев, со ссылкой на летопись Сибирякова, рассказывает о захвате Юрием Долгоруким черемисского города Галивон Нерский и строительстве на его месте собственного города Галича, в 1169 г. пожалованного сыну князя Юрия, Андрею Боголюбскому, ставшему первым галичским князем (Дементьев Д.П., 1894, С. 29, прим. 16). В этом кратком фрагменте весьма наглядно отражаются все слабые стороны работ Д.П. Дементьева: автором берутся высказанные задолго до него, еще

[13] Это собственное признание Д.П. Дементьева ставит под сомнение утверждение ряда авторов, работавших с архивом краеведа, что Ветлужская летопись Солоницына погибла в 1897 г., когда сгорел амбар купца М.Я. Казакова, которому служил тогда Д.П. Дементьев.

В.Н. Татищевым и П.П. Свиньиным, предположения об основании Галича на месте мерянского поселения и о мерянском происхождении наименования города в местном «елманском» жаргоне и на их основе создается собственная версия, а для обоснования ее приводится ссылка на источник, якобы известный только автору. При этом в более раннем варианте списка галичских князей, также якобы основанном на сообщениях летописи Сибирякова, а также летописца Солоницына, о Юрии Долгоруком не говорится ни слова, а первый князь Андрей еще не отождествляется с Андреем Боголюбским (Дементьев, 1892, с. 5, прим. 4). Стоит ли говорить, что столь уязвимые для критики построения практически не снискали популярности в академической историографии Галича. Лишь А.Г. Авдеев уделил внимание уникальным сообщениям Д.П. Дементьева, но и он отнесся к ним крайне скептически (Авдеев, 2009, с. 143–148).

Как видно из вышесказанного, все прямые известия письменных источников, говорящих о существовании Галича в XII – первой трети XIII вв., не являются надежными. Остается только предположение В.Н. Татищева о строительстве города Юрием Долгоруким, но насколько оно достоверно? Для сомнений есть серьезные основания. Главный аргумент В.Н. Татищева – ностальгические чувства князя («хотя тем утолити печаль свою»), объясняющие южнорусские названия основанных именно им городов, – не работает в отношении Галича. Дело в том, что желанным для Юрия Долгорукого был не весь юг Древнерусского государства, а его лишь его ядро, Русь в узком значении этого слова, включавшая территории вокруг Киева, Переславля Русского (Южного) и Чернигова, где располагались вотчины его отца, Владимира Мономаха, где прошло детство и часть юности самого основателя залесской династии. Именно за Киев и Переславль Русский он боролся со своими соперниками. Земли же Юго-Западной Руси, будущего Галичского княжества, как и Залесье, были «внешней», периферийной Русью. У Юрия Долгорукого просто не было оснований сожа-леть об их утрате, так как они не были вотчинами ни его отца, ни его деда и никогда не являлись объектом притязаний суздальского князя. Еще одним аргументом против версии В.Н. Татищева может послужить довольно поздняя известность Галича Южного. Наиболее раннее достоверное упоминание этого города относится только к 6649 (1141) г. (Полное собрание русских летописей, 1908, т. 2, стб. 308.)[14], то есть менее чем за пятнадцать лет до конца активной строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле. Достаточно ли этого небольшого срока для настолько серьезного роста известности города, чтобы в честь него называли поселения на другом конце страны? Возможно, имя северного Галича имеет неславянское, местное происхождение? Тем более что в XIX в. среди краеведов была популярна версия о «меряжском» происхождении местного жаргона – «елманского (алеманского) языка» – и, соответственно, наименования Галича в нем – «Галивон» (Диев, 1865, с. 174), а Д.П. Дементьев прямо пишет (как обычно, ссылаясь на местные летописи) о том, что древний «Галивон» был предшественником русского Галича. (Дементьев, 1894, с. 29.) Так может, название города было дано ему еще мерей и не имеет никакого отношения ни к южному городу, ни к градостроительной деятельности Юрия Долгорукого?

[14] Более ранние упоминания Галича в русских летописях (1121 г., 1139 г.) считаются недостоверными. Под 6646 (1138) г. в Лаврентьевской (Полное собрание русских летописей, т. 1, вып. 2, 1927, стб. 305) и Воскресенской (Полное собрание русских летописей, т. 7, 1856, с. 31) летописях упомянуты галичане в составе войска киевского князя Ярополка Владимировича; однако в Ипатьевской летописи (наиболее полном и подробном источнике по истории Галицкой Руси), в списке участников похода князя, именно галичане отсутствуют (Полное собрание русских летописей, т. 2, 1908, стб. 301). В последние десятилетия при поддержке ряда историков и археологов продвигается датировка начала истории Галича на Днестре 989 г. (Баран, 1999, с. 190–191; Толочко, 1998, с. 4–5), основанная на сообщении Хроники Венгерского Анонима XII в., однако ввиду целого ряда анахронизмов, содержащихся в этом известии, и его явного противоречия более авторитетным источникам, она также не может быть признана достоверной (Эрдели, 1967, с. 176).

Начнем разбор приведенных выше доводов с вопроса о происхождении имени города. Гипотеза о мерянском происхождении топонима не подтверждается данными лингвистики. Как выяснил костромской историк и этнограф Н.Н. Виноградов, «язык» «галивонских алеманов» являлся вариацией общероссийского сленга офеней, включающего в себя морфемы (в первую очередь корневые) различного происхождения. Встречались в нем заимствования, в том числе из финских языков, в основном из языка марийцев, проживавших в восточной части Костромской губернии. Однако основу «елманского наречия» составляли искажения или иносказательные замены русских слов (пора – ропа, ребенок – пащенок, двери – скрыпы, делать, мастерить – мастырить и т. д.) (Виноградов, 1915, с. 41, 44–50). Жаргонный «Галивон», в котором сами составляющие слово морфемы не находят аналогов в финноязычной топонимике края, также является производным от русского топонима «Галич».

Не выдерживает критики и версия, выдвинутая швейцарским географом И.Я. Эгли, о происхождении топонима Галич от кельтского корня Halle, обозначающего соляные месторождения. По мнению сторонников этой гипотезы, название обоих древнерусских Галичей объясняется наличием в их окрестностях соляных источников. Появление данного топонима в регионах, где не ведется соледобыча (Малый Галич, Галицкая волость Боровского уезда), они объясняют миграциями жителей первых двух Галичей (Южного и Мерьского) (Попов, 1965, с. 70–74). Но, даже если допустить кельтское происхождение названия южного Галича (следы пребывания кельтов в Галиции были обнаружены во второй половине XX в.), то все равно абсолютно не ясно, как кельтский корень мог повлиять на северный топоним. Сами первые жители Галича Мерьского явно не были носителями кельского языка. Мало того, в древнерусском языке, во всех его вариациях, нет никаких следов усвоения кельской производственной терминологии добычи соли. Так что никаких причин увязывать соляные источники с корнем

Halle у основателей северного Галича не было. Да и в целом концепция Эгеля современной лингвистикой отвергается (Аникин, 2015, с. 356).

Наконец, сам оним «Галич» как в форме топонимов, так и антропонимов весьма распространен в славянских языках. Кроме неоднократно упоминавшегося в статье южнорусского города, в этом ряду можно назвать средневековую крепость в Сербии (Γαλίτζη, Галич), разоренную византийцами в 1149 г., замок и деревню в Словакии (Galicz, Halič), село в Белоруссии (Галічы), поселение (Галич) и горный хребет (Галичица) в Македонии, несколько деревень в Боснии и Герцеговине (Галичица, Галечић, Галичичи), а также украинские, сербские, хорватские и словенские фамилии Галич (Галич, Галић, Galić, Galič)[15] (Аникин, с. 355–356; Византијски извори, 1971, с. 25; Дероко, 1950, с. 111; Жучкевич, 1974, с. 67; Македонска енциклопедија, т. 1, 2009, с. 333). Все эти факты позволяют утверждать, что наименования Галича Мерьского имеет славянское происхождение, и указывают на связь основания города с русской колонизацией Костромского Заволжья.

Также довольно легко устраняются сомнения в известности Галича в середине XII в. Несмотря на недавнее возвышение города, он уже в первой половине 50-х гг. XII в. был известен не только на Руси, но и далеко за ее пределами. В форме «Галисиййа» он упоминается в труде знаменитого арабского ученого ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир», написанном для сицилийского короля Рожера II и завершенном в первой декаде января 1154 г., а также обозначен на карте, составленной несколько ранее (Коновалова, 2006, с. 70, 113, 117, 151, 167; Крачковский, 1957, с. 282–286). Таким образом, сведения о Галиче проникли в отдаленные страны Западной Европы не только при жизни Юрия Долгорукого, но и до его последнего отъезда из Ростово-Суздальской земли на юг.

Из приведенных выше аргументов против татищевской датировки основания Галича в силе остается лишь опровержение предполагаемых В.Н. Татищевым причин выбора названия города. Между тем этот вопрос важен для нашей темы, так как именно приписываемые Юрию Долгорукому мотивы позволяют датировать основание залесских городов, названия которых имеют южнорусские параллели, временем его княжения. Однако татищевское объяснение появления ростово-суздальских аналогов прикарпатских топонимов далеко не единственно возможное. Да и сам Галич – вовсе не единственный северный город, названный в честь городов Галицкой Руси. На территории Залесья были еще два города, получивших имя подобным образом: Перемышль (ныне запустел; располагался на

[15] В ряде исследований и публикаций XIX–XX вв. утверждалось, что в нижнем течении Дуная в первой половине XII в. стоял город Малый Галич, однако единственный источник, в котором он упоминается, грамота Ивана (Иванко) Берладника, без сомнения, является подделкой. Подробнее о грамоте Ивана Берладника см: Коновалова, Перхавко, 2000, с. 75–78; Котляр, 1985, с. 100–101.

границе современных Новой Москвы и Подольска[16]) и Звенигород (ныне город Одинцовского округа Московской области) (Археологическая карта России: Московская область, 1994, ч. 1, с. 148–150, № 345, 194–195, № 525; Куза, 1989, с. 111; Никольская, 1981, с. 155–158). Правда, оба города впервые упоминаются в духовных грамотах Ивана Калиты, составленных на рубеже 30–40-х гг. XIV в. (Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 7, 9), но по археологическим данным их основание относится к XII–XIII вв. Показательно, что все три города Червонной Руси, имеющих залесские повторения (Звенигород, Перемышль, Галич), объединяет факт княжения в них в разное время Владимира (Владимирко) Володаревича, одного из главных и постоянных союзников, да к тому же и свата Юрия Долгорукого. (Владимир Володаревич (Владимирко) // Википедия: свободная энциклопедия) Таким образом, датировка В.Н. Татищева получает новое обоснование, уже не «печалью» суздальского князя, а его тесным союзом с галицким (и звенигородским, и перемышльским) князем.

Еще одна небезынтересная догадка по этому поводу была высказана в «Акте экспертизы». Она была связана с деятельностью еще одного представителя галицкого княжеского дома – Ивана Ростиславича Берладника, сына перемышльского князя Ростислава Володаревича, старшего брата упомянутого выше Владимирко Володаревича. Иван Ростиславич после смерти отца сменил на Звенигородском престоле Владимирко, вокняжившегося в Перемышле, на тот момент главном городе Юго-Западной Руси. В 1144 г., вскоре после переноса столицы земли в Галич, Иван Берладник попытался захватить и этот город, воспользовавшись отъездом дяди и поддержкой горожан. Однако Владимирко Ростиславич, вернувшись, выбил племянника из Галича, и тот был вынужден покинуть Галицкую Русь и стал князем-изгоем. (Иван Ростиславич Берладник // Википедия: свободная энциклопедия). С тех пор он вел жизнь кондотьера, нанимавшегося со своей дружиной к различным князьям. Наиболее долгий срок, с 1149 по 1156 гг., он служил Юрию Долгорукому (Карамзин, т. 2–3, 1991, с. 143, 168). Один из эпизодов службы Берладника суздальскому князю и стал основой гипотезы авторов «Акта экспертизы». В 1149 г. Юрий Долгорукий послал Ивана Берладника против новгородских сборщиков дани, по-видимому, действовавших на границе владений Новгорода и Ростово-Суздальского княжества (Карамзин, т. 2–3, 1991, с. 320–321, прим. 321). Еще в середине XX в. А.Н. Насонов сделал осторожное предположение, что новгородско-суздальское столкновение с участием галицкого князя-изгнанника произошло в Заволочье, то есть на территории центральной и восточной частей Вологодской области или на Юге Архангельской (Насонов, 1951,

[16] Близ деревень Дмитрово Подольского городского округа Московской области и Сатино-Татарское Щаповского поселения Троицкого административного округа Москвы.

с. 188–189). Опираясь на версию А.Н. Насонова, авторы «Акта экспертизы» высказали догадку о размещении Юрием Долгоруким пришедших к нему на службу галичан Ивана Берладника в районе современного Галича Костромского для защиты своих самых отдаленных владений, откуда они и выдвинулись в Заволочье[17] (Акт научно-исследовательской экспертизы, 2006, с. 115). Следует отметить, что версия А.Н. Насонова о том, что упомянутые бои происходили в Заволочье, нельзя считать полностью доказанной. Сам автор был не вполне в ней уверен. Кроме того, ее оспорил один из виднейших специалистов по исторической географии Северо-Восточной Руси, В.А. Кучкин, считавший, что Иван Берладник сражался с новгородскими «даньницами» не в восточной, а, как обычно в XII в., западной части новгородско-суздальского пограничья, в районе Торжка[18] (Кучкин, 1984, с. 90). Впрочем, и точка зрения В.А. Кучкина не имеет прямого подтверждения сообщениями источников и носит вероятностный характер. Так что мнение А.Н. Насонова и базирующуюся на ней гипотезу «Акта экспертизы» она опровергнуть тоже не может.

Для рассмотрения аргументов «за» и «против» татищевской датировки определенное значение имеет факт наличия топонимических «двойников» южнорусских Звенигорода (ныне запустел; предположительно располагался близ села Спасского Орловского района Орловской области)[19], Перемышля (ныне село, районный центр Калужской области) (Археологическая карта России: Калужская область, 1992, с. 91, № 401; Археологическая карта России: Орловская область, 1992, № 18, с. 23; Зайцев, 2009, с. 169; Никольская, 1981, С. 74–77, 158–159; Шеков, 2012, с. 223–224), а возможно, и Галича[20] не только на периферии Залесской Руси (юго-западная – земля вятичей и северо-восточная – Заволжье), но и на северо-восточной окраине Черниговского княжества. Оба города, как и их залесские тезки, довольно поздно появляются в сообщениях письменных источников, но по археологическим материалам их основание может быть отнесено к XII–XIII вв. и связано с «окняжением» основной части вятичских земель. В середине XII в. эти территории входили в удел князя Святослава Олеговича, еще одного близкого союзника Юрия Долгорукого. При этом Святослав Олегович был первым нанимателем Ивана Берладника, служившего ему в 1146–1147 г. Мало того, есть прямое летописное свидетельство пребывания Берладника в земле вятичей во время службы у Святослава Олеговича. (Карамзин, т. 2–3, 1991, с. 132). Все эти факты могут служить дополнительными доказательствами как против, так и за версию об основании Галича Мерьского Юрием Долгоруким. С одной стороны, наличие заимствований наименований городов Юго-Западной Руси в Черниговском княжестве говорит против жесткого увязывания подобных заимствований с деятельностью именно этого суздальского князя. Но, с другой, присутствие параллелей галицким топонимам именно во владениях близких союзников галицкого князя позволяет связать данные подражания с личностями союзников и свидетельствует в пользу датировки основания Галича Мерьского временем княжения Юрия Долгорукого. Наконец, еще один факт появления городов с галицийскими названиями в районе деятельности галицкого князя-изгоя может служить косвенным доказательством упоминавшейся выше гипотезы авторов «Акта экспертизы».

Таким образом, исходя из имеющихся данных, версия об основании Галича Мерьского в конце княжения Юрия Долгорукого, несмотря на свои отдельные слабые места (главным из которых является отсутствие достоверных прямых свидетельств о существовании города в XII в.), представляется нам наиболее обоснованной.

---

[17] Правда, приведя это интересную версию подтверждения основания Галича Юрием Долгоруким, авторы «Акта эксперитизы» неожиданно и совершенно необоснованно относят строительство города не ко времени пребывания галичского беглеца в районе будущего северного Галича, а к 1159 г., когда, по их мнению, не находящему подтверждения ни в одном из источников, Андрей Боголюбский укреплял свои земли перед столкновением с Новгородом. Впрочем, этот логический кульбит объясняется общей заданностью «Акта экспертизы» на обоснование самой необоснованной датировки строительства Галича.

[18] Авторы «Акта экспертизы» попытались опровергнуть точку зрения В.А. Кучкина, приписав ему смешение похода Берладника с боевыми действиями зимой – весной 1149 г. (6656 г. по летописной датировке), в то время как сообщения о нападении на новгородских данщиков помещено в Новгородской первой летописи после описания событий августа 1149 г. (6657 г.) (Акт научно-исследовательской экспертизы, 2006, с. 114). Однако, вопреки их утверждению, В.А. Кучкин вовсе не приурочивает действия Ивана Берладника к началу 1149 г., а связывает их с борьбой за «новгородские дани», датируемой им 1147–1150 гг.

[19] Со столицей Звенигородского княжества городище отождествил А.К. Зайцев, да и то не вполне уверенно; Т.Н. Никольская, а вслед за ней и составитель «Археологической карты Орловской области» считают городище под Спасским остатками города Спашь (Спас) (Археологическая карта России: Орловская область, 1992, № 18, с. 23; Зайцев, 2009, с. 169; Никольская, 1981, с. 74–77).

[20] Об этом косвенно свидетельствует наличие Галицкой волости на реке Наре в Боровском уезде, упоминаемой в XVII в. (Готье, 1937, с. 373). В домонгольское время ее земли входили в черниговскую часть вятичской земли (Темушев В.Н.); впрочем, в ранних известиях XIV–XV вв. эта волость носила несколько иное наименование – Голичичи (вар. Галичичи, Галичицы; см. выше подобные топонимы в современной Боснии). Впрочем, возможно, форма названия волости, близкая к Галичу, имела хождение и в ранний период: по мнению А.В. Лаврентьева, Голичичам тождественна область Гелеч в списке владений литовского князя Свидригайло, составленном в 1432 г. (Лаврентьев, 2011, с. 200.). В.Н. Топоров связывал название волости не с Галичем, а с балтским племенем голядь, населявшим ее территорию до прихода славян. (Топоров, 1982, с. 22–23). По мнению А.И. Попова, название Галицкой волости объясняется переводом в этот район крестьян одной из деревень Галичского уезда; конечно, утверждение А.И. Попова совершенно неверно: переселение нескольких десятков человек в давно обжитую местность не могло повлиять на ее название, к тому же Галицкой волость называлась и до этой миграции (Извлечения из Переписных книг 1676–1682 гг., 1888, с. 129; Попов, 1965, с. 73–74).

Список литературы

Авдеев А.Г. Галичская земля в XII–XV веках: По житию преподобного Паисия Галичского: дис. ... канд. истор. наук. М., 2001.

Авдеев А.Г. Град Галичь первой // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 6. Кострома, 2006. С. 58–82.

Авдеев А.Г. «Град Галичь первой» (О времени, месте и исторических обстоятельствах основания Галича Мерьского) // Вестник МГУ. Сер. 8, История. 2002. № 4. С. 62–82.

Авдеев А.Г. О времени и месте основания Галича // Город Галич: История возникновения и развития: материалы республиканской регионал. науч.-практ. конф. Галич, 2006. С. 17–25.

Авдеев А.Г. Житие преподобного Паисия Галичского: Исследования и тексты. М., 2009.

Аверьянов К.А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М., 2018.

Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.

Акт научно-исследовательской экспертизы Института Российской истории РАН о дате основания города Галича Костромской области // Город Галич: История возникновения и развития: материалы Республиканской регионал. науч.-практ. конф. Галич, 2006. С. 94–107.

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 9: (вра́ндовать – гало́п). М., 2015.

Археологическая карта России: Калужская область. М., 1992.

Археологическая карта России: Московская область. Ч. 1. М., 1994.

Археологическая карта России: Орловская область. М., 1992.

Баран В.Д. Галичу 1100 років // Археологія. 1999, № 1. С. 190–191.

Белов Л.И., Касторский В.В., Соколов Н.П. Галич: К 800-летию города Галича. Кострома, 1959.

Белов Л., Зубова В., Касторский В., Соколов Н., Щеголев Н. Галич. Ярославль, 1983.

Белоруков Д.Ф. Деревни, сёла и города Костромского края. Кострома, 2000.

Беляев И.Д. О географических сведениях в древней России. СПб., 1852.

Березин П.С. Летописец Захар Степанович Солоницын // Родная сторона: записки краеведов. Шахунья, 2000. С. 151–154.

Византијски извори за историју народа Југославије. Т. 4. Београд, 1971.

Виноградов Н.Н. Галивонские Алеманы. Условный язык галичан (Костромской губернии). Пгр., 1915.

Виноградова С.Г. Галич княжеский // Губернский дом. 2000. № 2. С. 17–20.

Виноградова С.Г. Княжеские династии // Страницы времен: историко-краеведческий журнал. 2009. № 2. С. 39–47.

Владимир Володаревич (Владимирко) // Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Владимир_Володаревич&oldid=103552288 (дата обращения: 27.11.2019).

Географический словарь Российскаго государства. Ч. 2: Г–К. 1804.

Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.

Дементьев Д.П. Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни // Костромская старина: сборник, издаваемый Костромскою губернскою ученою комиссиею. Вып. 2. Кострома, 1892. С. 1–16.

Дементьев Д.П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина: сборник, издаваемый Костромскою губернскою ученою комиссиею. Вып. 3. Кострома, 1894. С. 20–51.

Дементьев Д.П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромские губернские ведомости. 1892, № 6, 8, 9, 11.

Дероко А. Средњевековни градови у Србији, Црној Гори и Македонији. Београд, 1950.

Диев М.Я. Благодетели мои и моего рода. Воспоминания священника Михаила Диева (1794–1866) // Русский архив. 1891. № 5. С. 61–89.

Диев М.Я. Какой народ в древние времена населял Костромскую сторону и что известно об этом народе? // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1865 год. Кн. 4. М., 1865. С. 167–178.

[Диев М.Я.] Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии: По рукописи Костромского ученого протоиерея М.Я. Диева: «Ученые деятели Костромского вертограда» // Библиографические записки. – 1892, № 8. С. 25–43.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Мн., 1974.

Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. М., 2009.

Иван Ростиславич Берладник // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Иван_Ростиславич_Берладник&oldid=97785804 (дата обращения: 27.11.2019).

Извлечения из Переписных книг 1676–1682 гг. // Летопись занятий археографической комиссии, 1878–1881 гг. СПб., 1888. Вып. 8. С. 1–307.

Исторические города и села Костромской области. Кострома, 2004.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2-3.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1991. Т. 4.

Ключевский В.О. Сочинения. М., 1987. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000.

Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. К., 1985.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. 4: [Арабская географическая литература].
Крживоблоцкий Я.С. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния. СПб., 1861.
Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.
Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011.
Македонска енциклопедија. Скопје, 2009. Т. 1. А – Љ.
Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома, 1886.
Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.
Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.
Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862.
Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Кострома, 2001. Вып. 3. Город Галич. Галичский район.
Полное собрание русских летописей. Л., 1927. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.
Полное собрание русских летописей. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по академическому списку. Указатели.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18. Симеоновская летопись.
Полное собрание русских летописей. М., 1995. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей).
Попов А.И. Географические названия: (Введение в топонимику). М.; Л., 1965.
Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пгр., 1918.
Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
[Рудаков В.Е.] Галич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 7А: Выговский – Гальбан. С. 922–923.
Сапожников А.И. Письма П.П. Свиньина к А.И. Михайловскому-Данилевскому (1830–1837) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 16/17. СПб., 2003. С. 428–447.

Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ея народов, из путешествий П.П. Свиньина. СПб., 1839. Ч. 1.
Свиньин П.П. Шемякин Суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских: Исторический роман XV столетия. Ч. 1. М., 1832.
Семячко С.А. Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря»: (К характеристике вымышленной летописи) // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 284–290.
Семячко С.А. К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей («Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря») // Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 245–265.
Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. М., 2003. Т. 1А – М.
Смирнов Ю. Летописцы из Галича // Губернский дом. 2000. № 2. С. 15–16.
Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1877. Вып. 18. Костромская губерния: по сведениям 1870–72 годов.
Сытин С.Д. Древний город Галич Костромской губернии; Бытовые очерки и обычаи жителей; Историческое, географическое положение; Промышленность и торговля: Рассказы о его прошлом и настоящем. М., 1905.
Татищев В.Н. История Российская. М., 1774. Кн. 3.
Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. 2–3. История Российская Ч. 2 (вторая редакция).
Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 4. История Российская Ч. 2 (первая редакция). М., 1995.
Темушев В.Н. Юго-западные границы Владимиро-Суздальской Руси накануне образования Московского княжества. URL: http://www.hist-geo.net/index.php?p=7&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more7 (дата обращения: 22.11.2019).
Титов А.А. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И.М. Снегиреву, 1830–1857 // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1887 год. М., 1887. С. 3–116. Кн. 1.
Тиц А.А. На земле древнего Галича: (Галич, Чухлома, Солигалич). Москва, 1971.
Толочко П.П. Галичу – 1100 років // Галич і Галицька земля. К.-Галич, 1998. С. 4–5.
Топоров В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования, 1981. М., 1982. С. 3–61.
Шарабарина С.Г. Вклад Д.П. Дементьева в краеведческую деятельность костромской ученой общественности по изучению финно-угорских древностей Костромского края в 90-е гг. XIX в. // Костромской гуманитарный вестник. 2015. № 2 (9). С. 41–44.
Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

Эрдели И. Извлечения из хроники Венгерского Анонима // Вопросы археологии Урала. Вып. 7: Памятники Мазунинской культуры. Ижевск, 1967. С. 172–181.

Проблемы истории Галичского княжества XIII–XIV вв. в отечественной историографии

Иванов Алексей Николаевич,
историк (Кострома)

В статье рассматривается историография первого Галичского княжества и то, как в трудах отечественных историков разрешаются основные вопросы истории удела середины XIII – 60-х гг. XIV вв. от времени его выделения до окончательного подчинения Галича московским Рюриковичам. Особое внимание уделяется проблемам родословия и хронологии первой галичской княжеской династии, а также вопросу о куплях Ивана Калиты.

Историография первого Галичского княжества не слишком обширна. Отчасти данный факт объясняется тем, что с ранней смертью первого удельного правителя Галича, князя Константина Ярославича, его потомки выбыли из числа претендентов на великокняжеский престол и участвовали в политической жизни Залесья лишь как второстепенные игроки. В еще большей мере слабый интерес в научной литературе к истории княжества обусловлен ее бедной источниковой базой. Несколько летописных известий, ряд актов XIV в., запись на полях Евангелия 1357 г. да родословцы XVI–XVII вв. – вот и все, чем располагает исследователь, обращаясь к политической истории Галича времен первой княжеской династии. Однако в последние десятилетия в этом отношении наметился некоторый сдвиг, вышли несколько работ, в которых история первого Галичского княжества, особенно на своем завершающем этапе, стала если не главной, то по крайней мере одной из важных тем. Кроме этого, сделаны попытки (на наш взгляд, не всегда удачные) расширить уже, казалось бы, вполне определившуюся источниковую базу темы.

Сразу оговоримся, что в данной статье мы рассматриваем именно академическую историографию, не затрагивая популярные издания, базирующиеся на вторичных источниках или без должной критики воспринимающие сообщения первичных. В начальной части обзора мы дадим общую характеристику наиболее значимых работ по теме, а затем рассмотрим историографию наиболее важных, на наш взгляд, проблем истории первого Галичского княжества.

Большинство работ, посвященных политической истории России второй половины XIII – первых двух третей XIV вв., так или иначе касаются

галичских событий той поры, однако для них это лишь один из частных аспектов главных проблем, рассматриваемых в этих работах; в силу этого чаще всего их внимание привлекает процесс включения княжества в состав владений Москвы (Татищев, т. 5–6, 1996, с. 41, 54, 55, 71, 86, 88 и т. д.; Карамзин, т. 4, 1991, с. 146, 176, 198, 233, 252, 300 и т. д.; Соловьев, кн. II, 1988, с. 192, 219, 227, 332 и т. д.)[1]. Подробнее эти работы мы рассмотрим ниже, в разделах, посвященных «куплям» Ивана Калиты и окончательному подчинению Галича Дмитрием Донским.

Фактически первой работой, в которой история Галичского княжества являлась предметом специального рассмотрения, было знаменитое исследование А.В Экземплярского «Великие и удельные князья Серверной Руси в татарский период» (второй том труда, в котором рассматривалась история Галичского удела, вышел в 1891 г.) (Экземплярский, 1891, с. 200–219). Предметом рассмотрения Экземплярского стали практически все основные вопросы истории княжества от времени его выделения из великокняжеского домена до окончательного включения в число вотчин потомков Калиты, хотя основное внимание историк уделил вопросам истории княжеской династии. Основным источником для Экземплярского стали летописи[2], известия которых дополнялись данными родословцев XVI–XVII вв. Проведя тщательный разбор сообщений этих источников, автор опроверг ряд сложившихся в популярной и региональной историографии мифов относительно ранней истории княжества. Особенностью работы А.В. Экземплярского было то, что в своем перечне князей он указывал всех удельных правителей, имена которых находил в известных ему родословцах и летописях, даже если сам сомневался в их существовании. Свое мнение по поводу обоснованности сообщения источника и аргументы «за» или «против» реальности конкретного князя он приводил, как правило, в примечаниях.

Важной вехой в историографии первого Галичского княжества (как и других уделов Залесья) стала фундаментальная монография В.А. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–

[1] Впрочем, несмотря на то, что история Галичского княжества находилась на периферии интересов большинства историков, безусловный прогресс в ее изучении очевиден уже на примере классических обобщающих трудов XVIII–XIX вв. по истории России: если Татищев, путаясь в сообщениях летописей, называет основателя первой галичской династии Константина Ярославича угличским князем, Карамзин уже не совершает такой ошибки; Соловьев обращает внимание на то, что на раннем этапе своей истории Галичское и Дмитровское княжества составляли единое владение. Кроме того, именно Карамзин ввел в научный оборот «Летописец» Солигаличского Воскресенского монастыря; впрочем, к сообщениям этого источника знаменитый историограф, как и большинство других исследователей, относились крайне скептически.

[2] В целом в его работе определился круг летописей, привлекаемых при разработке истории княжества (Лаврентьевская, Новгородская Четвертая, Софийская Первая, Тверская, Воскресенская, Никоновская), позднее незначительно пополнившийся за счет вновь открытых (Рогожского и Симеоновского) и реконструированного (Троицкого) сводов.

XIV вв.» (Кучкин, 1984, с. 116, 242–256). В отличие от работы Экземплярского, в исследовании Кучкина основной акцент в освещении истории Галичского удела делался на исторической географии. Кроме того, автор подробно рассмотрел процесс подчинения Галича Москве, продемонстрировав его тесную связь с закреплением за московскими князьями великокняжеского стола. Впрочем, и вопросы княжеского родословия Кучкиным не были обойдены; вопросы истории династических связей галичского и московского княжеского домов, опять же в контексте подчинения великими князьями Галичского удела, были им рассмотрены в более ранней работе (Кучкин, 1974).

Еще более пристальное внимание истории первого Галичского княжества было уделено в работе К.А. Аверьянова «Купли Ивана Калиты», опубликованной в 2001 г.: ее глава, посвященная галичской тематике, превосходит соответствующие разделы в книгах Экземплярского и Кучкина, вместе взятые (Аверьянов, 2001, с. 48–90). В ней автор не только проводит тщательный разбор сообщений источников и их интерпретации историками XIX–XX вв., но и высказывает ряд весьма оригинальных, хотя и спорных, на наш взгляд, идей касательно завершающего этапа истории первого Галичского княжества. Более подробный анализ концепции Аверьянова мы проведем ниже, в разделах, посвященных «куплям» Ивана Калиты.

Несколько особняком в историографии Галичского удела стоят справочники по генеалогии русского дворянства. Если в общеисторических работах родословные книги, как памятники относительно поздние, использовались в качестве вспомогательных материалов, дополняющих и уточняющих сведения, содержащиеся в летописях и актах, труды генеалогов опирались в первую очередь именно на данные родословцев. Наиболее важным для нашей темы среди подобных изданий является «Русская родословная книга» П.В. Долгорукова (Долгоруков, 1857, с. 6–7). Круг его источников чрезвычайно обширен, а некоторые приводимые им сведения (в том числе и по родословию потомков галичских князей) уникальны, так как. опираются на выписки из так называемого Хворостининского родословца, погибшего во время московского пожара 1812 г.

Завершив общий очерк историографии первого Галичского княжества, перейдем к рассмотрению того, как решаются в ней основные проблемы истории удела.

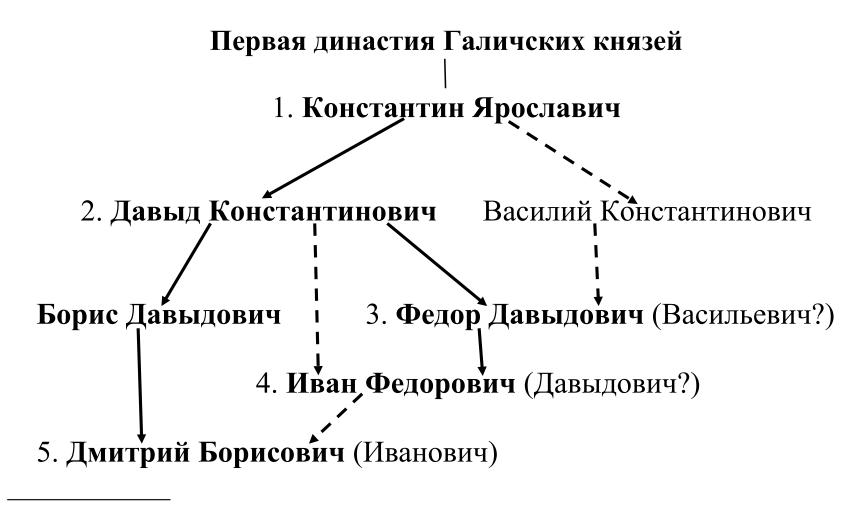
Датировка выделения Галичского удела из Владимирского великого княжества

Известие о выделении уделов сыновьям Ярослава Всеволодовича, в число которых входил и первый галичский князь Константин Ярославич, относится к 1247 г., когда после смерти князя Ярослава его брат и преемник на великокняжеском столе Святослав Всеволодович «сыновци [т.е. племянники] свои посади по городом яко же бе им отец оурядил» (Полное собрание русских

летописей, 1927, т. 1, вып. 2, стб. 471; Полное собрание русских летописей, 1856, т. 7, с. 156). Однако сообщение летописи несколько туманно, и трактовать его можно двояко: то ли именно Святослав в 1247 г. наделил племянников владениями в соответствии с волей их покойного отца, то ли княжества были выделены сыновьям самим Ярославом, до его поездки в Монголию, а Святослав лишь подтвердил это деление. Впрочем, большинство историков вслед за А.В. Экземплярским, уделившим этому вопросу наибольшее внимание, принимают первую из указанных выше трактовок и датируют время появления Галичского княжества (как и княжеств Костромского, Тверского и, возможно, Московского) 1247 г. (Экземплярский, 1891, с. 207–208).

Родословная князей первой Галичской династии[3]

Сообщения в русских летописях о первом Галичском княжестве не только скудны и отрывочны, но и зачастую противоречат друг другу или данным родословцев, что делает вопрос о родословии его правителей одним из самых запутанных в историографии Галича. Впрочем, с первыми галичскими князьями – Константином Ярославичем и Давыдом Константиновичем – у историков проблем почти не возникало. Хотя основатель данной ветви Рюриковичей, Константин, обычно называется в летописях без указания места его княжения (за исключением одной из статей Воскресенской летописи) (сообщение Воскресенской летописи см: Полное собрание русских летописей, 1856, т. 7, с. 236.), а Никоновский свод именует его Константином Угличским (Полное собрание русских летописей, 1885, т. 10, с. 140), только В.Н. Татищев повторяет ошибку Никоновской летописи (Татищев, т. 5–6, 1996, с. 41), а все

[3] См. схему.

историки XIX–XXI вв., от Н.М. Карамзина до К.А. Аверьянова, единодушно причисляют Константина Ярославича к галичским князьям (Карамзин, т. 4, 1991, с. 146; Соловьев, кн. II, 1988, с. 227; Экземплярский, 1891, с. 207–209; Кучкин, 1984, с. 116; Аверьянов, 2001, с. 50).

Гораздо большие сомнения вызвала личность князя Василия Константиновича, упомянутого рядом летописей под 1310 г. в связи с рождением у него сына Федора. В большинстве летописей он назван князем галичским (Полное собрание русских летописей, 1915, т. 4, ч. 1, с. 253; Полное собрание русских летописей, 2000, т. 6, вып. 1, стб. 369; Полное собрание русских летописей, 1949, т. 25, с. 159). В поздних памятниках, Воскресенском и Никоновском сводах, приводится его родословная, причем если в Воскресенской летописи она соответствует родословию галичского князя (Василий – Константин – Ярослав) (Полное собрание русских летописей, 1856, т. 7, с. 185), то в Никоновской, хотя князь также назван галичским, перечислены предки князя Василия Константиновича из ростовской ветви Рюриковичей (Василий – Константин – Борис – Василько), у которого, кстати, тоже был сын Федор (Полное собрание русских летописей, 1885, т. 10, с. 178). В родословных книгах князь Василий Галичский не упоминается, и князь Федор, о котором пойдет речь ниже, родословцами считается сыном Давыда Константиновича (Родословная книга, 1787, с. 231; Долгоруков, 1857, с. 6).

С.М. Соловьев, опиравшийся в первую очередь на летописные данные, без сомнений называет Василия Константиновича галичским князем. (Соловьев, кн. II, 1988, с. 219, 227). А.В. Экземплярский, хотя и не так уверенно, также причисляет Василия к галичской династии. В качестве аргументов в пользу своей точки зрения он ссылается на известия относительно ранних Софийской I и Новгородской IV летописей, а также на «точно» указанное родство с галичскими князьями; во всяком случае, А.В. Экземплярский считает неправильным игнорировать сообщения Софийской I и Новгородской IV летописей, «не доказавши их ошибочности». (Экземплярский, 1891, с. 210–212). С задачей доказательства ошибочности данных вышеупомянутых летописей, на наш взгляд, замечательно справился В.А. Кучкин. Он обратил внимание, что в наиболее раннем памятнике, называющем Василия Константиновича галичском князем, Софийской I летописи, титул князя синтаксически располагается не на своем месте и явно выглядит как поздняя вставка: «Того же лета родися князю Василию Костянтиновичу сын Феодор галицьскому» (Полное собрание русских летописей, т. 6, вып. 1, 2000, стб. 369). Статья 1310 г. Софийской I летописи опиралась на известия ростовского источника, который отразился также в Московско-Академической летописи, причем в этом сборнике место княжения Василия Константиновича не указано. Таким образом, это указание в самом деле является поздней вставкой, искажающей информацию первоисточника, а так как сам первоисточник имел ростовское происхождение, то и речь в нем идет о ростовском, а не о галичском князе. К тому же, в отличие от мнимого

галичского князя, Василий Константинович неоднократно упоминается и в более ранних, и в более поздних летописных сообщениях (Кучкин, 1974, с. 367–368). Точку зрения В.А. Кучкина разделил К.А. Аверьянов; она играет важную роль в обосновании его оригинальных идей (Аверьянов, 2001, с. 52).

Под 1335 г. в Рогожской и Никоновской летописях содержится сообщение о смерти галичского князя Федора, отчество которого не называется (Полное собрание русских летописей, 1922, т. 15, вып. 1, стб. 47; Полное собрание русских летописей, 1885, т. 10, с. 207). С.М. Соловьев, естественно, считает его упомянутым под 1310 г. сыном Василия Константиновича (Соловьев, 1988, кн. II, с. 227). А.В. Экземплярский, хотя тоже признает Василия Константиновича галичским князем, Федора, в соответствии с данными всех родословцев, считает сыном Давида Константиновича, второго правителя галичского удела (Экземплярский, 1891, с. 212–213, 215). В.А. Кучкин и вслед за ним К.А. Аверьянов, относящие Василия Константиновича к ростовской династии, даже не рассматривают вопрос об отце князя Федора, априорно считая его Федором Давыдовичем.

Следующий галичский князь, Иван, до XX в. был известен только по родословным книгам. При этом бóльшая из них, в том числе Бархатная книга и Хворостининский родословец, называют его сыном Федора Давыдовича, правнуком Константина Ярославича (Родословная книга, 1787, с. 231; Долгоруков, 1857, с. 6). В тоже время некоторые родословцы считают Ивана сыном Давыда Константиновича, то есть уже внуком князя Константина (Временник, 1851, с. 73). Н.М. Карамзин придерживался мнения, что Иван Галичский был сыном Давыда (Карамзин, т. 4, 1991, с. 300). С.М. Соловьев, видимо, в силу того, что мало пользовался данными родословцев, вообще не упоминает князя Ивана в ряду галичских Рюриковичей. А.В. Экземплярский склонялся к версии Бархатной книги, то есть считал его Иваном Федоровичем, хотя и не вполне отрицал историчность Ивана Давидовича, впрочем, относя время жизни последнего ко второй половине XIII в. (Экземплярский, 1891, с. 211–214, 217). В.А. Кучкин рассмотрел вопрос об отце князя Ивана довольно подробно, еще до выхода своей монографии, в упоминавшийся выше статье «Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в.». При этом, в отличие от предшественников, он опирался не только на данные родословных книг, но и на сообщение открытой в начале XX в. Рогожской летописи, датированное 1345 г.: «а князь Андреи [сын Ивана Калиты] женися оу князя у Ивана оу Федоровича поя княгиню Марию» (Полное собрание русских летописей, 1922, т. 15, вып. 1, стб. 56). Проведя в своей статье тщательный разбор кандидатур на роль отца невесты, В.А. Кучкин остановился на Иване Галицком (хотя и не полностью отверг кандидатуру стародубского князя) и таким образом довольно серьезно обосновал точку зрения Бархатной книги и Экземплярского (Кучкин, 1974, с. 370–371).

Также довольно запутанным является происхождение последнего правителя первого Галичского княжества, князя Дмитрия. Все родословцы единодушно называют его сыном князя Ивана (Федоровича или Давыдовича, в зависимости от позиции по предыдущей персоналии) (Временник, 1851, с. 73; Долгоруков, 1857, с. 6; Родословная книга, 1787, с. 231). В большинстве же летописей его отчество не приводится, и до открытия Рогожского летописца только поздняя Никоновская летопись именовала его Дмитрием Борисовичем (Полное собрание русских летописей, 1885, т. 10, с. 232). Учитывая, что уникальные сведения этого свода далеко не всегда надежны, а также имя предыдущего, упомянутого в известных нам источниках, князя, историки XIX в. принимали версию родословцев и считали князя Дмитрием Ивановичем (Карамзин, т. 4, 1991, с. 176; Экземплярский, 1891, с. 218). Открытие и публикация Рогожской летописи, в которой Дмитрий так же, как и в Никоновской, назван Дмитрием Борисовичем (Полное собрание русских летописей, т. 15, вып. 1, 1922, стб. 69), привело к пересмотру историками устоявшейся версии. Дмитрием Борисовичем последнего галичского князя первой династии именует, со ссылкой на Рогожскую летопись, А.Н. Насонов в своей работе «Монголы и Русь», написанной еще в первой половине 1930-х гг. (Насонов А.Н., 1940, с. 121)[4]. Позднее В.А. Кучкин дал более развернутую аргументацию новой точки зрения, показав, что отцом Дмитрия Галичского был Дмитровский князь Борис Давыдович, брат Федора Давыдовича Галичского и дядя Ивана Федоровича, на котором старшая ветвь династии, по-видимому, пресеклась, и на галичский престол взошел кузен покойного князя из дмитровской ветви рода (Кучкин, 1974, с. 371–372; Кучкин, 1984, с. 245–247).

Присоединение Галичского удела к владения московских Рюриковичей. Купли Ивана Калиты

Вопрос о том, как и когда был положен конец существованию Галичского княжения, тесно связан с одной из важнейших и сложнейших проблем историографии средневековой России – проблемой «купель» Ивана Калиты, среди которых был и Галич. Начиная с первых десятилетий XIX в. отечественные (и не только) историки заняты разрешением этой проблемы и тем не менее до конца решенной ее считать нельзя и сейчас.

Вкратце сама проблема заключается в следующем.

В духовной (завещании) Дмитрия Донского, составленной перед самой кончиной князя (1389 г.), среди прочего, он наделяет сыновей «куплями деда своего», среди которых первой назван Галич (Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 34). При этом в завещаниях как самого Ивана Калиты (ок. 1339 г.), так и его сыновей-преемников, Симеона Гордого (1353 г.) и Ивана Красного

[4] Монография была закончена А.Н. Насоновым еще в 1934 г., но опубликована уже перед войной. А.Н. Насонов не случайно одним из первых обратил внимание на сообщение Рогожской летописи, так как еще в первой половине 1920-х гг. серьезно занимался изучением этого памятника (см.: Кучкин В.А. Арсений Николаевич Насонов: Биография и творческий путь // Летописи и хроники: 1973 г. М., 1974. С. 9–14).

(ок. 1358 г.), ни термин «купли», ни собственно Галич, Углич и Белоозеро не упомянуты (Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 7–11, 13–19). Вопрос еще более осложняется упоминанием ряда князей «купленных» уделов и после времени Калиты, в том числе и князя Дмитрия Галичского, вступившего на престол или утвержденного на нем в Орде в 1360 г. и свергнутого Дмитрием Донским в 1363 г. Каков был характер покупок Ивана Калиты (если под словом «купля» вообще понималась именно покупка княжеств), какими правами обладали московские князья в перечисленных Донским землях, сохранялась ли там власть династий прежних владельцев уделов и если да, то в каких пределах, почему московские князья полвека не упоминали эти владения в своих духовных грамотах – ответы на эти вопросы ищут историки вот уже два столетия. Так как историография «купель» Калиты очень обширна, остановлюсь лишь на основных вехах полемики и точках зрения по данной проблеме.

Первым решить дилемму (приобретение Калитой земель и молчание духовных по поводу вновь приобретенных владений) попытался еще Н.М. Карамзин. Он считал, что Иван Даниилович купил Галич, Углич и Белоозеро не как московский удельный князь, а как великий князь владимирский и, соответственно, присоединены они были к Великому княжению, которое именно при Дмитрии Донском стало наследственным владением московских Рюриковичей и впервые попало в завещание московского князя (Карамзин, т. 4, 1991, с. 146, 300). С.М. Соловьев оспорил мнение Н.М. Карамзина, считая, что подобные покупки уделов для Великого княжения, не закрепленного еще за родом Калиты, означали бы обогащение «за свой счет других князей», которые могли бы перехватить ярлык на Великое княжение у москвичей. Сам С.М. Соловьев объяснял отсутствие в ранних духовных московских князей Галича и других «купель» тем, что Калита оставил местным князьям ряд владетельных прав, установив лишь их зависимость от Москвы, а Донской окончательно присоединил эти земли, в том числе согнав последнего князя Галича с его престола в 1363 г. (Соловьев, кн. II, 1988, с. 332)[5].

---

[5] Весьма интересно в этом плане утверждение П.В. Долгорукова: «[…] князь Федор Давыдович продал половину Галича великому князю Московскому Иоанну Даниловичу Калите, но владел другою половиною, равно как и сын его князь Иван Федорович. Сын сего последнего, князь Дмитрий Иванович, согнан был с удела великим князем Дмитрием Донским, присоединившим весь Галич к своему великому княжению». (Долгоруков, 1857, с. 6). К.А. Аверьянов цитирует этот фрагмент книги П.В. Долгорукова как сообщение Хворостинского родословца (см. ниже). В самом деле, П.В. Долгоруков при составлении родословных потомков галичских князей использовал выписки из этого, не дошедшего до нас источника, сделанные антикваром П.Ф. Карабановым. Однако перед нами, совершенно очевидно, не прямая цитата из первоисточника, а авторский текст XIX в., и что в нем было взято из родословца, а что является домыслом П.В. Долгорукова или П.Ф. Карабанова, судить сложно. К тому же и уникальные сообщения такого своеобразного источника, как родословец XVI в., содержащий ошибки в основной, генеалогической, составляющей (последний князь первого Галичского княжества назван сыном Ивана Федоровича), навряд ли можно считать надежным при рассмотрении политического события первой половины XIV в., хотя и полностью отвергать его достоверность, конечно, тоже нельзя.

Видный историк права В.И. Сергеевич, соглашаясь в целом с критикой С.М. Соловьева, указывал на то, что она не отвечает на вопрос: почему в дотошной духовной Ивана Калиты, где были упомянуты куски золота и мелкие села, ничего не говорится о приобретенных, пусть и не вполне присоединенных, княжествах? Сам В.И. Сергеевич сделал осторожное предположение, что акты Дмитрия Донского в своих ссылках на документы прежних времен иногда искажали их содержание, чтобы скрыть насильственный характер приобретений московского князя, придав им вид законного наследования. Для нашей темы в рассуждениях В.И. Сергеевича особенно интересно обращение его к истории присоединения Галича к Московскому княжеству как к примеру судьбы «купли» в период от составления духовной Калиты до смерти Донского. Исходя из сообщений летописей о Дмитрии Галичском и договорной грамоты Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским, В.И. Сергеевич делает вывод о существовании в Галиче своего князя еще в начале княжения Донского и окончательном присоединении Галичского удела к московским владениям только в 1360-х гг. В целом же В.И. Сергеевич признал неразрешенность проблемы характера «купель»: «Покупка […] Калитою Галича, Белоозера и Углеча-Поля нуждается еще в дальнейших разысканиях и разъяснениях» (Сергеевич, 2007, с. 135–137).

А.Е. Пресняков, автор вышедшей в 1918 г. книги «Образование Великорусского государства» (одной из самых важных работ по заявленной в ее заглавии теме), фактически возродил концепцию Н.М. Карамзина, рассмотрев ее под несколько иным углом. Полемизируя с критиками предположения Н.М. Карамзина, он указал на то, что в завещаниях Калиты и его сыновей нет упоминания не только Галича и других «купель», но и прочих «примыслов» первых московских князей, например Переславля, безусловно, приобретенного еще Даниилом Александровичем. По мнению А.Е. Преснякова, дело в том, что «…не землю собирали московские князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение […]». Работа эта в целом была завершена Дмитрием Донским, хотя и в его завещании собственно московские вотчины еще отделены от великого княжения, а те, в свою очередь, от «купель». Не отрицал А.Е. Пресняков и мысль С.М. Соловьева о сохранении части владельческих прав князьями «купель», только ограничены они были, с его точки зрения, в пользу Великого княжения, а не московского удела. Впрочем, характер этой зависимости и судьба княжеского престола Галича от момента «купли» до свержения князя Дмитрия Борисовича А.Е. Пресняков определить не решился «по недостатку данных» (Пресняков, 1918, с. 150–153).

Явно наметившийся кризис в решении проблемы «купель» попытались преодолеть советские историки во 2-й половине XX в., введя в рассматриваемое «уравнение» новую «переменную» – ордынский фактор. В самом деле, русские князья XIV в., не только удельные, но и великие владимирские, не

были суверенными владельцами своих земель и не могли распоряжаться ими полностью самостоятельно. Всякая смена власти как в русских княжениях, так и в Орде сопровождалась тогда поездкой князя в Сарай за «пожалованием». Разумеется, и «купли» не могли обойтись без участия татарских ханов, по крайней мере, как санкционирующей инстанции. Именно в подобном ключе рассматривал участие Золой Орды Л.В. Черепнин. Обе духовных грамоты Ивана Калиты он считал одновременно составленными редакциями завещания, отличавшимися по полноте перечисленных в них владений Калиты: в первой были перечислены только земли в собственно Московском уделе, а во втором – еще и села-«примыслы» в других землях. Оба варианта готовились для утверждения их в Орде во время поездки князя в Сарай в 1339 г., так как князь не был уверен, что хан Узбек утвердит за ним его приобретения за пределами родовой вотчины. Развивая эту свою идею, Л.В. Черепнин сделал осторожное предположение о существовании третьей редакции духовной, содержащей и перечисление «купель», но этот вариант не был утвержден Узбеком, по-видимому, из-за противодействия князей данных уделов. Впрочем, ни характер прав Калиты на «купли», ни объем «купель» (судя по всему, Л.В. Черепнин полагал, что, возможно, куплены были не княжения в целом, а их отдельные волости и села), ни судьба этих владений после 1339 г. Черепниным не рассматривается «по недостатку материала» (Черепнин, 1948, с. 17–19). Сама идея третьей редакции завещания Ивана Данииловича как совершенно искусственная и умозрительная была отвергнута последующей историографией, но весьма продуктивным оказалось преодоление сложившейся традиции рассматривать проблему «купель» как чисто внутренний вопрос междукняжеских отношений.

Серьезная подвижка в разрешении проблемы «купель» Калиты произошла с выходом упомянутых выше работ В.А. Кучкина. Одним из главных противоречий, создававших эту проблему, было сообщение духовной Дмитрия Донского о принадлежности «купель» московским князьям и летописные известия 1370–80-х гг., свидетельствовавшие, по мнению исследователей, о существовании в этих землях собственных князей. Почти все предшественники В.А. Кучкина, стараясь преодолеть расхождения в данных источниках, считали, что власть в «купленных» княжествах, в каких-то пределах, оставалась в руках местных династий. В.А. Кучкин отверг данный посыл, по крайней мере в отношении Галича. Отправной точкой для В.А. Кучкина стала датирующая запись на Галичском Евангелии 1357 г., где среди прочего говорится о написании книги: «В лето 6865 […] в граде в Галиче при княженьи великого князя Ивана Ивановича» (Щепкина, 1965, с. 172). В Иване Ивановиче легко узнается московский князь Иван Красный, бывший великим князем как раз в обозначенное в записи время. Из сообщения записи В.А. Кучкин делает вывод о том, что галичская династия к 1357 г. лишилась своих владений, и непосредственным правителем Галича был московский князь. В свете рассуждений В.А. Кучкина сообщения летописей о Дмитрии Галичском уже не выглядели как свидетельство существования отдельного Галичского княжества в 1330–60-е гг. Рассмотрев эти летописные известия в контексте политической борьбы, развернувшейся на Руси в начале 1360-х гг., В.А. Кучкин довольно убедительно показал, что княжение в Галиче Дмитрия Борисовича в 1360–1363 гг. стало лишь кратковременной реставрацией самостоятельности княжества в ходе реваншистского натиска на Москву ее соперников, поддержанных Ордой. При этом, исходя из данных договорной грамоты Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским 1367–1378 гг., Галичское княжество даже после изгнания Дмитрия Борисовича не слилось полностью с Московским или Владимирским, а сохраняло некую территориальную целостность в составе владений потомков Калиты. Наконец, В.А. Кучкин выдвинул и новую трактовку самого понятия «купля». Согласно его мнению, Калита купил Галичское княжество (как и остальные княжества-«купли»), но не у местных династов, а у ордынских ханов, обладавших верховной властью в деле распоряжения русскими землями. Таким образом, Иван Калита получал ярлык на Галичское княжество, но владел им не как частью московской вотчины или великокняжеского домена, а как галичский князь (Кучкин, 1974, с. 376–378; Кучкин, 1984, с. 252–256.)[6].

Некоторое переосмысление концепция В.А. Кучкина получила в работе Ю.В. Кривошеева «Русь и монголы». Согласившись, что объяснение феномена «купель» надо искать в плоскости не междукняжеских, а русско-ордынских отношений, он связал «купли» с системой «откупов» дани, практиковавшейся монгольскими ханами на Руси еще в XIII в. Как считает Ю.В. Кривошеев, Калита покупал не ярлык на верховную власть в княжестве-«купле», а лишь право сбора в нем важнейших податей. Суверенные права князей при этом были лишь несколько ограничены в пользу московских правителей, в основном в военном и внешнеполитическом аспектах: «под “куплями” Ивана Калиты следует понимать не покупку собственно территории “княжеств” как административно-политических единиц Руси, а передача права сбора “выхода”-дани, в данном случае в варианте “откупа”, что широко практиковалось» (Кривошеев, 2015, с. 216)[7].

[6] В.А. Кучкин попытался определить и время покупки Галича Калитой, высказав предположение, что это произошло вскоре после пресечения галичской ветви 1-й Галичской династии со смертью князя Ивана Федоровича (1335 г.), скорее всего, в результате поездки Ивана Данииловича в Сарай в 1336–1337 гг., из которой он вернулся с пожалованием (Кучкин, 1984, с. 256).

[7] Хотя замечания Ю.В. Кривошеева о неполной доказанности концепции В.А. Кучкина вполне справедливы, сами вносимые им коррективы вызывают, на наш взгляд, серьезные сомнения: трактовка «купель» как простых откупов не объясняет княжение в Галиче московских Рюриковичей, достаточно твердо доказанное В.А. Кучкиным. Также они не отвечают на вопрос, как откупа превратились в собственность московского княжеского дома, которую можно передавать по наследству. Сомнительна и сама идея Ю.В. Кривошеева об отказе Сарая от прямых сношений с «куплями», во всяком случае, до начала ордынской «Замятни» 1359–1380 гг.

Упоминавшаяся выше книга К.А. Аверьянова стала первым в истории изучения «купель» Ивана Калиты монографическим исследованием по теме. Источниковая база работы была широка и разнообразна как никогда ранее.

Рассмотрев с практически исчерпывающей полнотой историографию проблемы, он, по сути, подвел итог ее двухсотлетней разработки. Однако выводы ученого довольно радикально разошлись с идеями его предшественников. Путем довольно сложных логических построений он пришел к заключению, что «купли» (не только упомянутые в духовной Дмитрия Донского Галич, Углич и Белоозеро, но и встречающаяся в договорной грамоте того же князя с Олегом Рязанским Мещера) являются приданым, полученным Иваном Калитой с его братьями (то есть не одним дедом, а тремя) и Дмитрием Донским (Аверьянов, 2001, с. 32–33, 203; Аверьянов, 2018, с. 39, 217–218)[8]. По мнению К.А. Аверьянова, купли эти не встречались в завещаниях князей, так как на момент составления актов находились в формальной собственности жен завещателя. И только после смерти самих вдов «купли» переходят к их сыновьям и внукам и попадают в духовные грамоты.

В случае Галича К.А. Аверьянов начинает свое рассуждение с упоминавшегося выше (см. примечание 4) указания на сообщение Хворостининского родословца о покупке Иваном Калитой половины Галичского княжества у князя Федора Давыдовича. Опираясь на это известие К.А. Аверьянов делает довольно неожиданный вывод о том, что под покупкой надо, как и в уже рассмотренном им случае Мещеры, понимать приданное. Хотя ни один из известных источников не говорит о происхождении второй жены Ивана Калиты, Ульяны, Аверьянов объявляет ее галичской княжной на том основании, что смерть ее приходится на промежуток времени между заключением московским и серпуховским князьями договоров-докончаний в 1366 г. и 1372 г., а именно в докончальной грамоте 1372 г. Галич впервые выступает в качестве вотчины московских князей (Аверьянов, 2001, с. 82–84; Аверьянов, 2018, с. 86–88). Чтобы устранить возникшее противоречие с сообщением датировочной записи Галичского Евангелия о принадлежности Галича московскому князю в 1357 г., строится еще более запутанная и не менее сомнительная логическая конструкция. Согласившись с выводами В.А. Кучкина о галичском происхождении жены Андрея Серпуховского, сына Ивана Калиты (см. выше раздел о родословии первой галичской династии), К.А. Аверьянов высказывает догадку, что и этот московский жених получил половину Галичского княжества. Так как половина княжества уже принадлежала княгине Ульяне, ее пасынку досталась та, которой владел ее предполагаемый брат, Иван Федорович. Сначала Андрей Иванович и Иван

[8] Впервые догадку о том, что одна из «купель», Белоозеро, была подчинена Калитой в результате брачного союза, высказал еще в середине XX в. А.И. Копанев, однако она не получила поддержки среди исследователей ввиду своей умозрительности (Копанев, 1951, с. 37–38).

Федорович правили своей половиной удела попеременно по годам, а потом Иван Федорович, передав зятю всю полноту власти, получил в качестве компенсации Дмитров. Подтверждение этого предположения К.А. Аверьянов видит в росписи конца XVII в. паперти собора Новоспасского монастыря «Родословное древо российских государей». В ней, наряду с другими Рюриковичами, присутствует некий «Иоанн Дмитровский», которого К.А. Аверьянов и отождествляет с Иваном Федоровичем. Таким образом, Андрей Иванович Серпуховской стал единоличным правителем главной, столичной половины Галичского княжества. После того как князь Андрей умер, как полагает К.А. Аверьянов, бездетным (знаменитый сын Андрея, Владимир, родился на сороковой день по смерти отца), его доля Галича перешла к брату Ивану Ивановичу, чем будто бы и объясняется запись в Галичском Евангелии (Аверьянов, 2001, с. 86–88; Аверьянов, 2018, с. 89–92)[9].

В целом стоит отметить, что труд К.А. Аверьянова в плане полноты и скрупулезности проработки источниковой базы и историографии не имеет себе равных в истории изучения как московских «купель», так и княжеств, ставших этими «куплями», в том числе и первого Галичского. Однако методика построения собственной концепции, когда на одно сомнительное предположение громоздится не менее вольное допущение, и с каждым новым звеном спекулятивность логической конструкции возрастает в прогрессии, кажется нам сомнительной, и в силу этого к выводам автора монографии следует относиться, на наш взгляд, с большой осторожностью.

Уже после выхода первого издания книги К.А. Аверьянова вопрос о природе «купель» затронул А.А. Горский. Признав выводы В.А. Кучкина относительно даты подчинения Галича Москве, о принадлежности Галича Ивану Красному и кратковременной реставрации княжества Дмитрием Борисовичем в 1360–1363 гг., он не согласился с главным положением концепции В.А. Кучкина о «купле» как покупке ярлыка на княжение, указав на примере Мещеры на разновременность «купли» (до 1381 г.) и получения ярлыка на нее (1392 г.). Также А.А. Горский решительно отверг идею К.А. Аверьянова о «купле»-приданом. Фактически он вернулся к точке зрения А.Е. Преснякова, считая, что Иван Калита «расширил территорию великого княжества» за счет «покупки у местных князей какой-то части их суверенных прав», признавая, впрочем, что, скорее всего, приобретения эти были санкционированы Ордой. При этом А.А. Горский предположил, что условия сделки были неодинаковыми в разных княжествах: Углич и Галич, по его мнению, были присоединены полностью, со стольными городами, а вот белозерские князья сохранили власть в своей столице до 1380-х гг. (Горский, 2003, с. 62–63, 67; Горский, 2004, с. 236–239; Горский, 2010, с. 80–83).

[9] На самом деле на момент кончины Андрей Иванович Серпуховской, скорее всего, имел сына Ивана, который и стал его наследником (см.: Экземплярский, 1891, с. 293).

Рассматривая проблемы истории Галичского княжества, мы сознательно обошли стороной вопрос о так называемых легендарных, или мифических, князьях Галича, о которых рассказывает Летописец Солигаличского Воскресенского монастыря. Во-первых, до недавнего времени сообщения «Летописца», во всяком случае, в части, относящейся именно к галичским князьям, никто из историков всерьез не воспринимал, и проблемы, с точки зрения академической науки, здесь не существовало. Лишь с выходом работ К.А. Аверьянова, первым из историков попытавшегося вписать «мифических» князей в реальную историю княжества, зародилась проблема достоверности известий этого позднего источника. Во-вторых, сам объем сообщений «Летописца» о Галичском княжестве, их противоречия известиям большинства летописных сводов и довольно сложная система аргументации К.А. Аверьянова в его попытках выявить рациональное зерно в сведениях этого позднего источника потребовали бы от нас увеличения объема данной статьи практически вдвое. Так что эта тема будет нами рассмотрена в следующих работах.

Список литературы

Аверьянов К.А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М., 2018.

Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.

Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10.

Горский А.А. Москва и Орда. М., 2003.

Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV вв. М., 2010.

Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1991. Т. 4.

Копанев В.А. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015.

Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. М., 1974. Вып. 94. С. 365–384.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Насонов А.Н. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М., 1940.

Полное собрание русских летописей. Л., 1927. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

Полное собрание русских летописей. Пгр., 1915. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1.

Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода.

Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.

Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пгр., 1922.

Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пгр., 1918.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М, 1787. Ч. 2.

Сергеевич В.И. Древности русского права. М., 2007. Т. 1. Территория и население.

Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. II. Т. 3–4.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5–6. История Российская. Ч. 3.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1.

Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 135–234.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2.

Неизданные памятники старорусской эпиграфики из Галичского уезда[1]

Авдеев Александр Григорьевич,
доктор исторических наук,
научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского,
доцент исторического факультета Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
учитель истории школы «Интеллектуал»

Эпиграфические памятники эпохи Московской Руси относятся к числу малоизвестных источников по истории храмов и монастырей Галичского уезда. В ходе реализации проекта «Свод русских надписей» в 2016 г. на исторической территории данного региона был выявлен ряд надписей XVI – первой трети XVIII в., часть которых никогда не была опубликована. В предлагаемой статье впервые публикуются две белокаменные надгробные плиты с эпитафиями: Ульянии Ивановой (ум. 1731) из Успенского Авраамиева Новозаозерского монастыря и неизвестной (по иным источникам игуменье [Пелаги]и (ум. 1678)) из собора Рождества Пресвятой Богородицы в Солигаличе. Заключительная часть статьи посвящена исследованию записи в рукописном сборнике солигаличского священника Симеона о строительстве и освящении Покровского собора в Покровском Городецком Авраамиеве монастыре (1607/08–1631). На основе анализа структуры записи делается вывод о том, что в её основу могла быть положена реальная строительная надпись. В целом публикуемые памятники старорусской эпиграфики из Галичского уезда содержат значимую информацию, раскрывающую отдельные страницы истории монастырей этого региона, не известные из других исторических источников.

Галичский уезд, образованный в 1450 г., в XVI–XVII вв. включал в себя Солигаличскую, Чухломскую, Судайскую, Парфеньевскую, Кологривскую и Унженскую осады, а также различные волости. К числу малоизвестных и слабоиспользуемых источников по истории этого региона относятся памятники эпиграфики Московской Руси, или старорусские надписи. В 2016 г. на исторической территории Галичского уезда в рамках проекта

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicorum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда развития ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. URL: http://cir.rssda.su.

«Свод русских надписей» были проведены поиск и документирование надписей этого времени. Предварительные итоги их исследования уже были опубликованы (Авдеев, 2019, с. 8–13). В данной статье публикуются два неизданных памятника эпиграфики, выявленных в ходе реализации проекта, а также исследуется запись из Симеоновской редакции Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря, в основу которой могла быть положена строительная надпись.

Успенский Авраамиев Новозаозерский монастырь

В 2015 г. на территории монастыря среди строительного мусора, выброшенного во время восстановительных работ в Успенском соборе, была обнаружена верхняя часть белокаменной намогильной плиты (рис. 1 А–Б).

Верхняя часть белокаменной надгробной плиты трапециевидной формы с закруглёнными углами. На лицевой поверхности плиты сохранились следы декоративной рамки, составленной из полосы плетёного орнамента. На боковых гранях сохранился орнамент. Верхняя полоса составлена из параллельных друг другу правонаклонных насечек, средняя полоса состоит из разреженных двойных арок, перемежаемых вертикальными линиями с треугольным навершием, нижняя полоса состоит из параллельных друг другу левонаклонных насечек. Поверхность плиты повреждена, имеет потёртости и сколы. Верхняя часть плиты опилена. Нижняя часть плиты утрачена.

лѣ́та · ҂аѱла҃
февралѧ҃ [.]і҃ днѧ҃
преста́вилась
раба҃ бж҃иѧ оу҃
льѧнеа ива
[нова...]

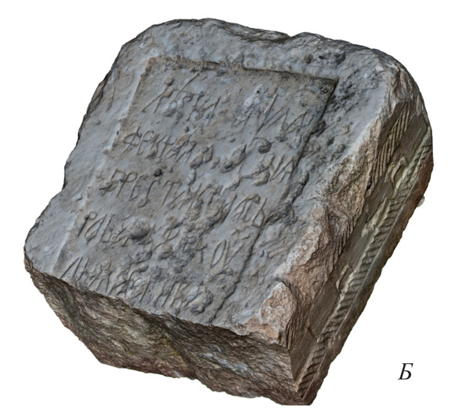

Рис. 1. Успенский Авраамиев Новозаозерский монастырь. CIR0066. Белокаменная намогильная плита с эпитафией Ульянии Ивановой. 1731 г.: А. Верхняя грань с эпитафией; Б. Общий вид.

Практическая транскрипция. Лета 1731г(о) февраля 1[.]г(о) дня преставилась раба Божия Ульянеа Ива[нова…].

Эпиграфическое поле заглублено в плиту и имеет прямоугольную форму, ограниченную рамкой. От надписи, находящейся на верхней грани плиты, сохранилось 5 строк. Надпись сделана в технике прямой резьбы. Шрифт, близкий граффити. Диакритика регулярная. Слова разделены интервалом. Датирующие элементы отделены интерпунктуационным знаком в виде точки. Буква А в обозначении тысячи составлена из дуги, прикреплённой с левой стороны к вертикальной мачте. Знак тысячи в виде прямой наклонной линии прикреплён к окончанию вертикальной мачты. Суспенсия: ҂аѱла҃ (стк. 1), [.] г҃ (стк. 2). Контрактуры: «бж҃іа» (стк. 4). Надпись сохраняет традиционную для старорусской эпитафии структуру и палеографию.

Особенности декоративного оформления надгробия показывают, что в качестве исходного материала была вторично использована намогильная плита конца XVI – первой половины XVII в. (Беляев, 1996, с. 148, табл. XLIV, 1; Вишневский, 2013, с. 136). С одной стороны, это является достаточно редким примером, с другой – служит первым надёжным свидетельством существования грунтового некрополя в Успенском Авраамиевом Новозаозёрском монастыре.

Рис. 2. Солигалич. Собор Рождества Пресвятой Богородицы. CIR0072. Белокаменная намогильная плита с эпитафией игумене [Пелаги]и. 1678 г.

Собор Рождества Пресвятой Богородицы в Солигаличе

Белокаменная надгробная плита прямоугольной формы, возможно перенесённая с монастырского некрополя, вмонтирована в северную стену отдельной палатки, пристроенной в XIX в. к северной стене собора (рис. 2)[2]. Сохранилась левая половина плиты. Плита расколота посередине. Надпись в 6 строк, выполненная в технике прямой резьбы. Сохранились начала 6 строк. Стк. 4 повреждена трещиной.

лѣта ҂зрп҃ѕ · фе҃в[аля в 12 день на память иже]
во ст҃ы о҃ца н҃ше[го Мелетия архиепископа Анти]
охи҃скаго и и҃ж[е во святых отца нашего Алексия]
мит҃рополи́т[а всея Русии чудотво]
рца прест[авися раба Божия e.g. Пелаги]
ıа и҃гу́м[енья сего монастыря]

Практическая транскрипция. Лета 7186 [1678]г(о) февр[аля в 12 день на память] во святых отца наше[го Мелетия архиепископа Анти]охийскаго и иж[е во святых отца нашего Алексия] митрополит[а всея Русии чудотво]рца прест[ависа раба Божия e.g. Пелаги]я, игум[енья сего монастыря].

Эпиграфический полуустав. Разделение на слова отсутствует. Диакритика регулярная. Год смерти выделен интерпунктуационным знаком в виде точки. Буква З в обозначении тысячи состоит из двух несомкнутых дуг. Верхнее окончание верхней дуги имеет расширение, а знак тысячи является продолжением нижней части. Знак изогнут, насечки параллельны друг другу. Более пологая нижняя дуга заканчивается расширением, заходящим в междустрочие. Лигатуры: стк. 1 – лѣ в слове «лѣта». Суспенсия: ҂зрп҃ѕ (стк. 1). Контрактуры: ст҃ы (стк. 2), о҃ца, н҃ше[го] (стк. 2). Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: ст҃ы (стк. 2). Особенности письма: титло в слове «о҃ца» нефункционально. 5–6. [Пелаги] ıа. Имя восстанавливается условно, по возможному количеству букв с учётом возможных лигатур в строке. Возможны варианты восстановления – Евфимия, Юлиания и т. п.

В эпитафии указан день памяти двух святых – Мелетия, архиепископа Антиохийского, и митрополита Алексия, святителя Московского. Для эпитафий Московской Руси включение дня памяти русского святого – достаточно редкий случай. Подобная формула единственный раз встречается на надгробной плите 1540 г. из Твери: «на масленице в четверг на память иже во святых отца нашего Мелетия архиепископа, в тот день преставление Алексея митрополита всея Руси». Другой вариант представлен на надгробной плите 1689 г. из Троице-Сергиева монастыря: «иже во святых отец наш Алексий митрополит Московский чудотворец» (Авдеев, 2009, с. 364).

Надпись на напрестольном кресте, вложенном в июне 1680 г. царём Фёдором Алексеевичем в Богородице-Рождественский девичий монастырь в Солигаличе, сообщает, что обитель была основана в 1667/68 г. царицей Марией Ильиничной (Авдеев, 2001, с. 268–269; см. также: Беляев, 1863, с. 268). С июня 1671 по март 1676 г. П.М. Строев числит игуменьей Богородице-Рождественского монастыря Елену. Далее в его списке следует пробел до 1702 г. (Строев, 1877, стб. 882). Возможно, отмеченная в эпитафии игуменья – преемница Елены – и была настоятельницей обители с марта 1676 по февраль 1678 г.

Покровский Авраамиев Городецкий монастырь

В собрании И.Е. Забелина, хранящемся в отделе рукописей Государственного исторического музея, находится малоизвестная редакция Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря. Она включена в рукопись, составлявшуюся между 1 августа 1680 и 11 сентября 1699 г.

[2] Документировано 16.08.2016 г., код документирования OG0100, код надписи CIR0072. Операторы документирования: Сергей Пешков, Александр Пешков, Виталий Красноруцкий, Антон Клеймёнов, Екатерина Романенко, Дарья Анисимова, Евгений Юшин. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева, Мария Канцевич, Арсений Козуля.

(что подтверждают имеющиеся на её листах филиграни) священником Рождественского Солигаличского монастыря Симеоном, и является его автографом[3]. В дополнения к Летописцу он включил запись о строительстве Покровского собора в Покровском Авраамиевом Городецком монастыре (ГИМ ОР. Собрание И.Е. Забелина, № 463/551. Л. 53 об.):

лѣта ҂зрѕі го. в (5) галицко уѣздѣ в чюхлоско ѡсадѣ (10) в городецко мнтрѣ . зачата быт (15) каменаѧ соборнаѧ црко во имѧ (20) прстыѧ блцы нашеѧ бцы і (25) прно двы мрін , чтнаго и (30) славнаго еѧ покрова над гробо (35) чюдотворца аврамїѧ , предѣ стаго пррка (40) ілїи . по вѣрѣ і (45) по ѡбѣщанїю блговѣрнаго цря і (50) великого кнѕѧ василїѧ іѡанновича всеѧ (55) русіи самодержца . при стѣйше патрїархѣ (60) гермогенѣ . а совершена быт , в (65) лѣто ҂зрм гоу сентѧбрѧ во (70) нѣ . при блговѣрно гдрѣ црѣ (75) і велико кнѕѣ михайлѣ ѳеодоровичѣ (80) всеѧ русіи самодержцѣ . и прї (85) его гдрвѣ оцѣ і бгомолцѣ , (90) велико гдрѣ стѣйше филаретѣ патрїархѣ (95) московско і всеѧ русіи . прї (100) игуменѣ тихонѣ . і при келарѣ (105) старцѣ іѡсифѣ . а сщена быт (110) лѣта ҂зрма гоу кз чис[ла месяца …]

Практическая транскрипция. Лета 7116 [1607/08]г(о) в Галицком уезде в Чюхломской осаде в Городецком монастыре зачата быст(ь) каменная соборная церков(ь) во имя Пр(е)с(вя)тыя Вл(а)д(ычи)цы нашея Б(огоро)д(ицы) и Пр(и)сно Д(е)вы М(а)рии Ч(е)стнаго и Славнаго Ея Покрова над гробом чюдотворца Авраамия, предел пророка Илии по вере и по обещанию бл(а)говернаго ц(а)ря и великого кн(я)зя Василия Иоанновича всея Русии самодержца при св(я)тейшем патриархе Гермогене. А совершена быст(ь) в лето 7140[1631]м году сентября во 8 д(е)нь при бл(а)говерном г(о)с(у)д(а)ре ц(а)ре и великом князе Михайле Феодоровиче всея Русии самодержце и при его г(о)с(у)д(а)реве о(т)це и б(о)гомол(ь)це великом г(о)с(у)д(а)ре св(я)тейшем Филарете патриархе Московском и всея Русии, при игумене Тихоне и при келаре старце Иосифе. А св(я)щена быст(ь) лета 7144[1635/36]г(о) году 27 чис[ла месяца…].

К сожалению, в Симеоновской редакции Летописца название месяца, в который произошло освящение храма, утрачено из-за обреза листа, и точное время этого события остаётся неизвестным. Возможно, утрачено имя игумена, при котором совершалось освящение храма.

Уникальность публикуемому сообщению придаёт то, что в иных редакциях Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря сведений о строительстве и освящении Покровского собора нет[4]. Первое сообщение об этом принадлежит костромскому краеведу Д.Ф. Прилуцкому, который сослался на находившийся в его собрании список Летописца XVII в., приобретённый им у некоего «частного человека» (Прилуцкий, 1861, с. 9, прим. **). Возможно, речь идёт о рукописи, впоследствии оказавшейся у И.Е. Забелина, о чём говорят текстуальные совпадения с публикацией

[3] Описание рукописи см: (Дорофеева, 2011, с. 10–11).
[4] Обзор редакций Летописца см.: (Семячко, 2004, с. 471–474).

костромского краеведе и отсутствие названия месяца, в который произошло освящение Покровского собора: в книге Д.Ф. Прилуцкого оно отсутствует, так же как и в рукописи (Прилуцкий, 1861, с. 9). Вплоть до настоящего времени сообщение костромского краеведа играет роль основного источника о времени строительстве Покровского храма, тогда как первоисточник этих сведений известен не был (напр.: Гневышев, 2009, с. 135).

Вероятнее всего, публикуемый фрагмент вставлен в текст Летописца самим священником Симеоном. Достоверность его сведениям придаёт упоминание игумена Покровского Авраамиева-Городецкого монастыря Тихона, настоятельство которого у Д.Ф. Прилуцкого датировано 1630–1631 гг. с характерной припиской «при нем окончен постройкою соборный храм в монастыре» (Прилуцкий, 1861, с. 27). П.М. Строев относит время его настоятельства к 1630–1632 гг. (Строев, 1877, стб. 866). Обращает на себя внимание необычная для конца XVII в. правильность передачи официального на момент строительства и освящения храма названия государства – «Русия», которое сменится в 1655 г., после вхождения в его состав Малороссии и Белоруссии, на «Россия».

Рассмотрим структуру текста[5]:

Инф. единицы	*Текст*
Datatio¹	(1–3) лѣта ҂зрѕі го.
	(4–12) галицко уѣздѣ в чюхлоско ѡсадѣ в городецко мнтрѣ .
Fundatio¹	(13–41) зачата быт каменаѧ соборнаѧ црко во имѧ прстыѧ блцы нашеѧ бцы і прно двы мрін , чтнаго и славнаго еѧ покрова над гробо чюдотворца аврамїѧ , предѣ стаго пррка ілїи .
Intitulatio	(42–56) по вѣрѣ і по ѡбѣщанїю блговѣрнаго цря і великого кнѕѧ василїѧ іѡанновича всеѧ русіи самодержца .
Datatio²	(57–60) при стѣйше патрїархѣ (6о) гермогенѣ .
Fundatio²	(61–64) а совершена быт ,
Datatio³	(64–70) в лѣто ҂зрм гоу сентѧбрѧ во нѣ .
Datatio⁴	(71–107) при блговѣрно гдрѣ црѣ і велико кнѕѣ михайлѣ ѳеодоровичѣ всеѧ русіи самодержцѣ . и прї его гдрвѣ оцѣ і бгомолцѣ , велико гдрѣ стѣйше филаретѣ патрїархѣ московско і всеѧ русіи . прї игуменѣ тихонѣ . і при келарѣ старцѣ іѡсифѣ .
Sacrificatio	(107–109) а сщена быт
Datatio⁵	(110–115) лѣта ҂зрма гоу кз чис[ла месяца …]

[5] О принципах выделения структуры формуляра старорусских строительных надписей см.: (Авдеев, 2017, с. 164–166).

Как видно из таблицы, структура летописной записи аналогична формуляру строительных надписей, при этом структурные элементы в рукописном тексте разделены интерпункционными знаками, за исключением не характерной для эпиграфических памятников данного типа территориальной привязки храма к уезду. Подобное деление формуляра интерпункционными знаками характерно, например, для надписи 1660 г. о строительстве храма Спаса Нерукотворного образа в московском Заиконоспасском монастыре (CIR0002). Как показывают эпиграфические памятники Троицкого Макарьева Калязина монастыря (CIR0031, CIR0687), имя келаря могло появиться в надписи, если тот выделял личные средства на строительство монастырских сооружений или роспись храма.

Таким образом, весьма вероятно, что в основу записи о строительстве Покровского собора в Покровском Авраамиевом монастыре могла лечь строительная надпись, скопированная священником Симеоном. Такие списки, хоть и крайне редко, но попадали на страницы провинциальных летописей (см.: Петров, 2011, с. 328–333). Остаётся решить вопрос о вероятном местоположении надписи. При осмотре внешних и внутренних стен Покровского храма в 2016 г. ниша, где могла бы находиться плита с надписью, не была выявлена. На литографии по рисунку К. Красовского, опубликованной в книге Д.Ф. Прилуцкого (рис. 3), изображён Покровский

Рис. 3. Покровский Авраамиев Городецкий монастырь. Вид монастыря до 1857 г. Литография И. Соломона по рисунку К. Красовского (цифрой 1 обозначен Покровский собор).

Авраамиев монастырь до строительства храма в честь иконы Божией Матери Умиление в 1857 г. – видно, что с запада к Покровскому собору примыкала обширная трапезная с папертью, традиционно служившая местом размещения строительных надписей. Д.Ф. Прилуцкий уже видел собор четырёхугольным (Прилуцкий, 1861, с. 19), откуда становится ясным, что трапезная была разобрана во время строительных работ 1857 г. Тогда же, видимо, была утрачена и надпись, список с которой сделал священник Симеон.

На основании всего вышеизложенного эта запись включена в Свод русских надписей как список с несохранившейся надписи (код надписи CIR4068).

Из описи Авраамиева-Городецкого монастыря 1701 г. известно, что Покровский храм был пятиглавым, «средняя глава обита белым немецким железом, а 4 главы окожучены лемехами древяными, кресты спаяны белым немецким железом, в церкви престол каменной» (Холмогоровы, 1895, с. 111). Храм начал строиться «по вѣ́рѣ ї҆ по ѡ҆бѣща́нїю» Василия Шуйского, но из-за отсутствия в списке месяца и дня заложения церкви причины, побудившие царя дать обет на её возведение в монастыре, оказавшемся в стороне от бурных событий Смуты, неясны. Впрочем, после Смутного времени, в 1629 г., брат царя, Иван Иванович Шуйский, вложил в Покровский храм серебряный напрестольный крест с вкладной надписью (Авдеев, 2001, с. 267–268).

В заключении отмечу, что публикуемые памятники старорусской эпиграфики из Галичского уезда содержат значимую информацию, раскрывающую отдельные страницы истории монастырей этого региона, неизвестные из других исторических источников.

Список литературы

Авдеев А.Г. Ставрографические памятники XVI–XVIII вв. из Галичского уезда // Ставрографический сборник. Кн. 1. / сост. и общ. ред. А.В. Святославский, А.А. Трошин; науч. ред. С.В. Гнутова. М.: Изд-во Московской Патриархии: Изд-во «Древлехранилище», 2001. С. 262–270.

Авдеев А.Г. Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV – начала XVIII века // ВЭ / отв. ред. А.Г. Авдеев. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2009. Вып. 3. С. 322–415.

Авдеев А.Г. О надписи на кресте Стефана Бородатого // Прикосновение к вечности: сб. ст. / научн. ред. Г.Е. Захаров, свящ. А. Постернак. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 162–169.

Авдеев А.Г. Родовая усыпальница Готовцевых: предварительные результаты исследования // Вестник КГУ им. А.Н. Некрасова. 2019. Т. 25, № 2. С. 8–13.

Авдеев А.Г., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Исследование памятников эпиграфики методом бесконтактного трёхмерного моделирования с последующей математической визуализацией рельефа полигональной

модели // XVI Тихомировские краеведческие чтения: К 100-летию революций в России: материалы науч. конф., Ярославль, 19–20 октября 2017 года / Департамент культуры Ярославской области; Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Ярославль, 2019. С. 135–152.

Беляев И., прот. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основе подлинных сведений, имеющихся по Духовному ведомству. СПб.: В тип. Почтового департамента, 1863. 358, V с.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус Граффити, 1996. 563 с.

Вишневский В.И. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2013. Вып. 9. С. 125–139.

Гневышев А.В. Становление архитектурного ансамбля Чухломского Авраамиева-Городецкого монастыря в XIV–XVIII вв. // Романовские чтения: Центр и провинция в системе Российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 134–139.

Дорофеева К.В. Житие преподобного Авраамия Галичского // ВЦИ. 2011. № 1–2. С. 5–55.

Петров Д.А. Монументальные надписи Пьетро Антонио Солари в Москве // ВЭ. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. Вып. 5. С. 322–334.

Прилуцкий Д.Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. СПб.: В тип. Королёва и К°, 1861. 57 с.

Семячко С.А. Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря // СККДР. СПб.: Д. Буланин, 2004. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 471–474.

Строев П.М. Список иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб.: Археографическая комиссия, 1877. X с., 1064, 68 стб. (Репр.: М., 2007).

Холмогоровы В.И. и Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. Отд. 1: Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломой жилых даных церквей. 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома: В Губернской тип., 1895. 404, IV, VII с.

Список сокращений

ВЦИ – Вестник церковной истории

ВЭ – Вопросы эпиграфики

ГИМ – Государственный исторический музей

КГУ – Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ОР – Отдел рукописей

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси

CIR – Corpus Inscriptionum Rossicorum / Свод русских надписей» (URL: http: // cir.rssda.su)

К вопросу о финно-угорской топонимике Галичского Приозерья

Долгополов Сергей Васильевич,
научный сотрудник ООО «Костромская археологическая экспедиция»

Статья посвящена актуализации исследований топонимики финно-угорского происхождения Галичского Приозёрья в связи с данными археологии. Используя накопленные современной топонимической наукой материалы, автор выделяет группы различной по происхождению финноязычной топонимики и сопоставляет с археологическими материалами и историческими сведениями. Особенно внимание привлекает наличие пласта топонимики прибалтийско-финского происхождения (возможно, связанной с раннесредневековой весью). Отчасти этот пласт возможно сопоставить с материалами исследований городища Унорож. Делается вывод о проникновении веси в Галичское Приозерье в X–XI веках.

Вопросы древней этнической истории относятся к числу самых сложных, и решение их возможно лишь на стыке смежных дисциплин. В первую очередь это археология и топонимика. Сравнение данных двух дисциплин позволяет уточнить наше представление об истории регионов и народов в периоды, слабо, а то и полностью не освещенные письменными источниками.

Мы исходим из того, что округа Галичского озера на протяжении тысячелетий являлась центром локализации различных групп самобытного населения. Здесь можно вспомнить и галичскую культуру неолитического времени, и так называемую «галичскую мерю», трактуемую в качестве локальной группы финноязычного населения Костромского Поволжья. А.В. Новиковым при картографировании поселений раннего железного века наглядно показано выделение локальной группы памятников в Галичском Приозерье (Новиков, 2018, с. 175, рис. 1).

Бассейн Галичского озера, его притоков и истока значительную часть истории был заселён финноязычными племенами. До наших дней сохранился пласт топонимики, своим происхождением связанный с древним населением края.

В настоящее время результаты изучения топонимики финно-угорского происхождения в различных регионах России позволяет достаточно уверенно обозначить происхождение большей части топонимов и попробовать увязать их с теми или иными группами языков. Мы рассматриваем топонимы в бассейне Галичского озера, его притоков и вытекающей из него реки Вёксы. Подобная выборка объектов вполне допустима, о чем, на наш взгляд, говорят

и особенности расположения в районе памятников археологии. Все они в Галичском районе расположены по берегам озера, его притоков и р. Вёксы. Стоит отметить, что практически все финно-язычные названия населенных пунктов являются отгидронимными. При этом нередко сохраняется изначальная форма, в то время как названия рек приобретают русские уменьшительно-ласкательные суффиксы (Шокшанка, Ликшанка и т. д.). Для наших целей мы используем вариант без суффиксов и рассматриваем его как гидроним, поскольку в названии населенных пунктов он вторичен.

Топонимы, которым мы можем подобрать аналоги в других регионахлибо рассмотренные ранее специалистами, дают любопытную картину.

Ноля, по И.С. Галкину и О.П. Воронцовой, *нол+ля(ляй)* – «быстротекущая река». Гидроформант имеет, по Цыганкову, происхождение из балтийских языков, а *нол* – сродни «стремнина, быстрая река» на мансийском и «полынья, незамерзающая часть реки» на марийском (Воронцова, Галкин, 2002, с. 229). Название идентично пр. р. Байсы и пр. Вои в Кировской области и лев. пр. р. Уржумки в Марийской республике и Кировской области, пр. Ветлуги в Нижегородской области. В варианте *Нолька* – пр. пр. Малой Кошаги в Марий Эл. Стоит заметить, что большая часть гидронимов *Ноля* расположена на территории либо распространения пермских языков, либо там, где носители пермских языков фиксируются в раннем железном веке, а то и в раннем средневековье.

Шокша–идентичноназваниюсразу8рекв Архангельской,Ленинградской, Вологодской, Костромской, Нижегородской областях, Карельской, Мордовской республиках. Е.М. Поспеловым было зафиксировано на Русском Севере 9 рек с таким названием, что недвусмысленно указывает на истоки гидронима (Поспелов, 1970, с. 99). Этимология окончательно не выяснена, однако О.П. Воронцова и И.С. Галкин считают возможным выводить *шок* из *сок* (ср. селькупскому сок – «мыс») + гидроформант *-ша* (Воронцова, Галкин, 2002, с. 374–375).

Шача (2 притока р. Ноли) – А.К. Матвеев считал возможным сравнивать с близкими по звучанию гидронимами саамов и хантов. Картографирование ареала термина позволило ему утверждать, что гидроним *Шача* является термином, прямо связано с финно-язычным населением Костромского Поволжья, трактуемого им как «костромская меря» (Матвеев, 2015, с. 153–154).

Ликурга – А.К. Матвеевым убедительно установлено наличие гидроформанта -курга и двух локальных групп этого форманта: в северо-восточной части бассейна Костромы и на средней Устьи (пр. пр. Ваги в Архангельской области). Сам формант, по мнению исследователя, является модификацией широко распространенного на Русском Севере детерминанта – *курья* (Матвеев, 2001, с. 285–286).

Вёкса – реки с подобным названием широко распространены на севере России, чаще всего подобные наименования имеют реки, вытекающие из озер.

Значение «озерный сток» известно в ряде местных русских говоров, в которых оно является заимствованием. Именно в варианте *Вёкса* наиболее часто встречается на территории Костромского края (Матвеев, 2015, с. 100, 271).

Коломша – название идентично лев. пр. Суды, где ещё в начале XX века проживали вепсы.

Вожега – гидрооснова *вожже-* – известна также в районе расселения носителей прибалтийско-финских языков на Русском Севере (озеро Воже), идентично Вожега в Вологодской области. Возможно, основа сродни *вож* – «исток, приток» в коми языке. А.К. Матвеев указывает на упоминание в варианте *Вожуга* в «Книге Большому Чертежу» 1627 года (Матвеев, 2015, с. 122–123).

Бокшенка – приток Ноли. Возможно, родственен топониму *Бокша* в Московской области.

Топоним *Юрманка* идентичен названию речки в Сарапуле (Удмуртия). Мы склонны полагать, что в основе имени – топоним *Юрма*. Такие топонимы известны на севере Чувашии, в Челябинской области, гидронимы в Томской области и Башкирии. Возможно, в данном случае мы имеем топоним пермского происхождения.

Ихолово – топооснова ихол- связана с прибалтийско-финскими языками. (Матвеев, 2004, с. 37–38)

Топооснова гидронимов *Косторовское болото*, *Кастъ* также может соотноситься с финским и карельским словами (фин. kostea, карел. kostie), имеющими значение «сырой» и нередко выступающими в качестве основы в гидронимах на территории, исторически связываемой с весью и другими прибалтийско-финскими племенами.

Для части топонимов затруднительно указать достаточно уверенно связи с конкретными языковыми группами или территориями. Это такие топонимы, как *Ламза, Ликшанка, Тойга, Унорож, Вахнецы, Востомиа* (такой вариант встречается как в разговорной речи в Галичском районе, так и упоминается в записных вотчинных книгах Поместного приказа XVII века (Антонов и др., 2010, с. 618)), почти все топонимы с формантом *-ма (Лама, Пема, Осма, Челсма, Кешма, Пастома, Рухтема)*.

Однако финно-угорское их происхождение практически несомненно, на что указывает наличие формантов, характерных для финно-угорских языков и распространенных на широких территориях в топонимики финно-угорского происхождения.

Большая часть названий топонимов финно-угорского происхождения является гидронимами (либо образована от гидронимов). В свою очередь, в большинстве из них четко выделяются гидроформанты. Если топоосновы зачастую остаются неясного происхождения либо сравнения их слишком ненадежны, то с гидроформантами определенность несколько больше.

Гидроформанты *-ша (-са)*, *-за, -га* находят апеллятивы в уральских языках. Отметим, что практически все они, за исключением *шяй* (мордовское

«болото») имеют апеллятивы в угорских, прибалтийско-финских, пермских и самодийских языках (Воронцова, Галкин, 2002, с. 17).

Гидроформант *–ля (-ла)* – по всей видимости, проникновение из балтийских языков (Цыганкин, 1976, с. 169).

На наш взгляд, в рассматриваемых топонимах отсутствуют форманты *-кса, -кша*. Однако, даже в противном случае, и эти форманты имеют происхождение из прибалтийско-финских языков.

Несколько на особицу стоит гидроформант *-ма* (вода, река), который является одним из наиболее древних. По мнению известных финно-угроведов Б.А. Серебренникова, И.С. Галкина, О.П. Воронцовой, он появился в уральских языках ещё до разделения на самодийские и финно-угорские и связан с маньчжурско-тунгусским апеллятивом *-му*. Встречается он на огромных пространствах севера Европейской части России и Сибири, при том – один из характерных для волго-окской топонимии (Серебренников, 1955, с. 28; Воронцова, Галкин, 2002, с. 16–17). Мы склонны считать, что названия именно с этим гидроформантом не связаны происхождением с финноязычным населением Русского Севера. Схожий формант прибалтийско-финского происхождения имеет семантику «поле, участок земли под какой-либо культурой» и встречается в названии полей, земельных участков (Муллонен, 1994, с. 48–49). В нашем случае мы имеем дело с гидронимами и отгидронимными топонимами, Формант *-ма* в гидронимах крайне характерен на территориях Поволжья, связываемых с различными массивами финского населения, близкого по культуре летописной мере. И именно с этим населением в большинстве случаев связаны подобные топонимы. Для Галичского Приозерья отчасти это подтверждает и то, что гидроним *Лама* имеет аналог на территории Московской и Тверской областей в правобережье Волги.

При картографировании финно-язычных топонимов (рис. 1) по принципу вероятного происхождения мы можем наблюдать ряд любопытных моментов, имеющих прямые параллели с археологическим материалом и некоторыми историческими сведениями.

Единичные топонимы финно-пермского происхождения, вероятно, связаны с расселением в VI–III веках до н. э. на памятниках, в том числе и Галичского Приозерья, населения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой. Первоначальный импульс расселения этой культуры связан с районами бассейнов Вычегды и Верхнего Прикамья. Насколько возможно судить, носители этой культуры являлись носителями языка финно-пермского происхождения. Единичность этих топонимов, вероятно, обусловлена ассимиляцией местными племенами задолго до рубежа эр и значительным временным разрывом.

Наличие куста топонимов с характерным для волго-окского региона гидроформантом -ма в районе Галича может быть связано с районами происхождения населения Галича древнерусского времени, форпоста владимиро-суздальских князей.

Рис. 1. Карта-схема распространения топонимики финно-язычного происхождения в Галичском Приозерье.
Цветом выделены топонимы: желтым – пермского происхождения, синим – волго-финского происхождения, красным – прибалтийско-финского происхождения, черным – с невыясненной принадлежностью к конкретной языковой группе.

Любопытно наличие достаточно заметной группы топонимов прибалтийско-финского происхождения, большей частью распространённых преимущественно в северо-западном Приозерье в бассейне Вёксы и её притока Ноли. На наш взгляд, происхождение этих топонимов необходимо увязывать с весью. Весь, пожалуй, единственный финно-язычный народ, чье продвижение на огромные пространства Севера зафиксировано исторически. Граница распространения памятников восточной веси находится в общем-то недалеко от района Галичского озера. Аргументом в пользу веского происхождения этой группы топонимов является также и то обстоятельство, что значительная часть аналогов находится на территории расселения средневековой веси. Вероятно, именно раннесредневековое происхождение обусловило представительное количество топонимов прибалтийско-финского происхождения. По всей видимости, они непосредственно предшествовали проникновению славяноязычного населения в регион и были восприняты новыми насельниками как устоявшиеся.

Возможно, именно с весью необходимо увязывать некоторые фиксируемые археологически события в раннесредневековой истории региона. По итогам исследований Костромской археологической экспедиции

на городище Унорож достаточно уверенно можно говорить о наличии в раннесредневековое время двух пластов различного финно-язычного населения: второй половины IX – начала X веков и X–XI веков (Новиков и др., 2017, с. 19). При этом в X веке происходят значительные изменения в материальной культуре, в первую очередь связанные с импортом и активными связями с Приладожьем и Новгородом, через Белозёрье и р. Шексну (Новиков и др., 2017, с. 40–41). Отметим, именно весь была тесно связана и находилась под прямым влиянием Новгорода, именно через территорию расселения веси идут контакты с Прибалтикой. Тезису об участии веского населения в жизни городища не противоречит и вещевой материал. Мы не можем на сегодняшний день уверенно говорить о принадлежности именно к веси населения, сменившего местные племена в качестве насельников городища Унорож. Однако, с учетом вышесказанного, вряд ли возможно отрицать её активное участие в освоении северо-восточного Приозерья в X–XI веках и вовлечение края в международную пушную торговлю.

Вместе с тем автор не претендует на законченность выводов и их безусловную точность. Вопросы изучения микрорегиональной топонимики Галичского озера (шире – северо-запада Костромской области) требуют внимания квалифицированных языковедов. Необходимо проведение масштабных работ на памятниках раннего средневековья, поиска новых памятников этого времени в неисследованных и малоисследованных частях бассейна Галичского озера и верховий Костромы. И только тогда мы сможем уверенно судить о характере и особенностях этнокультурных процессов в одном из интереснейших регионов России.

Список литературы

Антонов А.В., Беликов В.Ю., Берелович А., Назаров В.Д., Тейро Э. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М.: Древлехранилище, 2010. 1658 с.

Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2002. 424 с.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. Ч. 1. 346 с.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. Ч. 2. 370 с.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2015. Ч. 4. 313 с.

Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимики. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 157 с.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. Казань: ИА им. Халикова АН РТ, 2018. Вып. 2: Эпоха бронзы и ранний железный век. С. 9–289.

Новиков А.В., Баранов В.И., Новикова О.В., Смирнов А.С., Иванов А.Н. Археологическое изучение городища Унорож: итоги и перспективы. Кострома: Линия График Кострома, 2017. 64 с.

Поспелов Е.М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Вопросы географии. М.: Мысль, 1970. Сб. 81: Местные географические термины. С. 96–105.

Серебренников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1955. № 6. С. 19–31.

Цыганкин Д.В. Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Саранск: МордГУ, 1976. Вып. 4. С. 167–171.

Галичская икона в собрании икон Церковного историко-археологического музея Ипатьевского монастыря

Бурдина Людмила Викторовна,
научный сотрудник Церковного историко-археологического музея
Костромской епархии Русской православной церкви

В постоянной экспозиции Церковного прикладного искусства ЦИАМ в Ипатьевском монастыре находится интересная коллекция икон, скульптуры и рельефной иконы из Галича. Древнерусская скульптура пришла из Византии. Ее вырезали из дерева, покрывали левкасом и расписывали темперными красками по аналогии с живописными образами. Их называли иконами «на рези» или просто иконами, поскольку предназначались они для молитвы.

Кострома в XVII веке не являлась единственным центром иконописания в крае. В уездных городах Галиче, Солигаличе, Нерехте, Кинешме складывались свои традиции применительно к местным условиям и возможностям. Сельские храмы были деревянными, что диктовало определенные требования к языку иконописи. Упрощение и архаичность художественного языка, экспрессия и лаконизм манеры письма, любовь к насыщенному цвету, хотя и ограниченному палитрой местных иконописцев – это те особенности галичской иконы, что роднят ее с народной художественной культурой.

В экспозиции ЦИАМ располагается значительное количество икон, выполненных галичскими мастерами.

Галич – старинный город. Впервые он упоминается в Лаврентьевской летописи под 1237–1238 годами. В 1246 году при разделе вотчин между сыновьями великого князя Ярослава Всеволодовича Галич становится центром удельного княжества. В 1363 году город был присоединен к Москве. В XV веке благодаря деятельности игумена Паисия возвышается Успенский монастырь близ Галича, позднее названный Паисиевым.

Лучшие произведения галичских мастеров потрясают декоративностью и предельной доходчивостью художественного языка. Они написаны в стиле народного примитива, однако их отличает изысканность в продуманности художественных приемов, что позволяет ставить их в один ряд с профессиональными иконами. Галичская икона дала интереснейшие, художественно полноценные плоды. Она отличается светоносностью живописи, лаконизмом и четкостью рисунка, рассчитанными на восприятие в полутемном пространстве маленького деревянного храма.

Ко второй половине XV века относится самая ранняя из сохранившихся галичских икон – образ Василия Великого (рис. 1).

Икона происходит из церкви великомученицы Параскевы Пятницы в Рыбной слободе (г. Галич). Оригинал находится в Ипатьевском монастыре (Кострома).

Икона, по-видимому, была храмовым образом главной церкви Васильевского монастыря в Галиче (Русский диплома-тарий, 1997, вып. 1, с. 161), откуда затем попала в соседнюю церковь Параскевы Пятницы в Рыбной слободе. Местное предание связывает икону с князем Дмитрием Шемякой, но она могла появиться в Галиче в этот период как вклад великого московского князя Василия Темного, одержавшего победу над Шемякой. Свт. Василий Великий, епископ Кесарии Каппадокийской (IV век) – патрональный святой князя Василия Темного и его отца Василия Дмитриевича.

В XVI веке галичское искусство испытывает влияние новгородской иконописи. В XVII веке для него были характерны осторожность в приятии новшеств, консерватизм, приверженность к отработанным ранее художественным решениям. Иконы, которые создавались в это время в Галиче, не похожи на костромские иконы. Цвет личного на галичской иконе обычно имеет насыщенный оранжевый оттенок. Форма строится с помощью выразительного рисунка черной краской и дорабатывается контрастными разбелками. Цветовая гамма тяготеет к охристым тонам. В целом галичской иконе присуща экспрессив-

Рис. 1. Икона. Святитель Василий Великий. Москва. Вторая половина XV в.

Рис. 2. Икона. Архангел Михаил. Галич. Первая половина XVII в.

Рис. 3. Икона. Огненное восхождение пророка Божия Илии.
Галич. Около 1731 г.

ность как самой манеры письма, так и образного содержания при лаконизме декора, что роднит ее с народной художественной культурой. Не случайно в XVIII веке галичская традиция реализовала себя в сельской народной иконе.

Икона относится к памятникам народной художественной культуры, которым свойственна архаизация приемов письма. Это направление в дальнейшем получило широкое распространение в иконописи костромской провинции, существуя параллельно профессиональному городскому искусству, ориентированному на столичные образцы.

Икона происходит из церкви Илии Пророка погоста Прудовка (Галичский район Костромской области). Икона была храмовым образом этой церкви.

В среднике иконы изображены сцены: «Илия пророк в пустыне», «Явление Ангела Господня Илии пророку», «Илия пророк переходит Иордан посуху», «Огненное восхождение Илии пророка».

Икона «Огненное восхождение пророка Илии» дает представление о костромской традиции последней трети XVII века, но не о той ее высокопрофессиональной линии, которая связана со знаменитым иконописцем Гурием Никитиным, а о более народном и простом варианте. При этом ее художественному языку присущи все основные черты, которые отличают иконописное искусство Костромы в целом. Это большая роль рисунка, ритмичного и точного, тонкое чувство цвета и особый типаж ликов, особенно в изображениях ангелов – круглоликих, с широко открытыми глазами, наивных и трогательных (Костромская икона, 2004, с. 583; Брюсова, 1982, с. 55).

Икона «Чудо святого Георгия о змие» (рис. 4) происходит из церкви Введения Пресвятой Богородицы во храм в Рыбной слободе в г. Галиче

Место хранения иконы – Ипатьевский монастырь, Церковный историко-археологический музей Костромской епархии.

Реставрирована Л.Д. Трушиной в Московской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в 1986 году.

Клейма:

1. Приведение св. вмч. Георгия к царю Диоклетиану.
2. Избиение св. вмч. Георгия воловьими жилами.
3. Заключение в темницу.
4. Мучение копьем.
5. Вмч. Георгий и волхв Афанасий.
6. Мучение железными стругами.
7. Мучение камнем.
8. Мучение расплавленным оловом.
9. Мучение на колесе.
10. Усекновение главы св. вмч. Георгия.
11. Погребение св. вмч. Георгия.
12. Чудо с сарацинами.

Иконографической особенностью произведения является вычленение в отдельное клеймо сцены изгнания св. вмч. Георгия, поражение копием св. вмч. Георгия, которое, коснувшись тела Георгия Победоносца, согнулось, не нанеся вреда (4-е клеймо). Обычно эта сцена совмещается с заключением св. вмч. Георгия в темницу. Не вполне традиционна трактовка сюжета с волхвом Афанасием (5-е клеймо), где волхв изображен не дающим мученику смертное зелье, а раскаивающимся в содеянном. Сцену дополняет явление Спасителя св. вмч. Георгию в темнице. В то же время в составе клейм отсутствуют такие традиционные сюжеты, как мучение огнем, известью и раскаленными железными сапогами (Костромская икона, 2004, с. 571).

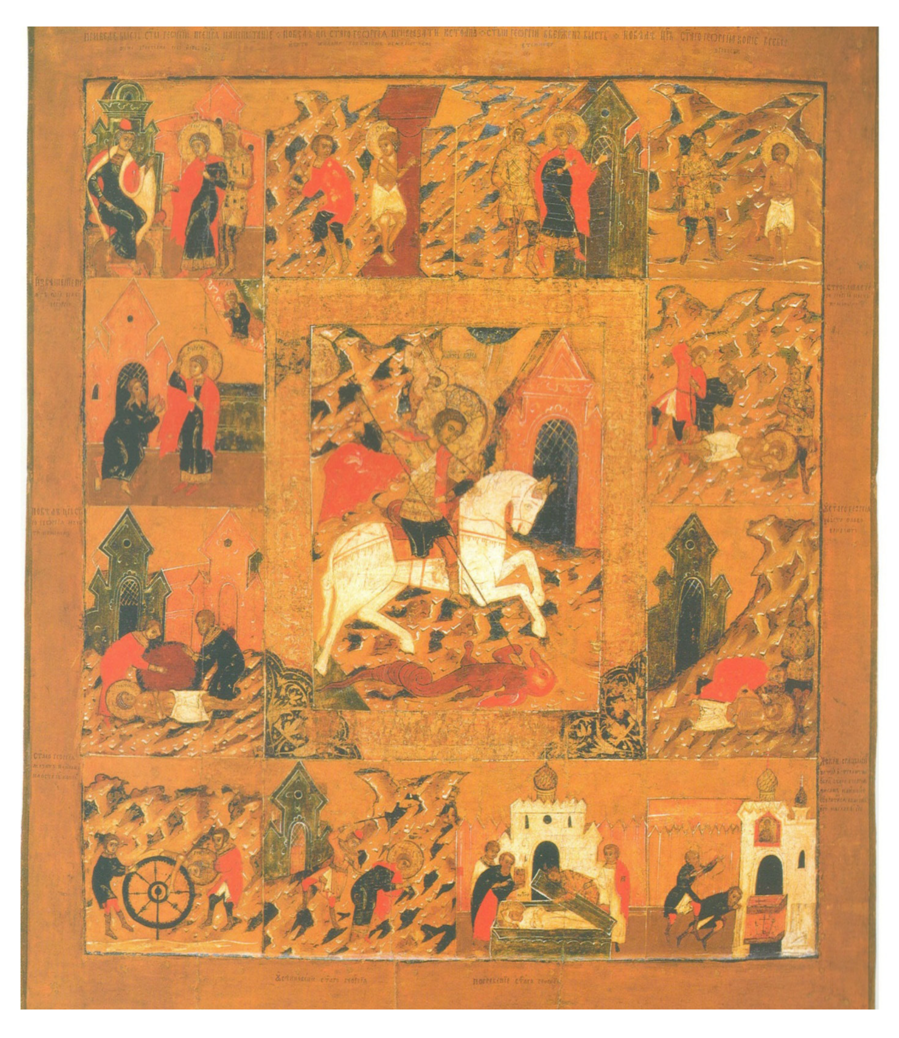

Рис. 4. Икона. Чудо святого Георгия о змие, с житием. Конец XVII – начало XVIII в.

Происхождение иконы «Преподобный Авраамий Галичский» (рис. 5) – часовня села Фоминское Костромского района Костромской области.

Происхождение иконы – часовня села Фоминское Костромского района Костромской области. Преподобный Авраамий Галичский (Чухломский, Городецкий) – ученик Сергия Радонежского, основатель монастырей: Авраамиев Новозаозерский в честь Успения Богородицы, Авраамиева Великая пустынь в честь Положения пояса Богородицы, Авраамиева Верхняя пустынь в честь Собора Богородицы, Авраамиев Городецкий в честь Покрова

Богородицы. Согласно преданию, умер в 1375 году, но, возможно, и позднее, так как в его житии упоминается князь Юрий Дмитриевич, получивший Галичский удел в 1389 году. Местно почитался с 1553 года, официально канонизирован в 1621 году.

Рис. 5. Икона. Преподобный Авраамий Галичский. Начало XVIII в.

Житие было составлено в 1548–1553 годах игуменом Городецкого монастыря Протасием. Согласно житию святого, ему на берегу Галичского озера явилась икона Богоматери Умиление. По просьбе галичского князя он привез икону в Галич. На месте ее явления был построен Авраамиев Новозаозерский монастырь. Ранних изображений святого не сохранилось, поэтому трудно судить о времени появления в его иконографии такой значимой детали, как икона Богородицы в его руках. Сохранившиеся иконы Авраамия XVIII–XIX веках представляют облик святого различно. Главное отличие – форма бороды, которая в начале XVIII века изображалась, как на публикуемой иконе, густой и пышной, не распадающейся на пряди. Позднее борода разделилась на отдельные пряди, выложенные веером. Другая неясность иконографии святого – извод иконы Богородицы в его руках, который менялся с течением времени. На публикуемой иконе изображен образ Умиления типа Владимирской Богоматери. На иконах конца XVIII века это оплечный вариант Владимирской, но зеркальный. Встречаются также и поясные иконы того же извода, но с другим положением левой руки Богоматери. Публикуемый памятник является самым ранним из сохранившихся изображе-ний святого, сомнений в датировке которых не возникает. Очевидно, он отражает тот вариант иконографии Авраамия, который существовал в XVII веке.

Икона «Св. Николай Чудотворец (Зарайский)» (рис. 6) происходит из церкви Введения во храм в Рыбной слободе в Галиче.

Место хранения иконы – Ипатьевский монастырь, Церковный историко-археологический музей Костромской епархии.

Реставрирована Г.Б. Губочкиным в Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в 1976 году.

Образ Николая Чудотворца, получивший наименование Зарайского, является древнейшим типом ростовых изображе-ний святителя.

Свт. Николай Чудотворец изображен в рост в парадном облачении епископа, крестчатой фелони и белом омофоре, с широко разведенными

Рис. 6. Икона. Св. Николай Чудотворец (Зарайский), с житием.
Первая треть XVIII в.

руками. Его отличительной особенностью является поза святителя, представленного с Еван-гелием на покровенной левой руке и с отведенной в сторону благословляющей десницей. В композиции подчеркнута тема литургического служения свт. Николая. Изображение святителя помещено в условно изображенный киот со сводчатым килевидным завершением. Порядок расположения житийных клейм нарушен. Для клейм выбраны сюжеты, акцентирующие святительское служение свт. Николая и его чудесную помощь на водах. Возможно, образ происходит из стоявшего близ Галичского и Чухломского озер Никольского храма или посвященного

святому придела. Двуперстное знамение правой руки святителя намеренно подчеркнуто, что указывает на связь образа со старообрядческой средой. Приведенный тип иконописи известен в Византии, но встречается крайне редко. В русском искусстве он появляется в XIII веке, а распространяется в XIV веку.

Клейма:

1. Рождество свт. Николы.
2. Поставление в епископы.
3. Избавления отрока Димитрия от потопления.
4. Погребение свт. Николы.

Стилистическая справка. По стилю письма икона может быть отнесена к галичской иконописной традиции. По образному звучанию икона близка к резным изображениям Николы, связанным с Галичем (Костромская икона, 2004, с. 580).

Икона «Великомученик Димитрий Солунский» (рис. 7) происходит из церкви Введения во храм в Рыбной слободе в Галиче.

Почитание вмч. Димитрия Солунского было распространено в Галиче и окрестных землях в связи с памятью об исторических событиях XV века. Имя святого носили два князя галичско-звенигородской ветви – Дмитрий Красный и Дмитрий Шемяка, внуки Дмитрия Донского. Житийные иконы святого, где он изображен в среднике в облике мученика, известны с рубежа XV–XVI веков. В первой половине XVI века появляются житийные образы с изображением в среднике Чуда Димитрия Солунского о царе Калояне. Иконографическая справка. В клеймах изображены житие и мученичество св. вмч. Димитрия. Житийные иконы, где этот сюжет используется в качестве средника, встречаются относительно редко.

Клейма:

1. Рождество вмч. Димитрия.
2. Крещение вмч. Димитрия.
3. Царь Максимиан повелевает посадить вмч. Димитрия в темницу.
4. Приведение вмч. Димитрия в темницу.
5. Нестор принимает благословление от вмч. Димитрия.
6. Поединок Нестора с Лием.
7. Царь Максимиан приказывает убить вмч. Димитрия.
8. Мучение и убиение вмч. Димитрия в темнице.
9. Христолюбивые люди находят тело вмч. Димитрия.
10. Христолюбивые люди, собрав кровь вмч. Димитрия, помазывают ею свое чело.
11. Вмч. Димитрий избавляет дев от плена Мамаева.
12. Усекновение главы Нестора.
13. Моление у гроба вмч. Димитрия.
14. Спасение корабельщиков от потопления молитвой иконе вмч. Димитрия.
15. Спасенные мужи молятся вмч. Димитрию у его гроба.
16. Погребение вмч. Димитрия в Солуни.

Рис. 7. Икона. Великомученик Димитрий Солунский, с житием. Галич. Первая четверть XVIII в.

Почитание вмч. Димитрия Солунского было распространено в Галиче и окрестных землях в связи с памятью об исторических событиях XV века. Имя святого носили два князя галичско-звенигородской ветви – Дмитрий Красный и Дмитрий Шемяка, внуки князя Дмитрия Донского. Житийные иконы святого, где он изображен в среднике в облике мученика, известны с рубежа XV–XVI веков. В первой половине XVI века появляются житийные образы с

изображением в среднике Чуда Димитрия Солунского. Житийные иконы, где этот сюжет используется в качестве средника, встречаются относительно редко.

В среднике иконы изображается чудо великомученика Димитрия Солунского, связанное с оказанием помощи осажденным жителям города Фессалоники, самое раннее упоминание о котором сохранилось в Собрании Чудес второй половины XIII в., составленным Иоанном Ставракием, дьяконом храма великомученика Димитрия Солунского.

В Галиче и окрестных землях вмч. Дмитрий Солунский почитался довольно широко.

По стилю письма икона может быть отнесена к галичской иконописной традиции (Костромская икона, 2004, с. 581).

Икона «Великомученица Параскева Пятница» (рис. 8) происходит из деревянной Успенской церкви села Ильинское в Чудце (Галичский р-н Костромской области), в XIX веке замененной на каменную.

Икона происходит из деревянной Успенской церкви села Ильинское в Чудце (Галичский р-н Костромской области), в XIX веке замененной на каменную. Вмч. Параскева Пятница пользовалась особо широким почитанием в Галиче, где находилось её чтимое древнее скульптурное изображение. В среднике святая представлена в традиционной иконографии, но в двойном венце. Подлетающий к ней справа ангел д ержит в руках третий венец. Житийный цикл отличается большой полнотой.

Клейма:

1. Вмч. Параскева Пятница и апостол Андрей.
2. Вмч. Параскева Пятница проповедует христианство народу.
3. Игемон повелевает мучить Параскеву Пятницу.
4. Игемон повелевает заточить Параскеву Пятницу в темницу.
5. Приведение Параскевы Пятницы в темницу.
6. Игемон вновь велит мучить Параскеву Пятницу.
7. Побиение вмч. Параскевы Пятницы воловьими жилами.
8. Мучение железными стругами.
9. Ангел исцеляет Параскеву Пятницу.
10. Вмч. Параскева Пятница низвергает идолов.
11. Жжение Параскевы Пятницы огнем.
12. Игемон приказывает казнить Параскеву Пятницу.
13. Молитва вмч. Параскевы Пятницы.
14. Усекновение главы вмч. Параскевы Пятницы.
15. Погребение вмч. Параскевы Пятницы.
16. Низвержение игемона в бездну.
17. Избавление города от вражеского нашествия.
18. Ангелы извещают Параскеву Пятницу о нашествии вражием.
19. Моление Параскевы Пятницы ко Христу.
20. Ниспослание на врагов камней и огня.

Рис. 8. Икона. Великомученица Параскева Пятница, с житием.
Галич. Начало XVIII в.

В стиле иконы заметно влияние традиций иконописи Костромы. Несколько наивная трактовка образа в среднике и сюжетов в клеймах, плоскостность архитектурных задников, некоторая аппликативность формы, а также происхождение памятника позволяют отнести его к работам мастеров Галича, испытавших влияние традиций иконописи Костромы. По-видимому, икона была вложена в сельский храм состоятельным заказчиком, что объясняет её крупные размеры и подчеркнутую нарядность (Брюсова В.Г., 1982, с. 61; Костромская икона, 2004, с. 573).

Рис. 9. Икона. Ангел-хранитель, со сценами жития праведника и грешника.
Галич. Середина XVIII в.

Происхождение иконы «Ангел-хранитель, со сценами жития праведника и грешника» (рис. 9) неизвестно. По предположению исследователей, происходит из галичского села Прудовка.

Икона не имеет аналогов по развернутости повествования в клеймах. Исследователи считают образ самым ранним из сохранившихся изображений ангела-хранителя в деяниях. В стиле письма иконы сочетаются

крайний архаизм в передаче горок и архитектурных форм с форсированной «живоподобной» манерой письма ликов. Поскольку изображения ангела-хранителя в конце XVIII–XIX вв. встречаются, как правило, на иконах, связанных со старообрядчеством, можно предполагать, что и публикуемый памятник связан со старообрядческой средой. Иконография Троицы Новозаветной в центральном верхнем клейме также свидетельствует в пользу такой интерпретации иконы. Икона не имеет аналогов по развернутости повествования в клеймах. По-видимому, является самым ранним из сохранившихся изображений ангела-хранителя в деяниях.

Поскольку изображения ангела-хранителя в конце XVIII–XIX веке встречаются, как правило, на иконах, связанных со старообрядчеством, можно предполагать, что и публикуемый памятник связан со старообрядческой средой. Иконография Троицы Новозаветной в центральном верхнем клейме также свидетельствует в пользу такой интерпретации иконы. Икона не имеет аналогов по развернутости повествования в клеймах. По-видимому, является самым ранним из сохранившихся изображений ангела-хранителя в деяниях.

Клейма:

1. Ангел-хранитель приводит праведную душу к Престолу Господа Иисуса Христа.
2. Ангел-хранитель приносит к Господу дневные и ночные добрые дела праведника.
3. Троица Новозаветная.
4. Ангел-хранитель плачет за неимением добрых дел человеческих в приношении к Богу.
5. Ангел-хранитель приносит праведную душу в Лоно Авраамово.
6. Ангел-хранитель хранит праведника.
7. Ангел-хранитель хранит трапезу праведных.
8. Ангел-хранитель хранит сон праведника.
9. Ангел-хранитель в печали покидает грешников.
10. Ангел-хранитель принимает душу праведника.
11. Ангел-хранитель поражает душу грешника.
12. Чудо Архистратига Михаила в Хонех.
13. Ангел-хранитель присутствует при царской трапезе.
14. Бес перед сатаной в аду.
15. Бес представляет сатане злые дела грешника.
16. Мучения грешников в аду.

В стиле письма иконы сочетаются крайний архаизм в передаче горок и архитектурных форм с форсированной «живоподобной» манерой письма ликов. Темный оттенок санкиря при контрастных высветлениях характерен для середины XVIII века.

В собрании ЦИАМ хранится также коллекция галичской народной скульптуры.

По словам исследователя данного вида искусства А.К. Чекалова, «народную деревянную скульптуру, в частности северную, можно считать прямой и единственной наследницей древнерусской пластики» (Чекалов, 1974).

В постоянной экспозиции Церковного прикладного искусства ЦИАМ в Ипатьевском монастыре находится интересная коллекция скульптуры и рельефной иконы из Галича.

Древнерусскую скульптуру вырезали из дерева, покрывали левкасом и расписывали темперными красками по аналогии с живописными образами. Древнерусские горельефы предназначались для моления, их называли иконами «на рези» или просто иконами.

Объем трактовался довольно условно, фигуры были столпообразные, уплощенной формы, для моделировки широко использовались живописные средства. Ступни, кисти и предплечья, а также атрибуты в руках, как правило, вырезали отдельно и крепили на деревянных шкантах, из-за чего они часто бывают утраченными. Как правило, подобные статуи находились в киотах. Тыльную сторону статуй оставляли плоской для лучшего соединения с задней стенкой киота, в который они вставлялись. Киоты, именовавшиеся «храмцами», делали с островерхими или килевидными завершениями и глухими боковыми створками на петлях. В экспозиции Церковного историко-археологического музея представлены статуи святителя Николы (Можайского) и великомученицы Параскевы Пятницы конца XVII – начала XVIII века. Одна из них – статуя Николы Можайского, находится в подобном киоте.

По нахождению первой подобной статуи в Никольском соборе г. Можайска он получил наименование Можайский. В XVI веке этот извод стали называть «Никола Ратный» – защитник русских городов. Из-за частых нападений врагов он приобрел особую актуальность и начиная с этого времени получил широкое распространение в резьбе.

Большое количество реплик Николы Можайского изготавливалось в Москве, Новгороде, Пскове, Перми, Галиче, на севере России и в других местах. Местные скульпторы давали произведению собственную трактовку, вкладывая в изображение Николы свое понимание образа: то грозного защитника крепостей, то карающего за прегрешения, то милостивого и мудрого старца. Черты древней монументальной пластики наиболее полно выражены в фигуре Николы Можайского. Это одна из лучших скульптур древнерусской пластики, свидетельствующая о мастерстве галичских резчиков. Фронтальным расположением фигуры с распростертыми руками подчеркивается ее монументальность и особая торжественность. Строгое и спокойное, хорошо моделированное лицо с большим открытым лбом передает образ сосредоточенного мудрого старца. Удачна раскраска лица и одежды Николы.

Очень интересна скульптура Николы в киоте (рис. 10).

Рис. 10. Скульптура. Святитель Николай Чудотворец (Можайский). XVII–XIX вв.

Как и все собрание галичской деревянной скульптуры, эта статуя поражает ярким своеобразием. Иконография скульптуры в киоте «Святитель Николай Чудотворец» (Можайский) XVII–XIX веков. типична для Галича.

Галичским мастером выполнена также одна из двух скульптур св. вмч. Параскевы Пятницы (рис. 11, 12).

Резные изображения вмч. Параскевы были широко распространены в галичских землях в связи с почитанием древней резной иконы святой из Пятницкой церкви в Галиче. Иконографически образ Параскевы Пятницы из Галича в целом восходит к чтимому образу: глава святой покрыта плотно прилегающим убрусом. Редкие особенности – выбившиеся из-под плата пряди волос и акцентированно крупные, не покрытые платом уши.

Руки святой Параскевы, воздеты к небу. Правая рука поднята в двуперстном благословляющем крестном знамении, что связывает изображение со

Рис. 11. Первая скульптура св. вмч. Параскевы Пятницы. XVII в.

Рис. 12. Вторая скульптура вмч. Параскевы Пятницы. XVIII в.

старообрядческой средой. В то же время это жест Оранты, заступницы обездоленных, «нерушимой стены». И эта нерушимость отлично выявлена самой архитектурной логикой построения. В лице Параскевы из Галича, как и в других галичских статуях, есть скорбная печаль, но общий облик фигуры торжествующий и праздничный. Голова святой округлая, лик плоский, фигура обозначена лишь складками одежды.

Утрачен киот и крест в руках святой. Сильно укороченные пропорции фигуры и уплощенное лицо, скупая деталировка позволяют определить скульптуру как работу галичского мастера.

Святая представлена в традиционной иконографии.

Уникальна резная икона «Страшный суд» (рис. 13).

Композиция «Страшного Суда» сложилась в византийском искусстве к XI веку. Книжные миниатюры и храмовые росписи были красочными и изобиловали персонажами и деталями. Тщательно прописанные образы были рассчитаны на внимательное прочтение. На Руси иконы Страшного суда появились очень рано, вскоре после Крещения. В «Повести временных лет» упоминается эпизод об использовании византийским философом изображения Страшного суда для проповеди христианства князю Владимиру, что повлияло на будущее Крещение самого Владимира и Руси.

Появляются также иконы «на рези» – резные иконы.

На выставке прикладного церковного искусства находится резная по дереву икона «Страшный суд».

Икона повторяет в общих чертах ико-нографическую схему, сложившуюся в византийском искусстве в X–XI веках, и вместе с тем содержит ряд новых мотивов, которые получили распространение в русской иконописи начиная с XV–XVI веков.

В верхней части композиции – фигура Бога Отца, восседающего на престоле, окружённого ангелами. Ниже – Господь Иисус Христос – Судия мира, стоящий на голубой сфере – символ мира. Правой рукой он благословляет праведников, в левой держит огненный меч.

Справа и слева – изображение рая: справа – в образе священного града – Горнего Иерусалима с блаженствующими в нём праведниками, слева – композиция «Лоно Авраамово».

Под Горним Иерусалимом – изображение возносящихся в рай схимников.

В центре иконы изображён Престол уготованный (этимасия). На нем раскрытая «Книга жизни», в которую записаны все слова и дела людей. Рядом с Этимасией стоят два ангела.

Справа сцена «Земля и море отдают мертвецов» Одна из композиций изображает человека, выходящего из пасти рыбы.

Ниже, справа и слева, изображены праведные и грешные, восставшие на Суд. В соответствии с иконографической традицией, справа от Христа изображены святые, представленные по чинам, – пророки, святители,

Рис. 13. Икона. Страшный суд. Галич. Вторая половина XVIII в.

мученики, преподобные и др. группы грешников олицетворяют различные народы.

В левой части иконы – ад, геенна огненная. В аду изображён сатана с душой Иуды на коленях. Толпа грешников (в нижней части иконы) низвергается в геенну огненную.

В нижних регистрах два ряда грешников, горящих в адском пламени. Грешники изображены нагими. Их нагота – это нагота Адама, который, согрешив, устыдился своего вида и попытался спрятаться от Бога.

В нижнем правом углу – пасть адского зверя. Утрачена композиция – огненный извивающийся змей с аллегорическими изображениями мытарств, через которые должна пройти человеческая душа, прежде чем она попадет в Царствие Небесное или ад.

Внизу в центре – прикованный к столбу милостивый блудник. Это образ человека, сочетающего в себе добро и зло одновременно, появляется в русской иконописи в XVI–XVII веках. Его образ показывает промежуточное состояние между грешником и праведником, вводя в композицию Страшного суда новую для неё оценку личности, наделённой противоречиями, а также надежду на прощение

Одежды представленных в аду грешников восходят к галичской традиции – мужчины с плотницкими инструментами, женщины в традиционной галичской одежде, что указывает на галичское происхождение памятника (Галичские земли с XVII в. были отходническими: мужское население уходило в города на строительные работы).

Собрание галичских икон и скульптурных изображений («икон на рези») в фондах ЦИАМ представляет самобытную и очень интересную, яркую страницу в истории Костромского искусства XVII–XVIII веков.

Список литературы

Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. М.: Искусство, 1982. 204 с.

Костромская икона XIII–XIX веков. Свод русской иконописи / авт. вступ. ст., сост. каталога Н.И. Комашко, С.С. Каткова. М.: Гранд-Холдинг, 2004. 670 с.

Русский дипломатарий: сборник / Российский государственный архив древних актов, археографический центр. М.: Археографический центр, 1997. Вып. 1. 164 с.

Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 191 с.

Усадьба Быково Галичского района Костромской области: практический опыт восстановления объекта культурного наследия

Покровский Денис Сергеевич,
кандидат политических наук,
член Русского географического общества

В данной статье рассказывается о практическом опыте восстановления объекта культурного наследия – усадьбы Быково Галичского района Костромской области. Читатель познакомится с богатой историей этого памятника ландшафтной архитектуры, который также известен как Быковский сад, с особенностями его парка, усадебной флоры и рельефа. В статье подробно рассматриваются методики реставрации паркового комплекса и поэтапного воссоздания жилой части усадьбы – двух флигелей. Кратко повествуется о семейной истории нынешних обитателей усадьбы и их скромном вкладе в сохранение культурно-исторического наследия костромского Заволжья.

Усадьба Быково, известная также как Быковский сад, – памятник ландшафтной архитектуры XVIII–XIX вв. Парк усадьбы является *объектом культурного наследия* (далее ОКН) *регионального значения* (Постановление губернатора Костромской области от 3 февраля 2005 г. № 38 «Об отнесении находящихся на территории Костромской области объектов, представляющих историко-культурную ценность, к объектам культурного наследия регионального значения»). В ОКН входят: Усадьба Быково. Парк (1-я четв, 2-я пол. XIX в.).

Быково отличается дендрологическим своеобразием, обладает особенностями ландшафтного построения, содержит редкую усадебную флору (рис.16). Степень сохранности усадебного парка хорошая.

В настоящее время усадьба возрождается: в Быково восстанавливается парк, воссоздаются усадебные строения.

Идея восстановления усадьбы

Идея восстановления усадьбы пришла в 2011 году после посещения Галичского района. Возникло желание вернутья на малую Родину и внести посильный вклад в восстановление историко-культурного наследия костромского Заволжья. При содействии Департамента государственного имущества и культурного наследия Костромской области и администрации

Галичского района были оформлены соответствующие документы, охранные обязательства, и на частные средства началось восстановление объекта.

Географическое расположение и рельеф

Усадьба Быково находится на территории Степановской сельской администрации Галичского района, на северной стороне Галичского озера.

Объект расположен на холме с перепадом высот до 18 метров. Северный склон круто спускается к пруду, образованному запрудой на речке Пеме. Южный, западный и восточный склоны более пологие. Вершина холма, на которой в прошлом располагались усадебные строения, была выровнена, с восточной стороны превращена в ровную террасу.

Усадебный парк расположен на пологом юго-восточном склоне с уклоном 15.4 промилле, южная и юго-западная часть холма в настоящее время прорезана современной автомобильной дорогой (Фролова, 2016).

Историческая справка

Первое упоминание сельца Быкова на речке Пеме относится к 1627 году. Усадьбой владели выходцы из Великого Новгорода дворяне Зиновьевы. С 1627 по 1738 годы это имение числится за их семьей (Белоруков, 2000).

В 1738 году Степан Никитич Готовцев, представитель известной в Галичском уезде дворянской ветви, получил в наследство от своей тётки Зиновьевой (урождённой Готовцевой) часть усадьбы. В 1763 году он выкупил остальные доли имения и получил его в полное владение.

Степан Никитич проживал в Быкове постоянно и сделал его центром своих обширных вотчин. После него усадьбу должны были унаследовать его дети Александр, Иван, Василий и Семен. Но трое – Иван, Василий и Семен – погибли во время войн 1807–1809 и 1812 годов и в наследство так и не вступили.

Наследником стал старший сын Александр Степанович Готовцев. Он проходил службу в лейб-гвардии Гренадерском полку, дослужился до чина поручика, вышел в отставку и до конца своих дней проживал в Быково вместе с женой Натальей Васильевной Готовцевой.

Далее усадьба перешла по наследству их сыну Николаю Александровичу Готовцеву. Он вернулся со службы в 1827 году и также поселился в Быково. Известно, что в 1832 году Николай Александрович женился, со временем в браке появилось два сына.

Именно при Николае Готовцеве, ориентировочно в 1830–1840 годах, сложился известный нам усадебный комплекс (Йенсен и др., 2005).

В Архиве древних актов находятся планы Генерального межевания 1771–1876 годов с экономическими примечаниями, где есть информация и о Быкове (рис. 1).

По документу можно составить представление о размерах и хозяйстве усадьбы: «В сельце Быкове, принадлежащем Степану Никитичу Готовцеву,

Рис. 1. Фрагмент плана генерального межевания 1771–1876 гг.

имеется 9 дворов, 52 мужских и 48 женских душ, под усадьбою 1 десятина и 1800 сажень земли, 146 десятин и 267 сажень пашни, 14 десятин и 500 саженей под выпасами, 32 десятины и 500 саженей леса и 3 десятины и 2000 саженей «неудобий», то есть неудобная для использования земля. Готовцевы владели усадьбой до 1861 года (РГАДА. Ф 1355. Оп. 1). После отмены крепостного права бывшие помещики продали её своему управляющему Александру Львовичу Быкову (Магницкий, 1998).

Усадьба стала центром так называемой Быковской волости. Волость была образована в 1861 году после земельной реформы, в её состав вошло 82 населённых пункта.

Последним собственником усадьбы до революции 1917 года являлся некто Константин Александрович Решетников. Быково значилось уже не как усадьба, а как «починок». В начале 1920-х годов Быково реквизировали, а Решетников, по некоторым сведениям, был репрессирован.

В 1930 году в усадьбе создали опытную агрономическую станцию, где выращивали новые сорта зерновых и люпинов. Во время войны в Быкове работала сапоговаляльная артель. Позднее в усадебном доме и флигелях размещались квартиры для членов правления местного колхоза. Господский (основной) дом был разобран и вывезен около 1960 года. Флигели сохранялись дольше, но и они со временем были утрачены. Первым сгорел южный флигель. Северный флигель в 1980-х был продан жителю Галича под дачу. В начале 2000-х это строение опустело и также сгорело (Материалы краеведения) (рис. 2).

Восстановление усадьбы началось в 2014 году.

Шагомерный план и снимок из космоса

Единственным доступным документом при воссоздании жилой части Быкова был опубликованный в книге «Костромская усадьба» шагомерный план, составленный группой авторов в процессе обследования усадеб Костромской области (рис. 3).

Приведу дополняющее план описание: «Усадьба занимала часть открытой ровной территории с понижающимся рельефом в сторону пруда.

Рис. 2. Вид усадьбы Быково с руинированным северным флигелем. Фото Д.Б. Ойнас. 2000 г.

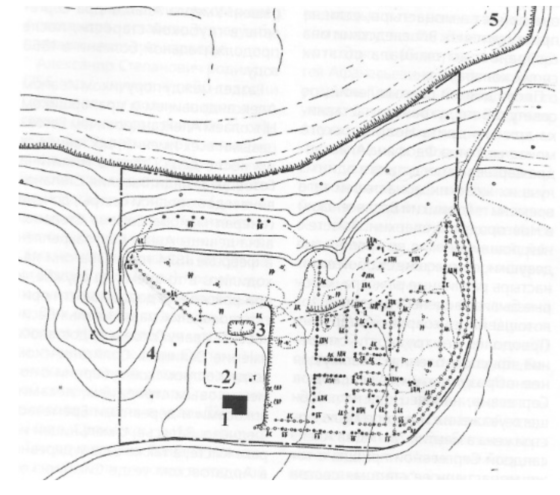

Рис. 3. Шагомерный план (см.: Йенсен и др., 2005): 1 – место северного флигеля, 2 – место главного дома, 3 – место южного флигеля, 4 – хозяйственная территория, 5 – пруд.

На самом возвышенном месте находился усадебный комплекс с главным домом и двумя симметрично построенными флигелями, которые составляли композиционное ядро усадьбы. Они образовывали П-образный парадный двор, развернутый в сторону парка.

Парк в основе своей имел крестовую аллею с периметральной обсадкой и образовывал четыре боскета. Первоначально он, видимо, состоял только из липы мелколистной. Территория парка от объездной дороги отделялась плотной двухрядной посадкой акации. Акаци-ей также были подбиты кромки аллей. С востока в пространстве между крестовой аллеей и дугой объездной дороги также были сформированы боскеты, выполненные рядовыми посадками декоративных кустарников.

Рис. 4. Территория усадьбы. 2012 г.

В последней четверти XIX века была сделана попытка разрушить строгую регулярность парка. В парке появились: береза бородавчатая, тополь бальзамический, пихта сибирская, ель обыкновенная. Пространство боскетов получило насыщение из свободно посаженных (одиночно или группами) деревьев. Центральная аллея в восточной части парка была сужена и выполнена из акаций, а параллельно ей пространство прилегающих боскетов было прорезано двумя вспомогательными акациевыми аллеями» (Йенсен и др., 2005).

Так выглядела территория усадьбы на снимке из космоса до начала строительства в 2012 году (рис. 4).

Она состоит из двух основных частей:

№ 1. Верхняя терраса, на которой в данное время расположены жилые строения.

№ 2. Зона регулярного парка.

Воссоздание жилой части усадьбы

Восстановление усадебного комплекса «Быково» предполагало реставрацию паркового комплекса (рис. 5) и поэтапное воссоздание жилой части усадьбы – двух флигелей (рис. 6), господского дома и хозяйственных построек.

Проект воссоздания жилой части усадьбы выполнен архитектором-реставратором В.А. Жиляковым. Архитектурный проект предполагал строительство в стиле «русского деревянного барокко». Научная реставрация не представлялась возможной, поскольку прежние постройки были утрачены, проектные документы старого здания и фотографии отсутствовали. Фотографию северного флигеля удалось найти лишь в 2019 году.

Строительные работы выполнялись местными мастерами. При воссоздании усадебных флигелей применялись традиционные технологии и использовались

Рис. 5. Вид на окрестности с места утраченной усадьбы. 2012 год

строительные материалы, характерные для данного региона в XIX веке: брёвна, обработанные вручную, красный мох («кукушкин лён»), фальцевое железо, деревянная кровельная дранка дранка (рис.7-11), булыжный камень и т. д.

На верхней террасе были восстановлены флигели, стилизованные под постройки XIX века (рис. 12).

Реставрация паркового комплекса

Проект реставрации усадебного парка выполнен ландшафтным архитектором В.А. Леоновой и студентками Московского государственного университета леса (в настоящее время – Мытищинский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана) А.В. Фроловой и А.А. Калениковой.

При реставрации был учтен режим использования объекта: территория является объектом культурного наследия, взята в долгосрочную аренду, оформлены охранные обязательства. Также было принято во внимание, что парк и прилегающая территория используются местными жителями для рекреации.

Рис. 6. Вид на флигели и центральную аллею парка с места «господского» дома. 2015 год

Рис. 7. Осиновая дранка

Рис. 8. Порядок укладки дранки

Рис. 9. Северный флигель «в лесах» для укладки дранки на крышу

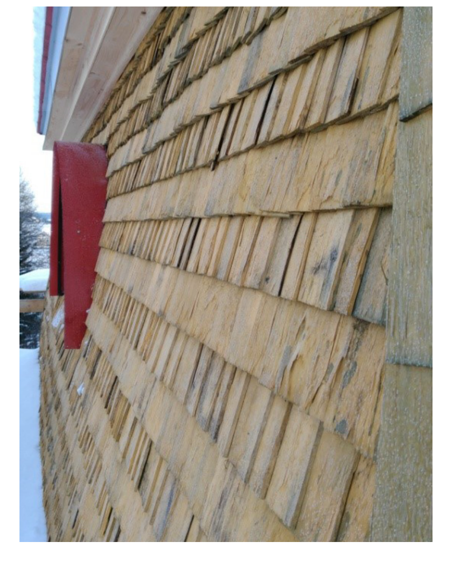

Рис. 10. Дранка, уложенная на крышу

Рис. 11. «Подшивка» углового соединения крыши

Рис. 12. Вид на флигели и центральную аллею парка. 2019 год

Рис. 13. Территория усадьбы. 2012 г.

Прежде всего, было необходимо провести анализ существующей пространственной структуры парка, а также выяснить композицию и сохранившийся ассортимент древесно-кустарниковых насаждений регулярной части парка. На основе этих данных сформирован историко-опорный план, проект новых насаждений, сформулированы рекомендации по сохранению и дальнейшей эксплуатации парка.

Параллельно были начаты работы по очистке территории усадьбы от борщевика Сосновского (регулярное выкашивание, применение гербицидов), бытового мусора и сорного подроста.

Для оценки состояния насаждений провели *подеревную инвентаризацию*.

По её итогам было обследовано 415 деревьев, из которых в удовлетворительном состоянии находятся 88,7 % и 11,3 % – в неудовлетворительном (табл. 1).

Таблица 1

Анализ состояния насаждений

№	*Категория состояния*	*Количество, в шт.*	*Количество, в %*
1	Хорошее	0	0
2	Удовлетворительное	368	88,7
3	Неудовлетворительное	47	11,3
	Итого:	415	100

Также был исследован ассортимент насаждений усадебного парка. Из таблицы 2 видно, что основной ассортимент представлен здесь следующими видами: липа мелколистная – 46,3 %, черемуха обыкновенная – 15,2 % и осина – 14,2 % (итого: 75 %). К дополнительному ассортименту относятся 5 видов: клён, ель, рябина, береза, тополь.

Таблица 2

Ассортимент деревьев

Вид	*Количество, в шт.*	*Количество, в %*
Липа мелколистная	192	46,3
Черемуха обыкновенная	63	15,2
Тополь дрожащий (осина)	59	14,2
Клен остролистный	41	9,9
Ель обыкновенная	23	5,5
Рябина обыкновенная	9	2,2
Береза повислая	7	1,7
Тополь бальзамический	3	0,7
Пень	18	4,3
Итого:	415	100

Основной ассортимент кустарников в парке представлен следующими ви-дами: рябинник рябинолистный – 84,4 %, карагана древовидная – 11,4 % и спирея дубравколистная – 3,7 % (табл. 3).

Таблица 3

Ассортимент кустарников

Вид	Количество, в шт.	Количество, в %
Рябинник рябинолистный	1714	84,4
Карагана древовидная	232	11,4
Спирея дубравколистная	76	3,7
Сирень обыкновенная	3	0,2
Калина обыкновенная	7	0,3
Итого:	2032	100

На основе анализа сохранности исследуемых компонентов регулярного парка и проведенных изысканий можно сделать вывод об относительно хорошей со-хранности этого объекта культурного наследия.

В регулярной части парка наиболее полно сохранились два липовых боскета (ближе к жилому комплексу) (рис. 14), крестовая аллея, а также периметральная двухрядная живая изгородь из акации желтой.

Пространство кустарниковых боскетов сильно заросло. Их структура нуждается в дополнительном исследовании.

Рис. 14. Вид на центральные боскеты парка. 2019 год

Историко-опорный план

Специалистами был подготовлен историко-опорный план на основе отдельных этапов существования парка. Таковых было три. Первый – закладка парка в 1830–40-е годы. Второй – конец XIX века. Третий – советское время.

На основе соответствующих эволюционных этапов был составлен историко-опорный план регулярной части парка (рис. 15). Он включает в себя посадки первых двух этапов как представляющих большую историческую ценность.

Возможное использование усадьбы Быково

Комплекс реставрационных и строительных работ позволил использовать объект не только для частного проживания.

Посещение Быкова может стать частью туристического маршрута – планируемой «Тропы» вокруг Галичского озера.

Со временем в усадьбе появится дополнительная инфраструктура для приёма туристических групп. В качестве времяпрепровождения можно будет

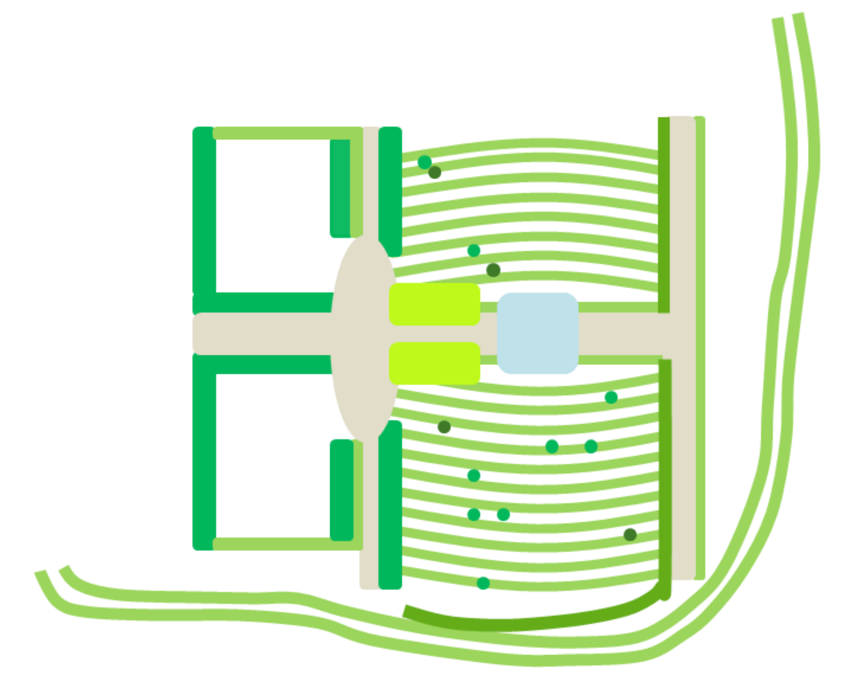

Рис. 15. Вид на центральные боскеты парка. 2019 год

организовать следующие мероприятия: чаепитие из «трактирного» самовара с выпечкой, экскурсию по парку, реконструировать старинные уличные забавы – городки, крокет, «гигантские шаги», многоместные качели. В Быково появится возможность проведения районных фестивалей и сельских праздников.

Усадьба уже используется в качестве инфраструктурной базы для нужд костромского отделения Русского географического общества и Костромской археологической экспедиции с целью изучения края.

Рис. 15. Лилия мартагон – «краснокнижный» представитель старинной усадебной флоры. 2019 год

Заключение

По данным краеведов и историков, в XVIII–XIX веках на террито-

рии Галичского уезда насчитывалось до 300 дворянских усадеб. Все они были утрачены в XX веке. До нашего времени дошли лишь немногие уцелевшие усадебные парки, но и они постепенно зарастают лесом, вырубаются и исчезают по естественным причинам.

Вместе с ними уходит ландшафтно-парковая культура региона, сокращается видовое биологическое разнообразие, исчезают видимые формы исторического наследия костромской земли.

Наша задача состоит в бережном сохранении этого наследия, его популяризации и развитии.

Список литературы

Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. Кострома: Эврика-М, 2000, 536 с.

Йенсен Т.В., Кондратьева И.Ю., Ойнас Д.Б., Сорокин А.И. Костромская усадьба. М.: Издательский дом «Линия График», 2005. 598 с.

Магницкий В. Отчет об обследованных усадьбах Галичского уезда // Костромская старина. 1998. № 11–12.

Материалы краеведения [Текст] / подгот. жителями деревни Степаново Галичского района, расположенной рядом с деревней Быково [хранятся в архиве усадьбы Быково].

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф 1355. Оп. 1.

Фролова А.В. «Мероприятия по реконструкции регулярного парка усадьбы «Быково»: выпускная квалификационная работа / Московский государственный университет леса. М., 2016.

Галичский уезд Костромской губернии в начале XX века (историко-культурный аспект)

Сулоев Иван Николаевич,
ст. науч. сотр. отдела хранения и изучения музейных коллекций
ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», кандидат исторических наук

В настоящей статье ставится задача рассмотрения историко-культурных связей Галичского уезда Костромской губернии в начале XX столетия. В ходе исследования были проанализированы занятия жителей Галичского уезда прошлого века; изучены названия храмов и приделов; выявлены религиозные связи с соседними регионами.

В начале XX столетия жители Галичского уезда активно занимались отхожими промыслами, что вело к взаимовлиянию регионов. В уезде было 110 церквей. Большинство храмов было посвящено святителю Николаю Чудотворцу и Богородице, что связано с постоянным перемещением мужского населения в столичные города на заработки. Среди святых, в честь которых освящены приделы храмов, имеются почитаемые в соседних северных и северо-западных губерниях святые. Жители почитали всероссийскую святыню Казанскую икону, и как региональную – Тихвинскую икону Божьей Матери, обращение к Феодоровской иконе Божьей Матери приходит позднее.

В собрании Костромского музея-заповедника имеются объемные, резные изображения святителя Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы, что подтверждает культурные связи с северными и северо-западными областями.

В состав Российской империи в начале прошлого века входило 78 губерний, 21 область и 2 самостоятельных округа. Численность населения Костромской губернии в начале XX века составляла 1 387 015 человек, из них 623 103 мужчин и 763 912 женщин. На долю сельского населения приходилось 93,2 % (Первая всеобщая перепись населения, 1903, с. 6). Костромская губерния вытянута с востока на запад, и разнообразные природно-климатические условия привели в целом к формированию различных историко-культурных районов.

В настоящей статье ставится задача исследования историко-культурных связей Галичского уезда Костромской губернии в начале XX столетия.

Галичский уезд располагался на северо-западе Костромской губернии и граничил: на западе – с Вологодской и Ярославской губернией, на севере – с

Чухломским, на юге – с Костромским и на востоке – с Макарьевским уездом. Тем не менее природно-климатические и социально-экономические условия формировали свои невидимые границы, которые ещё предстоит выявить.

В конце XIX века в уезде проживало 107 609 человек, из них мужчин 46 253 (43 %), женщин – 61 356 (57 %) (Первая всеобщая перепись, 1903, с. 1). Грамотность в узде составляла – 27,9 %, в Ветлужском – 15,2 %, Чухломском уезде– 33,9 % (Первая всеобщая перепись, 1903, с. VI). Из всего числа населения в уезде временно пребывало 2 655 мужского пола и 1 185 (Первая всеобщая перепись, 1903, с. 5). Часть сельского населения уходила на заработки в столичные города – Москву, Петербург, а также в соседние губернии, возвращаясь домой на время весенних или осенних земледельческих работ. Это в свою очередь вело к историко-культурному взаимовлиянию. Из-за ухода мужчин в отход в уезде «бросалось в глаза поразительное численное преобладание женщин над мужчинами». Современники замечали: «…мы находимся в мифологическом царстве амазонок, которые встречаются здесь многое множество» (Жбанков, 1891, с. 1). В Галичском уезде заметно было преобладание женщин над мужчинами.

В начале прошлого века в уезде было 1 479 населённых пунктов, из них деревень, сёл, починков – 1 234, прочих – 245. Уезд состоял из 22 волостей, одного удела и казны. Всех больше населённых пунктов было в Вознесенской – 99, Яхнобольской – 96, Котельской волости– 91. Всех меньше – в Фоминском уделе – 14, Даниловском – 17 (Список населённых мест 1907 г., 1908, с. XII). Вознесенская волость располагалась на берегу озера, Яхнобольская и Котельская – у границы с Ярославской губернией. Плотность населения в уезде была неравномерной, что вело к перенаселённости ряда волостей.

Население принадлежало к различным религиозным течениям: православных с единоверцами было 107 225 человек, в городе – 6 163. Старообрядцев – 116 и 1 соответственно. Римско-католики – 14/9, протестанты – 195/11, магометане – 5, иудеи – 54/53 (Первая всеобщая перепись, 1903, с. 3). Большинство населения уезда было православным, тем не менее в уезде проживали и представители других конфессий, из которых преобладали старообрядцы.

В связи с преобладанием православного населения в изучаемом регионе насчитывалось 110 церквей, из них 11 деревянных (Церкви Костромской епархии, 1909, с. 95–112). На каждый храм приходилось примерно по 974 жителя. Религиозную специфику уезда отражает освящение храмов в честь того или иного святого или праздника:

Таблица 1

Храмы Галичского уезда*

№ п/п	*Храм*	*Кол-во*
1.	Архангел Михаил	3
2.	Воскресения Христова	11 (10 %)
3.	Богоявления Господня	3
4.	Святителя Николая Чудотворца	15 (14 %)
5.	Святые Косма и Демиан	1
6.	Собор Пресвятой Богородицы	3
7.	Илья Пророк	3
8.	Сретения Господня	1
9.	Преображения Господня	6
10.	Троица	12 (11 %)
11.	Апостол Иоанн Богослов	3
12.	Благовещение	5
13.	Рождество Богородицы	6
14.	Успение Богородицы	5
15.	Введение Пресвятой Богородицы в храм	6
16.	Покров Богородицы	5
17.	Святая Варвара Илиопольская	1
18.	Вознесения Христово	3
19.	Богоотцы Иоаким и Анна	1
20.	Рождество Христово	4
21.	Спасителя	1
22.	Пресвятой Богородицы	1
23.	Неизвестно	1
24.	Преподобный Александр Свирский	1
25.	Апостолы Пётр и Павел	1
26.	Святитель Афанасий Великий	1
27.	Смоленской иконы Божьей Матери	1
28.	Равноапостольные Царей Константина и Елены	1
29.	Святитель Василий Великий	1
30.	Казанской иконы Божьей Матери	2
31.	Икона «Живоносный источник»	1
32.	Параскевы Пятницы	1
	Итого:	110

* *Примечание.* См.: Церкви Костромской епархии. 1909. С. 89–112.

Большинство храмов посвящено Николаю Чудотворцу. Святитель Николай Чудотворец почитается как покровитель путников, путешественников. Иностранцы замечали, что «русские воздают Николаю Чудотворцу едва ли не божеское поклонение» (Святитель Николай Чудотворец, 2011, с. 1). Галичские мастера, ремесленники уходили в отход, что вело к постоянному обращению к святому за помощью. После Николая Чудотворца следуют

праздники – Воскресение Христово и Троица. Пасха и Троица – важнейшие православные праздники, связанные и с земледельческим циклом. Среди названий можно выделить церкви, освящённые в честь Богородицы: Собор Пресвятой Богородицы (1), Благовещение (5), Рождество Богородицы (6), Успение Пресвятой Богородицы (5), Введение Пресвятой Богородицы в храм (6), Покров Богородицы (5), Пресвятой Богородицы (1), Смоленской иконы Божьей Матери (1). Всего таких храмов – 33 (30 %). Богородица традиционно считается покровительницей и заступницей русской земли.

При каждом храме существуют приделы, освящённые в честь того или иного святого, праздника, иконы, события.

Таблица 2

Приделы храмов Галичского уезда*

№ п/п	*Придел*	*Кол-во*
1.	Архангел Михаил	8
2.	Богоявления	2
3.	Апостолы Пётр и Павел	3
4.	Рождество Пресвятой Богородицы	5
5.	Святитель Николай Чудотворец	57 (27 %)
6.	Преподобный Макарий Унженский	9 (4 %)
7.	Святые Косма и Демиан	2
8.	Феодоровской иконы Божьей Матери	4
9.	Успение Пресвятой Богородицы	5
10.	Илья Пророк	8
11.	Мученики Флор и Лавр	5
12.	Введение Пресвятой Богородицы в храм	2
13.	Покров Пресвятой Богородицы	5
14.	Великомученица Параскева Пятница	1
15.	Великомученица Варвара Илиопольская	3
16.	Воскресение Господне	2
17.	Сретение Господне	2
18.	Мученик Трифон Апамейский	1
19.	Казанская икона Божьей Матери	9
20.	Благовещение	6
21.	Троица	5
22.	Великомученик Георгий Победоносец	4
23.	Великомученик Дмитрий Солунский	6
24.	Святитель Дмитрий Ростовский	5
25.	Святитель Иона Московский	1
26.	Преподобный Феодосий Тотемский	2
27.	Иоанна Предтечи	4
28.	Вознесения Господня	2
29.	Святой Иоанн Воин	2
30.	Рождество Христово	4
31.	Святитель Иоанн Златоуст	2
32.	Мученики Кирик и Иулитта	1
33.	Сошествие Святого Духа	1
34.	Преподобный Сергий Радонежский	5
35.	Чудотворец Александр Невский	1
36.	Апостол Иоанн Богослов	1
37.	Икона Богоматерь Знамение	3
38.	Тихвинская икона Божьей Матери	1
39.	Смоленской иконы Божьей Матери	4
40.	Преподобный Савва Сторожевский (Звенигородский)	1
41.	Богоотцы Иоаким и Анна	1
42.	Мученики-страстотерпцы Борис и Глеб	1
43.	Спас Нерукотворный	1
44.	Грузинская икона Божьей Матери	1
45.	Владимирская икона Божьей Матери	4
46.	Святитель Схиархиепископ Иоанн	1
47.	Преподобный Александр Свирский	1
48.	Преподобный Пафнутий Боровской	1
49.	Мученики Андриан и Наталия	1
50.	Преподобный Авраамий Городецкий, Галичский	1
51.	В память Обновления Иерусалимского храма	1
52.	Священномученик Антип Пергамский	1
53.	Преподобный Михаил Малеин	1
54.	Преподобный Кирилл Новоезерский	1

55.	Блаженный Василий Блаженный, Московский Чудотворец	1
56.	Вход Господа в Иерусалим	1
57.	Икона Божьей Матери всех скорбящих радости	1
58.	Три Святителя (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст)	1
59.	Московские святители	1
60.	Преподобные Засим и Савватий Соловецкие	1
	Итого:	217

* *Примечание.* См.: Церкви Костромской епархии. 1909. С. 89–112.

Значительная часть пределов, как и храмы, освящены в честь Николая Чудотворца как путевого святого. Вслед за Святителем Николаем стоит выделить следующие группы святых.

Общероссийские святые: преподобный Макарий Унженский (9), святитель Дмитрий Ростовский (5), святитель Иона Московский (1), преподобный Феодосий Тотемский (2), преподобный Сергий Радонежский (5), чудотворец Александр Невский (1), преподобный Савва Сторожевский (Звенигородский) (1), мученики-страстотерпцы Борис и Глеб (1), святитель Схиархиепископ Иоанн (1), преподобный Александр Свирский (1), преподобный Пафнутий Боровской (1), преподобный Авраамий Городецкий, Галичский (1), преподобный Кирилл Новоезерский (1), блаженный Василий Блаженный, Московский Чудотворец (1), преподобные Зосим и Савватий Соловецкие (1), Московские святители (1). Всего 32 придела.

В этой группе представлены уроженцы Костромской губернии или те, кто основывал монастыри на территории края: преподобный Макарий Унженский, святитель Иона Московский, преподобный Авраамий Городецкий, Галичский, преподобный Кирилл Новоезерский. При этом Кирилл Новоезерский вёл подвижническую деятельность в Вологодской губернии и является основателем Кирилло-Новоезерского монастыря. Преподобный Макарий Унженский – основатель Макариево-Унжеского мужского монастыря. Данные святые вели свою подвижническую деятельность в северо-западной и восточной части Костромского края в XV–XVI вв.

Здесь стоит выделить группу святых соседних областей: преподобные Феодосий Тотемский родился в начале XVI века в г. Вологде и является основателем Тотемского мужского монастыря. Святитель Дмитрий Ростовский (1651–1709 гг.) – митрополит Ростовский и Ярославский. Преподобные Зосим и Савватий Соловецкие, жившие в конце XIV – первой половине XV вв., являются основателями Соловецкого монастыря. Иконы

с данными святыми в Костромском крае встречаются. В Костромском музее-заповеднике хранится икона середины XVII в. «Святитель Филипп митрополит Московский, преподобные Зосима и Савватий Соловецкие Чудотворцы» (Иконы XV–XVII веков, 2013, с. 104). Существование приделов в честь данных святых и их почитание свидетельствует о культурных и религиозных связях с северо-западными губерниями и с соседними уездами. В то же время среди приделов отсутствуют святые, почитаемые в Костромском, Буйском уездах.

Отдельную группу составляют приделы, посвящённые Богородице или Богородничным иконам: Рождество Пресвятой Богородицы (5), Феодоровской иконы Божьей Матери (4), Успение Пресвятой Богородицы (5), Введение Пресвятой Богородицы в храм (2), Покров Пресвятой Богородицы (5), Казанская икона Божьей Матери (9), Благовещение (6), Икона Богоматерь Знамение (3), Тихвинская икона Божьей Матери (1), Смоленской иконы Божьей Матери (4), Грузинская икона Божьей Матери (1), Владимирская икона Божьей Матери (4), Икона Божьей Матери всех скорбящих радости (1). Всего 50 приделов. Крестьяне обращались к Богородице как заступнице. Причём из всех икон преобладала Феодоровская как покровительница Костромской губернии.

Сведения о религиозном мировоззрении жителей уезда дополняют данные князя В.Н. Тенишева, который в своей работе отмечает, что в Галичском уезде «из ликов святых особым почитанием пользуются: Святитель Николай Мирликийский, Пророк Илия, Великомученик Георгий, Великомученица Екатерина, Анастасия (у женщин, особенно как помощница в родах) и Варвара» (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы, 2004, с. 237). В крестьянских домах имеются иконы: «Спасителя, Богоматерь разных явлений, но преимущественно Казанская и Тихвинская, а с недавнего времени и Фёдоровская как покровительница губернии; из образов святых – Николай Чудотворец» (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы, 2004, с. 237). Следовательно, крестьяне издревле почитали Казанскую и Тихвинскую икону и уже позднее – Феодоровскую. Обращение к Тихвинской иконе связано тесными связями с северными губерниями. О почитании Казанской иконы Божьей Матери свидетельствует и то, что один из старинных храмов уезда был освящён в честь Казанской иконы Божьей Матери. Храм возвели в 1721 году в с. Соцевино Галичского уезда (Церкви Костромской епархии, 1909, с. 107) и, по мнению исследователей, «церковь принадлежала к наиболее древнему и широко распространённому типу деревянных храмов – клетскому. Рубленный из брёвен храм был построен в 1721 году на месте более раннего, известного с 1651 года» (Рудченко, Щеболева, 2008, с. 126). Почитание Казанской иконы Божьей Матери происходило как именно всероссийской святыни.

Храмы и приделы свидетельствуют, что, несмотря на значительное количество праздников и святых, жители уезда обращались за помощью к святителю Николаю и Богородице. Это связано, с одной стороны, с развитием

отходничества, а с другой – с преобладанием женщин в уезде. Обращение за помощью к Богородице принимало различные формы: от иконы к празднику. При этом в отдельных волостях почитался свой святой-заступник.

Некоторые жители Галичского уезда посещали «места святых Киевских и Соловецких угодников». Многие крестьяне «ходят на поклонение мощам и чтимым иконам в ближайшие местности, как-то: в Тотьму Вологодской губернии, большею частью на день памяти Феодосия на 28 января. В Чухлому, в Авраамиев монастырь – 1 октября…» (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы, 2004, с. 237). Жители деревень почитали Соловецких и Киевских святых и обращались к ним за помощью. Посещение соседних монастырей вело к почитанию данных святых в уездах.

Почитание Николая Чудотворца отразилось в распространении объёмных изображений святого. В собрании Костромского музея-заповедника находятся ряд деревянных скульптур Святителя Николая Чудотворца (Можайского) (Сокровища Костромы, 2013, с. 174–176). Об особой любви к Святителю свидетельствует наличие в коллекции Костромского музея-заповедника ризы со скульптуры святителя Николая Чудотворца (Можайского) (Костромской музей-заповедник. КОК 17578/14/2). Все резные иконы выполнены из дерева в XVIII веке.

Галичский уезд располагался на северо-западе Костромской губернии. Отходничество, торговля, паломнические поездки к святыням вели к культурным и религиозным заимствованиям. В уезде насчитывалось 110 церквей. Большинство храмов было посвящено святителю Николаю Чудотворцу и Богородице. Обращение к святителю Николаю Чудотворцу связано с постоянным перемещением мужского населения в столичные города на заработки. Приделы храмов были освящены в честь святых, почитаемых в соседних северо-западных губерниях. Среди икон самой почитаемой являлась Казанская икона Божьей Матери, из местных – Тихвинская икона Божьей Матери, а позже – Феодоровская икона Божьей Матери. Историко-культурные связи с северными и северо-западными губерниями подтверждаются и развитием в уезде объемных изображений святых.

Несмотря на административную интеграцию уезда в состав Костромской губернии, Галичский край исторически и культурно тяготел к северо-западным губерниям.

Список литературы

Жбанков Д.Н. «Бабья сторона»: статистико-этнографический очерк. Кострома: В Губернской тип., 1891. 187 с.

Костромской музей-заповедник // КОК 17578/14/2.

Иконы XV–XVII веков в собрании Костромского музея-заповедника: каталог / сост. С.С. Каткова и Л.М. Москалёва. Кострома: Костромаиздат, 2013. 180 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Костромская губерния. СПб.: Издание центрального статистического комитета МВД, 1903. 264 с.

Рудченко В.М., Щеболева Е.Г. Галичская земля в старых фотографиях. Кострома, 2008. 158 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1.: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Делова полигафия, 2004. 568 с.

Святитель Николай Чудотворец. Иконы XVI–XIX веков из собрания Ярославского художественного музея: каталог выставки. Ярославль, 2011. 24 с.

Сокровища Костромы: Из собрания Церковно-археологического музея Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря и Костромского музея-заповедника. Кострома: SIA «Preses nams Baltic», 2013. 264 с.

Список населённых мест Костромской губернии: (по сведениям 1907 года). Кострома: Тип. Т.П. Андрониковой, 1908. 385 с.

Церкви Костромской епархии: По данным архива Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1909. 242 с.

Особенности говора Ореховского сельского поселения Галичского района Костромской области

Петрова Ольга Владимировна,
ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», студент
Чудецкий Антон Игоревич,
филиал ФБУ ВНИИЛМ «Центрально-европейская лесная опытная станция», ведущий инженер, член Костромского областного отделения Русского географического общества

В статье рассмотрены характерные черты говора Ореховского сельского поселения Галичского района Костромской области. Актуальной задачей при изучении русского языка является исследование диалектов различных регионов в связи с уменьшением численности населения среди носителей культуры той или иной местности. Исследования проведены на примере текста, записанного в деревне Берёзово в рамках экспедиции 2019 года. В результате анализа полевых материалов с учетом имеющихся сравнительных источников выявлены фонетические, грамматические и лексические особенности диалектов исследуемой местности. Записанный диалектный текст отражает некоторые основные особенности говоров северо-восточной части Костромской области. Материалы исследований могут быть использованы при дальнейшем изучении диалектов региона, в частности при составлении словарей и на занятиях по русскому языку и краеведению.

На сегодняшний день актуальной задачей при изучении русского языка является исследование диалектов различных регионов в связи с уменьшением численности населения среди носителей культуры той или иной местности. Диалектные особенности уходят из зоны видимости вследствие влияния литературного языка и повышения грамотности населения. Основными информантами обычно выступают пожилые люди, через беседу с которыми можно выявить достаточный материал для наблюдения диалектных черт, сохраняющихся в говоре в настоящее время.

Основной единицей территориальных диалектов является говор – язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении. Наиболее крупными объединениями говоров являются наречия. В русском языке выделяются два наречия: северное и южное, между которыми лежит полоса среднерусских говоров (Русская диалектология, 1989,

с. 7). В свою очередь, говоры Костромской области по основным языковым чертам можно разделить на три группы: юго-западные, северо-западные (в районе междуречья Костромы и Унжи) и восточные. В юго-западных говорах преобладают черты говоров центрального типа, в восточных – говоров периферийного типа, а в северо-западных – примерно в равной пропорции находятся признаки центральных и периферийных говоров (Ганцовская, 2018, с. 14–15). Согласно исследованиям Н.С. Ганцовской (2000, с. 65), говоры Галичского района в основной своей массе – «окающие» (кроме «акающих» и «якающих» говоров северного треугольника Муравьище – Ладыгино – Березовец, примыкающих к чухломскому «акающему» острову, и широкой полосы «окающе-акающих» говоров в районе Селехово – Щербинино – Орехово) и во многом сохраняют архаические черты речи славян, выходцев из новгородских и ростово-суздальских земель. В словарном составе «акающие» галичские говоры также имеют северновеликорусскую основу.

В данной статье нами рассмотрены особенности говора деревни Берёзово Ореховского сельского поселения Галичского района Костромской области. На сегодняшний день в состав сельского поселения входит 86 населённых пунктов, среди которых 8 сёл, 4 посёлка, 73 деревни и 1 погост, включая присоединённые в 2010 г. населённые пункты ликвидированных Костомского и Унорожского сельских поселений (Закон Костромской области…, 2004; 2010). Деревня Берёзово расположена на берегу р. Вёкса, вытекающей из Галичского озера, неподалёку от одноимённого посёлка Вёкса, расположенного на главном ходе Транссибирской железнодорожной магистрали. По сведениям Списков населенных мест, в 1872 г. деревня относилась к 1-му стану Галичского уезда Костромской губернии, а в первые годы XX века – к Котельской волости Галичского уезда. Среди основных занятий жителей здесь, помимо земледелия, была работа малярами и извозчиками (Списки населенных мест…, 1877, с. 135; Списки населенных мест…, 1908, с. 88).

В рамках экспедиции, проведённой летом 2019 года, нами был записан диалектный текст, послуживший в качестве материала исследования.

* * *

Ну, заходи, красавик. Не голодные? Как у мамы моёй, глаза опять не видят. Плохое зрение, не вижу вот этим глазом. Содись, содись давай. Белить будешь? Ну, по-нашему, молоком. Может, булку с маслом? Ну, по пирожку давайте. Бери песок, бери конфетки, бери, ангел мой.

Бабушка-то была – золото, я её поминаю, всё время поминаю. Обратно когда зайдёте, я помидорчиков вам накладу. Витя выростил у нас в огородце, мы-то никуды не ходим. У нас картошка почернела, не кабачков, не тыквы, вот такие тыквины валяются, вся ботва почернела, и картошку прихватило, ангел. Мама-то такая, на свете было никого, такого не было,

всех принимала. Если я пройду мимо, да не зайду к нёй, выбежит на крыльцо и кричит: «Ну, што ты не заходишь?» Приду, у ней всё время заходили.

Давай медку, я не видела, кушали ли, нет ли. У нас нончё гости, Витины братья приезжали, два брата, тридцать лет не были у отца на могиле, семь человек приехало, а после них Илья приехал. Был женатый, женился. Он в пьянку, она в гулянку. Тоже приежжала, Таня-то, на три денька вырвалося.

А мне ведь восемьдесят восемь, восемьдесят девятой! Я труженик тыла, сорок четыре годика отработала в родном колхозе, никуда не бегала.

Из колхоза выгоняли и опять зовут в колхоз,
Приходи-ка, Николаевна, наваливать навоз!

Раньше пели песню. Приходите к нам, вот три койки. Печку истопим, теплотишша. У нас ишшё место на сеновале есть. Опять насолили грибов, Витя натоскал, да медведем запугали. На сеновал поди-ко! Теперь сена-то нету, всё корова съела, а здесь уже светёлка.

Галичский район, д. Берёзово, 2019 г.
Фенина Анна Николаевна, 1931 г. р.

В результате анализа записанного текста отмечены следующие *фонетические особенности*:

1. Полное «оканье», так как [о] на месте безударных [о] и [а] звучит во всех безударных слогах слова:

соди́сь, вы́ростил, вы́рвалося.

2. «Ёканье» – переход [е] в [о] перед твердыми согласными и на конце слова:

моё́й, но́нчё, нё́й.

3. Употребление долгих мягких шипящих *ш'ш', ж'ж'*:

прие[ж'ж']а́ла, теплоти́[ш'ш']а, и[ш'ш']ё.

Кроме того, определен ряд морфологических особенностей:

1. Широкое распространение постпозитивной неизменяемой частицы *-то* в сочетании с различными частями речи (характерная черта говоров центрального типа, среднерусских и севернорусских говоров):

ба́бушка-то, мы-то, ма́ма-то, Та́ня-то, се́на-то.

2. Употребление в порядковом числительном в именительном падеже флексии *-ой* вместо флексии *-ый*:

восемьдесять девя́той.

3. Употребление у возвратных глаголов постфикса *-ся*:

вы́рвалося.

4. Сохранение некоторыми наречиями архаических форм, которые в настоящее время не употребляются в литературном языке:

никуды́, но́нчё.

Также в ходе анализа записанного текста выявлена характерная диалектная лексика.

1. ***Бели́ть*** – заправлять жидкое блюдо сметаной или молоком:

«Белить будешь? Ну, по-нашему, молоком».

В таком же значении это слово употребляется во многих костромских селениях. Картотека Костромского областного словаря содержит сведения и о других его значениях: например, в селе Зашугомье Солигаличского района, в селе Шартаново Чухломского района, в селе Никола-Ширь Парфеньевского района отмечено использование слова в значении «отбеливать разостланное на снегу бельё», а в деревне Малое Токарево Солигаличского района – в значении «покрывать лицо декоративной косметикой». В Словаре русских народных говоров (1966, с. 214) даются сведения о том, что слово *белить* в значении «мыть (руки)» распространено в вологодских говорах; в значении «поднимать невод при вытаскивании из воды так, чтобы рыба не выскакивала» – на территории Сибири.

2. ***Краса́вик*** – красавец:

«Ну, заходи, краса́вик».

В Словаре русских народных говоров (1979, с. 172) имеются сведения о повсеместном распространении данного слова в упомянутом значении.

3. ***Светё́лка*** – небольшая холодная комната с окном на чердаке:

«Теперь сена-то нету, всё корова съела, а здесь уже светёлка».

В таком же значении это слово употребляется во многих костромских селениях. Картотека Костромского областного словаря содержит сведения и о другом его значении: в селе Ильинское Парфеньевского района – в значении «выступ в передней части крыши с окном – для освещения чердака и красоты». В Словаре русских народных говоров (2002, с. 256–257) даются сведения о том, что слово *светёлка* в значении «лучина для освещения» распространено в архангельских и московских говорах; в значении «светлая лунная ночь», «неделя» – в калужских говорах; в значениях «растение семейства букоцветных», «берёза пушистая» – в московских говорах; в значении «чердак» – в тверских, вологодских, казанских говорах; в значении «небольшая неотапливаемая комната под крышей» – в вологодских, костромских, рязанских и владимирских говорах; в значении «неотапливаемая летняя комната, прирубленная к дому с входом через сени» – в тверских, московских говорах; в значении «изба, в которой молодёжь собиралась на посиделки» – в московских говорах.

Таким образом, записанный диалектный текст отражает некоторые основные особенности говоров северо-восточной части Костромской области. При этом определены фонетические, морфологические и лексические особенности, характерные для говоров Галичского района. Полученные материалы исследования могут быть использованы в дальнейшей работе по изучению диалектов Костромской области, в том числе при составлении словарей, а также на занятиях по русской диалектологии.

Список литературы

Русская диалектология: учебник / С.В. Бромлей [и др.]; под ред. Л.Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989. 224 с.

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс : в 2 т. / отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 224 с.

Ганцовская Н. Галичское народное слово // Губернский дом. 2000. № 2. С. 65–66.

Об установлении границ муниципальных образований в Костромской области и наделении их статусом: Закон Костромской области: утв. Костромской областной Думой от 30.12.2004 № 237-ЗКО (изм. от 09.07.2019).

О преобразовании некоторых муниципальных образований в Антроповском, Вохомском, Галичском, Кологривском, Межевском, Поназыревском, Пыщугском, Судиславском, Сусанинском, Чухломском, Шарьинском муниципальных районах Костромской области и внесении изменений в Закон Костромской области «Об установлении границ муниципальных образований в Костромской области и наделении их статусом»: Закон Костромской области: утв. Костромской областной Думой от 22.06.2010 № 626-4-ЗКО (изм. от 27.11.2018).

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург: В тип. Карла Вульфа, 1861–1885. Костромская губерния: по сведениям 1870–72 годов / обраб. ст. ред. М. Раевским. 1877.

Список населенных мест Костромской губернии по сведениям 1907 года. Кострома, 1908.

Словарь русских народных говоров. Вып. 2: Ба – Блазниться / сост. Ф.П. Сороколетов; гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1966. 317 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 15: Кортусы – Куделюшки / сост. Н.И. Андреева-Васина [и др.]; под ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1979. 400 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 36: С – Святковать / сост. О.Д. Кузнецова [и др.]; под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб.: Наука, 2002. 344 с.

Роль великого князя Московского и всея Руси Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галицкого в укреплении обороноспособности Галича Мерьского в период начале XV века

Михницкий Вадим Николаевич,
руководитель Галичского отделения Костромской областной общественной краеведческой организации «Костромская старина»

В отличие от многих других малых и больших городов центральной части России, Галич сегодня не имеет четко обозначенного имени своего основателя или же иной замечательной личности древности, внесшей вклад в строительство и развитие города и всего края. Поэтому, думается, необходимо более тщательно изучить и затем добавить в средневековую историю России период княжения в Галиче второго сына Дмитрия Донского - великого князя Московского и всея Руси Юрия Звенигородского и Галицкого, а славному граду Галичу дать его имя как талантливого полководца и строителя, укрепившего северо-восточные границы зарождающегося российского государства.

Изучая историю Галича, я, как многие историки и краеведы, пришел к выводу, что наш город оказался вдалеке от Золотого кольца и остальных туристических почестей, оказываемых гораздо менее значимым и исторически менее привлекательным провинциальным малым городам центральной части России, совершенно незаслуженно.

В различных известных письменных источниках прямо и косвенно указывается, что всего 600 лет назад Галич назад играл значительную и весомую роль в политическом и экономическом укладе средневековой Руси. Более того, многие события, произошедшие на рубеже XIV–XV столетий и повлиявшие на процесс становления Российского государства, были однозначно связаны с нашим городом.

Все эти исторические давности были постепенно забыты, возможно, случайно, но не исключаю, даже предумышленно. Однако все же, судя по последним исследованиям историков и археологов, вот уже почти в течение двух недавних столетий интерес к ним не только не ослабевает, но и постоянно заново возникает во все новых ракурсах.

Ознакомившись с множеством научных и научно-популярных исследовательских работ, посвященных историческому прошлому Галичского края, я при-

шел к выводу, что наш город в какой-то переходный момент утратил свое историческое предназначение, и его развитие пошло по неверному пути, вследствие чего он много потерял в своей культурной и великодержавной сущности.

Хочется вернуться к тому поворотному моменту и попытаться воздать заслуженные почести человеку, оставившему значительный след в истории становления государства Российского в общем и в частности в укреплении града Галича и Галичского княжества. Речь идет о великом князе Московском и всея Руси Юрии Дмитриевиче Звенигородском и Галицком. В большинстве источников по истории средневековой Руси Юрий Дмитриевич именуется просто князем. Однако он умер в 1434 году, находясь на великокняжеском престоле, полученном, следуя порядку наследования по завещанию Дмитрия Донского. Поэтому мы вправе называть великого князя Юрия этим заслуженным и действительно принадлежащем ему титулом.

Основываясь на доводах историков С.Д. Сытина и П.П. Смирнова могу также предположить, что история средневекового Галича периода строительства третьей галичской крепости и, соответственно, формирования нового посада связана именно с деятельностью этого князя.

Из имеющейся информации неясно, где и как (кроме походов на Нижний Новгород в 1414 году и Новгород в 1417 году) проводил свое время князь Юрий в период с 1400 по 1425 год. Практически все исследователи того времени обходят или сознательно упускают этот момент.

Мне представляется, что после женитьбы на княжне Анастасии и рождения сыновей Василия и Дмитрия, примерно в 1401 году, князь Юрий обращает свой взор на северо-восточные земли – Галичское княжество, дарованное молодому князю в 1389 году по завещанию отца, великого князя Дмитрия Донского. Земли эти были богаты природными ресурсами: солью, железными рудами, пушниной и продовольствием, а кроме того, позволяли держать под контролем большой торговый путь от срединной и верхней Волги в бассейн Северной Двины и Вятки и далее в земли Поморья. Набеги кочевников Золотой и Казанской орды мало докатывались до этих мест, дань платилась исправно и не вызывала большого неудовольствия у народонаселения, которое очень быстро возрастало, несмотря на моровые болезни и потери от периодических набегов монголо-татар.

К этому времени (1401 г.) князь Юрий уже находился в зрелом возрасте, был участником многих битв и удачных походов, у него была ладная семья и хорошие отношения со старшим братом Василием, занявшим великокняжий престол, он отстроил монастырь и крепость в Звенигороде. Но кипучая натура требовала новых действий, и князь Юрий все больше и больше времени проводил в Галиче, занимаясь строительством оборонительных сооружений – в частности, он возводит новую неприступную крепость на вершине холма Балчуг. В дальнейшем эта крепость сыграла большую роль при отражении набегов монголо-татар Казанского ханства.

Набеги Большой и Казанской Орды на земли Московского великокняжества происходили с периодичностью в 3–5–9 лет в зимнее время по замерзшим руслам рек Волги, Оки, Клязьмы, Суры. Весь поход укладывался в три зимних месяца, и если населенный пункт был хорошо укреплен, то после нескольких дней или недель осады монголо-татары просто грабили ближайшие селения и быстро уходили восвояси.

Град Галич, в отличие от Нижнего Новгорода, Костромы и Ярославля, занимал в этом отношении более выгодное месторасположение: он находился вдалеке от крупных водных артерий – Волги и Унжи, соответственно, для монголов терялся фактор внезапности при набегах. В то же время близость Галичского озера давала постоянный источник пропитания в виде рыбных ресурсов, а проходящий торговый путь позволял иметь достаточное количество современного по тем временам вооружения и пополнять запасы.

Возникает естественный вопрос – при постоянном увеличении населения княжеского города Галича вследствие роста его богатств от добычи и торговли, куда могли укрыться жители его ближайших посадов при набегах татар? Практически было два пути – либо в леса, либо в крепость. Но нижняя и тем более верхняя крепости не могли вместить всех желающих. Поэтому князь Юрий, потративший 25 лет своей жизни в самом плодотворном возрасте в деле княжения и укрепления Галичского княжества, наверняка имел в планах и даже, возможно, осуществил или начал осуществление строительства в городе третьей оборонительной крепости – на излучине реки Кешмы, по всем условиям, отвечающим пониманию военного предназначения того времени. Возможно, эта крепость была одна из первых в целой череде подобных сооружений в таких же центрах других княжеств Руси.

Исследователи расходятся в оценках данного предположения. Первоначально, начиная с А. Экземплярского, С.Д. Сытин и затем профессор П.П. Смирнов допускали время возведения третьей крепости в период правления князя Юрия, но затем, после раскопок и выводов, сделанных историком архитектуры П.А. Раппопортом на территории первых двух крепостей, у современных историков и краеведов эта точка зрения начала смещаться в сторону периода 2-й половины XV века.

К большому сожалению, нет сведений о том, что ранние и современные археологические экспедиции в городе Галиче проводили изыскания на территории третьей крепости. Иначе можно было бы с большой степенью достоверности датировать возведение крепостных сооружений, а также соотносить их постройку с какой-либо исторической персоной.

По моему же мнению, для строительства крепости этого масштаба необходимы были достаточные финансовые ресурсы и обязательно – воля и талант руководителя такого ранга, как великий князь Юрий. После гибели его сыновей – Дмитрия Красного, Василия Косого и Дмитрия Шемяки – на протяжении нескольких столетий и до нашего времени на галичской земле не наблюдалось правителя такого уровня. Поэтому я считаю необходимым

вернуть в историю России имя великого князя Московского и всея Руси Юрия Звенигородского и Галицкого, а в историю нашего славного града Галича – его имя как талантливого полководца и строителя, укрепившего северо-восточные границы зарождающегося российского государства.

В отличие от многих других малых и больших городов центральной части России, Галич не имеет четко обозначенного имени своего основателя или же иной замечательной личности древности, внесшей вклад в строительство и развитие города и всего края. Для нас такой личностью должен стать князь Юрий – сын героя Куликовской битвы Дмитрия Донского. Для этого нужно малое – увековечить его, воздвигнув ему памятник.

Примеров возникновения подобных исторических брендов немало. В 2012 году в парке имени Островского небольшого районного городка Коростень Житомирской области (Украина) было установлено несколько памятников былинным героям средневекового эпоса, мало или совсем не имеющих отношения к этой местности. Но этот маркетинговый ход привлек в парк большое количество туристов не только из Украины, но и из различных других стран. В России можно отметить памятники, установленные Илье Муромцу.

И главное: Костромской археологической экспедиции необходимо спланировать и провести изыскания на территории третьей крепости Галича с целью восполнения пробела по определению дат ее строительства, разрушения и восстановления. Это будет крайне важно для определения действительной, настоящей истории нашего города.

Список литературы

Абатуров К., Озеров А., Рыжков А. Галич. Ярославское областное изд-во, 1939.

Алексеева С. История Галича Мерьского и Галичской земли: труды исторического факультета Санкт-Петербургского ун-та, 2009.

Белов Л., Касторский В, Соколов Н. Галич: К 800-летию города Галича. Костромское кн. изд-во, 1959.

Ковалев-Случевский К. Юрий Звенигородский. Великий князь Московский. М.: ЖЗЛ, 2008.

Раппопорт П. Оборонительные сооружения Галича Мерьского // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 3–9.

Смирнов П. Древний Галич и его важнейшие памятники // Ученые записки Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина. М., 1948. Т. 9. Кафедра экономичнской географии и кафедра физического страноведения. Вып. 1. С. 81–112.

Сытин С. Древний город Галич Костромской губернии. М., 1905.

Экземплярский А. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. Гл. VII: Галицкое удельное княжество.

Краткая история Рыбной слободы в Галиче

Сотников Николай Васильевич,
краевед, кандидат технических наук, член Союза краеведов России

История Рыбной слободы имеет многовековую историю. Если взглянуть на наше прекрасное озеро из космоса, то можно утверждать, что северный и южный берега Галичского озера изменились мало, западный и восточный берега в настоящее время превратились в заболоченные местности. Живя долгие годы в Галиче и наблюдая природу, я могу утверждать, что предтеча Галича, город Галион, мог располагаться только на северном берегу озера.

Город Галион располагался по обрезу холмов от Унорожа до Туровского. Плотность населения здесь был всегда высокой. Расстояния между населёнными пунктами до 70-х годов XX века составляли от 0,5 до 1,5 км. Это можно видеть на рис. 1 и рис. 2. Наиболее частая роза ветров – это северные и южные ветра. Зимой чаще дуют ветра северные. Разгоняясь на шири озера, ветра упирались в горы на южном берегу озера, поэтому температура воздуха здесь несколько ниже, чем на северном берегу.

Историк А.В. Экземплярский считал, что «Галивон исходит от корня слова галл и указывает на галлов, живших за пять веков до Р. Хр. в Оливии» (Экземплярский, 1892). Археолог граф Уваров и Экзеплярский трактовали топоним *Галивон* как многолюдный город.

Рис. 1. Карта Галичского озера с окрестностями

Рис. 2. Чертеж окрестностей Галичского озера. XVII в.

Согласно археологическим данным, в разное время наиболее был заселен северный берег озера, южный представлял собой практически до середины XX века голое безлесное плато с глинистой неплодородной почвой, в отличие от северного, где располагается плодородная пойма, большое количество ключевой воды, близко лес с грибами и ягодами, с охотничьими угодьями и возможностью быстро спрятаться в случае нападения врагов. На южном же берегу озера, там, где находится Рыбная слобода, кусок берега с незапамятных времён был облюбован рыбаками. В отличие от всех низменных берегов озера, этот кусок был твёрдым, никогда в половодье не заливался водой, это позволяло строить дома непосредственно у кромки воды, что важно для рыбаков.

У подножья горы в Рыбной слободе располагался рыбный торг Балчуг. Историк Сергей Романюк производил его от слова *«балчук»*, которое значило «рыбный торг, привоз, базар» (Краткая история острова Балчуг). Отсюда и весь массив валов носит название Балчуг. Позднее, в XV веке, на месте старого торга Иаков Галичский основывает Староторжский монастырь. Видимо, в это же время, чтобы как-то привязать к Галичу татаро-монгольское иго, появилось слово *Бал-чех*, которое означает по-татарски «грязь», «болото», которого в этом месте никогда не было.

Здесь же возникли два монастыря – св. Василия Кесарийского и Зачатьевский (в честь непорочного зачатия св. Анны).

Монастыри возникли во времена земельной реформы княгини Ольги: «За время правления Ольга построила десятки храмов, включая монастырь

в родном Пскове. Княгиня лично отправилась на север страны, чтобы крестить всех желающих. Там она уничтожала все языческие символы и ставила христианские» (Княгиня Ольга…). Поэтому в Рыбной слободе живёт устойчивая легенда, что веру в слободу принесли ученики Андрея Первозванного, а как утверждали мои прародители, веру им принёс сам Андрей Первозванный, когда приходил в Новгород.

Об этом говорит и «Житие Авраамия Ростовского чудотворца»: «Сей убо блаженный Авраамий чдотворецъ от предел Галичскихъ, града, нарицаемаго Чухлома, богату родителю сынъ, но неверных; имя ему наречено по чухломски Иверикъ. Онъ отъ рождения своего былъ разслабленъ неисцельною болезнию лежа на одре своемъ осьмнадесять летъ. Приходяще же ко отцу его купцы изъ дальныхъ странъ изъ Новограда, изъ Пскова и изъ Нъмецъ, торгуя со отцемъ его, видевше же отрока того въ болезни суща, утешали его своимъ посещением, беседуя с нимъ и сказуя о вире Господа нашего Исуса Христа. Слышавъ-же сия той отрокъ Иверикъ отъ Новгородцевъ и отъ Псковичь о Христе Бозе нашемъ, удивися зело, и отпусти ихъ съ миромъ».

Эта историческая личность, Авраамий Ростовский, в 960 году был настоятелем Валаамского монастыря, в котором принял постриг. Из Валаамского монастыря он пошёл в Иерусалим, но дошёл только до Ростова Великого, где и умер в 1071 (1074?) году (Житие Авраамия Ростовского чудотворца).

По поводу «Жития» существует много споров, связанных, как я думаю, со временем возникновения Валаамского монастыря, поскольку церковь считает, что христианство на Русь пришло только после крещения в 988 г.

Видимо, в это время был построен монастырь Василия Кесарийского в Рыбной слободе. Жители Рыбной слободы называли себя единоверцами.

Помню свою бабушку, которая в 20-х годах прошлого века входила в церковную «двадцатку» и очень обижалась, когда жителей Рыбной слободы называли раскольниками.

Поскольку в те времена христианская вера была единой, то монастырь получил название Василия Кесарейского. В православии это Василий Великий. Следовательно, монастырь был построен до 1054 г.

Посетивший Рыбную слободу в 1892 году епископ Костромской и Галичский Виссарион, выступая перед жителями Рыбной слободы говорил: «Так как, по преданию, слобода эта устроена при бывшем раскольническом ските беспоповщинского толка, то поселенцы слободы, хотя большей частью считаются православными, но очень подолгу не ходят на исповедь и ещё дольше не приступают к святому причащению. Поэтому Владыка в своих речах убеждал прихожан быть в церкви Христовой» (Второе путешествие Преосвященнейшего Виссариона…).

Здесь опять нестыковка, ибо раскольники в православной церкви появились после реформы Никона в 1650 г., а Рыбная слобода даже по московским грамотам существует с 1506 г.

К сожалению, документов об этом времени практически не сохранилось. Исчезли Новгородские летописи, на которые ссылался Татищев, исчез «Галичский летописец», что собрал галичанин Тычинкин.

В своей книге «Русь Новгородская» историк В.Г. Тулупов отмечает: «Русская история со времен Татищева и Карамзина создавалась по схеме: один народ – одна конфессия – одна династия. В соответствии с этой формулой все русские князья Рюриковичи с начала XIV века объявлялись жадными, ограниченными и реакционными правителями. Хорошими были лишь Иван Калита и его потомки, занимавшие московский престол. Они были „прогрессивными“ и поэтому оказывались всегда правыми, даже в конфликтах с родными братьями. Фактически история Карамзина и Соловьева – это история Владимиро-Суздальской Руси, переходящая в историю Московского государства. Новгородская республика, Великое княжество Тверское и Великое княжество Рязанское интересовали наших историков лишь в связи с историей Москвы. Аспекты русской истории, не способствующие прославлению рода Калиты, как, например, Смоленское княжество или ушкуйники, историками упоминались вскользь. По сути, на сегодняшний день мы имеем династическую или в лучшем случае государственную, но никак не национальную версию отечественной истории». С Тулуповым солидарен и историк А.С. Королёв в своей книге «Загадки первых русских князей».

Важным нововведением княгини Ольги в период земельной реформы стало установление погостов. Они представляли собой небольшие центры княжеской власти. Отныне каждый административный округ обзавелся своим погостом и становищем, где производился сбор и хранение дани. Погосты также использовались для торговли. Таким образом, административные реформы княгини Ольги способствовали созданию территориальных подразделений, находившихся под властью наместника князя и способных дать отпор любому недовольному политикой и указами княгини. Позже, к XII веку, погосты превратились в центры управления округой (Какие реформы…).

Формально исполнительная власть в погосте была в руках посадника, первого гражданского сановника. Посадник руководил деятельностью всех должностных лиц, вместе с князем ведал вопросами управления и суда, командовал войском, руководил вечевым собранием и боярским советом, представительствовал во внешних сношениях.

Институт Новгородских посадников существовал в Галиче до XIV в., но не нашёл своего отражения в истории.

Такой погост, безусловно, был построен на земле галичской мери, и построен он был на Балчуге, на южном берегу озера, на пустынном плато. Отныне каждый административный округ обзавелся своим погостом и становищем, где производился сбор дани.

Единственный случай, когда археологом был исследован погост, упомянутый в грамоте 1137 года, – это погост Векшенга (при впадении

одноимённой реки в Сухону, в 89 км к востоку от Вологды). Это обычное мысовое городище треугольной формы, у которого две стороны образованы оврагами, а с третьей стороны, соединяющей мыс с плато, прорыт ров. Культурного слоя на самом городище почти нет. Описание погоста Векшанга полностью соответствуют первой крепости Галича на Балчуге.

Имя, данное погосту, было Галич. Топоним Галич имеет галльский корень и трактуется как «место, с которого я правлю» или «правящий город».

В те далёкие времена Рыбная слобода была базой новгородских ушкуйников: «Сведения об ушкуйниках отрывочны и не всегда достоверны. После окончательного решения “ушкуйнического вопроса” Иваном III было предписано вырезать из летописей и впредь не упоминать этих воинов, кроме как в качестве разбойников. Но кое-что сохранилось, а кое-что и удивляет, например, то, что главного на судне – ушкуе – называли ватаманом, а многие ушкуйники потом ушли на Дон и Яйк» (Вятская республика ушкуйников).

В частности, «считается, что ушкуйники – это боевые отряды пассионарной новгородской молодежи, потомки русских варягов, и они представляли собой неофициальный военный флот Великого Новгорода. Новгородское вече и новгородские бояре поручали им сбор дани с обширных северных владений Новгорода, а также другие опасные предприятия. Часто ушкуйники явно превышали выданные им полномочия, действуя по своему почину. Но существует и другое мнение. Ушкуйники – это обычные разбойники, которых иногда использовали купцы и князья для проведения тайных неблаговидных операций (разумеется, за немалую плату)» (Кто же они…).

Дальше приводится ещё один документ, подтверждающий наличие базы ушкуйников в Рыбной слободе Галича: «В 1374 году один отряд галиджийцев на 70 кораблях ограбил несколько русских городов и продал пленных в Казани, а другой ограбил Колын и на 20 взятых там кораблях прошел к Великому Болгару. Кудаш был тогда у Казани, опасаясь нападения на город, но после окончания мирной торговли получил приказ эмира пропустить разбойников по их просьбе к Сараю. Гарафа также не было в Великом Болгаре – получив известие о движении галиджийцев из Нукрата, он стал в Кашане на защиту города, но разбойники незаметно проскочили мимо него ночью к Йорту. Здесь сошлись оба отряда разбойников и решили штурмовать святой город. Алай из 300 казаков приготовился защищаться, но оробевшие татарские, тюркменские и персидские купцы предпочли собрать деньги и откупиться от галиджийцев». Хочу обратить внимание на то, что булгары ушкуйников называют галиджийцами (галичанами). Следовательно «гнездо» ушкуйников в то время находилось в Галиче Мерьском, а вовсе не в Новгороде на Ильмене (Кто же они…).

После присоединения Великого Новгорода к Москве в 1478 году часть ушкуйников ушла на Дон, образовав Донское казачье войско, другая часть, в том числе и галичские ушкуйники, ушли на реку Урал (Яйк). Вот как об

этом пишет историк И.П. Аникин: «С упразднением новгородского вече и аресте колокола Софийского собора на Волге появляются ладьи новгородских ушкуйников. На Яике звоном церковного колокола извещается о возникновении демократической казачьей общины с необычной формой правления – казачьим кругом. “Вольные” казаки направляли свои челны и струги на Волгу и Каспий, выискивая добычу – богатых купцов Персии и Бухары». Окончательное формирование Яицкого войска произошло в середине XVI в.

В 1632 г. царь Михаил Фёдорович приказал сделать перепись Яицкого войска. На то время в Яицком войске насчитывалось 950 человек. Три семьи были из Галича. Об этом пишет в своей книге историк А.Б. Карпов (Карпов, 1911). Карпов отмечает, что это были очень грамотные люди, звали себя по имени и отчеству, не имели кличек, точно знали, откуда их предки пришли на Яйк.

П. Паллас – ученый и путешественник, посетивший Яик в 1769 г., заметил, что в церковь «казаки ходят редко, потому что они староверы, по большей части молятся дома».

На место ушедших на Яйк из Рыбной слободы ушкуйников князь Великий Василий Иоанович Всея Руси в 1506 г. Марта 23 своим указом поселил в Рыбной слободе 30 семей своих подданных. Вот текст этой грамоты, найденной краеведом М. Виноградовым:

«1506 г. марта 23.

Се яз Князь Великий Василий Иоанович Всея Руси.

Пожаловал есми своих рыболовей Галичских Нестерка Ильина, да Дему Тимохина, да Захара Ананьина, да Филимоника Федорова, да Палку Иванова, да Михале Деева, да Сенку Мелентьева, да Онцифорика Еванова, да Осифа Ананьина, да Федьку Дворникова, да Петрушку Лаврентьева, да Петрушку Гридина, да Василия Захарова, да Ивашку Давыдова, да Ваську Федорова, да Митьку Парфеньева, да Олексейка Власова, да Данилка Гаврилова, да Лавра Борисова, да Левона Феофанова, да Илью Гридина, да Исака Матфеева, да Тереха Матфеева, да Есипа Васильева, да Илью Окулова, да Демида Иванова, да Петрушку Симанова, да Гриди Леонтьева, да Сенку Гридина, да Оксене Мамукова, озером Галичским, да корытинами, что около того озера да рекою Вексою, да сокольи помчищи, опричe ловищ Григорьевых детей Морозова. А ловити им рыбу в том озере и в корытинах и в реке в Вексе и в сокольних помчищах лет от леду до леду. А что их ловля по рекам по подучим и по тем речкам ловять рыбу те же рыболове, по старым своим ловицам от леду до леду. А давати им с того озера и с реки с Вексы и с речек с падучих и с корытин и с сокольих помчищ за рыбную ловлю за летнюю з году, на год на мой дворец полтретьнадцать рублев; опроч подледныя ловли зимние. А дати тем рыболовем тоть оброк впервые, на крещение Христова лета семь тысяч пятаго надесять опричe тех рыболовей половити рыбы в озере и в реке в Вексе и в падучих речках лет никому. А кто учнеть опричe тех рыболовей рыбу ловити в озере и в реке в Вексе и в падучих речках и яз тем рыболовям, тех велел имати из заповеди, доставить пред своими наместники перед галичскими. До каво утяжуть. И наместники наши на том велят взяти себе рубль, а другой рубль рыболовем.

А дана грамота лета семь тысяч четвертаго надесять марта 23 день на подлинной на обороте написано: Князь Великий Василий Иванович всея Руси, приказал Дворецкой Петр Васильевич; на той же грамоте приложена печать на красном сургуче на шелку» (Виноградов, 1914, с. 11–68).

С этого времени начинается промосковская история Рыбной слободы.

После разгрома Яицких (Уральских) казаков, которое провела Екатерина II с помощью армии, поскольку казаки отказывались выполнять приказы императрицы и поддержали Пугачёвское восстание, часть казаков была казнена, часть выслана в отдалённые места империи, часть была возвращена в места, из которых пришли потомки Яицких казаков.

Таким образом, в Рыбную слободу Екатерина II вернула десять семей казаков, чьи потомки ушли на Яйк после присоединения Великого Новгорода к Москве. Событие это, вероятно, произошло в 1775 году.

Вот как пишет В. Поссе в своих воспоминаниях о Рыбной слободе 1894 года: «От Екатерины II они (рыбаки), по преданию, получили грамоту на беспошлинный лов рыбы в озере. Рыбы было в то время масса, и рыбаки зажили припеваючи. Это старое доброе время прошло безвозвратно. Грамота куда-то исчезла, озеро оказалось собственностью города, и тот берёт теперь с рыбаков ежегодно больше тысячи рублей аренды, рыбы же с каждым годом все меньше и меньше»; «Все они православные, но упорно крестятся двумя пальцами и придерживаются языческого праздника Яриловки (в честь бога Ярилы). Браки заключаются обыкновенно только между рыбаками и рыбачками, «чужих» же берут неохотно» (Поссе, 1895, с. 183–191).

Ему вторит этнограф и краевед А. Шевяков: «Старожилы говорят, что Рыбная слобода образовалась от заселения, по повелению Государыни Императрицы Екатерины II, семействами Уральских казаков, вытребованных для более рационального способа рыбной ловли в Галичском озере, где изобилие рыбы, вследствие большого количества впадающих рек и громадной растительности, почти не уменьшается. Это может объяснить (по рассказам) название озера, данное нашими предками, – Нерон, не от имени римского правителя, а от слова не урон, т. е. не потеря в рыбе» (Шевяков, 1995, с. 66–72).

Эти строки были написаны в 1871 г. и опубликованы в журнале «Нива». Следовательно, старожилами были дети и внуки тех казаков-переселенцев.

К моменту переселения Уральских казаков-староверов в Галич деревянные церкви монастырей пришли в ветхость. Вместо обветшалых церквей мужского монастыря Василия Кесарийского строятся каменные – летняя с шатровой колокольней во имя св. Василия Великого: «По некоторым сведениям церковь святителя Василия Великого была заложена протоиереем Симеоном в 1768 году. 2-я, зимняя, построена в 1798 году. В зимней церкви св. Василия Великого

был престол в честь Божией Матери – Введение во храм» (Сытин С., С.61; Краткие статистические сведения…). На месте Зачатьевского монастыря была отстроена в 1799 году каменная церковь с колокольней святых Богоотец Иоакимы и Анны (Сытин, 1905, с. 61).

Жители Рыбной слободы свято хранили свою веру, переданную предками, получившими её от Андрея Первозванного. Это подтвердил и епископ Костромской и Галичский Виссарион, посетивший Рыбную слободу в 1892 году (Второе путешествие Преосвященнеишего Виссариона…, 1892).

Следует отметить, что управление Рыбной слободой было устроено по типу Вече Великого Новгорода. Все вопросы жизни Рыбной слободы решались на общем собрании жителей. Между городом и Рыбной слободой заключался контракт.

Для исполнения поручений собрания, для оповещения о дне собрания, сборе арендных денег и для других дел рыбаки выбирали шесть старост, заведующих определёнными участками слободы. Для сношения с городскою управой из шести старост выбирали одного – доверенного. Старосты образуют совет старост, который управляет слободой в период между собраниями. Доверенный был председателем совета старост, заключал контракт с городскою управой на лов рыбы, распоряжался общественными деньгами, уплачивал аренду и т. д. Такое управление Рыбной слободой просуществовало до революции 1917 года.

Жители Рыбной слободы берегли своё озеро и заботились о его рыбных запасах. Они вырастили скот, который употреблял только растительность из озера (хвощи и тростники), Во время нереста рыбы запрещался лов рыбы и даже прекращался звон церковных колоколов. В Рыбной слободе изготовлялся вандыш – галичский ёрш, приготовленный в пе́шнях по специальной технологии. Вандыш был предметом торговли даже на мировых рынках. Для получения больших урожаев овощей жители Рыбной слободы использовали лыву, которую добывали со дна озера, изобрели лунки для выращивания огурцов.

Список литературы.

Аникин П. Рыцари речного войска. URL: http://ural-cossacks.chat.ru/index.htm.

Виноградов М. Галичское озеро и галичский рыбный промысел // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1914. Вып. 1. 147 с.

Второе путешествие Преосвященнеишего Виссариона, епископа Костромского и Галичского, для обозрения церквей, с 28 мая по 6 июля 1892 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1892. 15 июля. № 14.

Вятская республика ушкуйников. URL: http://rus-historical.blogspot.com/2016/06/blog-post.html.

Житие Авраамия Ростовского чудотворца / Валаамский монастырь: исторический очерк. СПб.: Тип. Департамента уделов,1864. 348 с.

Какие реформы провела княгиня Ольга? В Чем заключались реформы княгини Ольги? URL: https://fb.ru/article/165032/kakie-reformyi-provela-knyaginya-olga-v-chem-zaklyuchalis-reformyi-knyagini-olgi.

Карпов А.Б. Уральцы: Исторический очерк. Уральск: Войсковая типография, 1911. Ч. 1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). 1013 с.

Княгиня Ольга – биография (945–960 гг.). URL: https://24smi.org/celebrity/46760-kniaginia-olga.html.

Краткая история острова Балчуг. URL: https://meduza.io/feature/2016/11/17/istoriya-balchuga.

Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома: Изд-во Костромской епархии, 1911. 407 с.

Кто же они, новгородские ушкуйники? URL: http://ukhtoma.ru/volok9.htm.

Поссе В. От Бадена швейцарского до Галича Костромского: Наблюдения над жизнью больших и маленьких людей // Книжки недели. 1895. № 11. С. 183–191.

Сытин С. Древний город Галич. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1905. С. 61.

Тулупов В.Г. Русь Новгородская. Нужна ли нам история? URL: https://www.litmir.me/br/?b=173988&p=1)

Шевяков А. Галич // Галичский край. Галич: Галичская типография, 1995. С. 66–72.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб.: Издание графа И.И. Толстого: Типография Императорской Академии наук, 1892. Т. 2. 710 с.

Революционные потрясения в городе Галиче и Галичском уезде Костромской губернии в 1917–1918 гг. в воспоминаниях участников (на материалах фонда «Документы» Костромского музея-заповедника)

Сулоев Иван Николаевич,
ст. науч. сотр. отдела хранения и изучения музейных коллекций ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», кандидат исторических наук

В данной статье ставится задача исследования революционных потрясений в отдельном провинциальном городе – Галиче, а также Галичском уезде Костромской губернии в 1917–1918 гг. В фонде «Документы» Костромского музея-заповедника имеются воспоминания участников революционных потрясений, которые отражают ситуацию в 1917–1918 гг. в г. Галиче и одноименном уезде Костромской губернии.

В 1917–1918 гг. большевики г. Галича Костромской губернии были плохо организованы. Своевременная поддержка солдат и офицеров 181-го запасного пехотного полка позволила социал-демократам прийти к власти в Галиче. В то же время в сельской местности большевики не имели существенного влияния. Поэтому в 1918 г. в уезд направляются члены партии РСДРП и начинают агитацию в свою поддержку. Отъезд из города части партийных лидеров из уездного центра привело к ослаблению власти в Галиче. Вместе с тем представители противоположного лагеря делали попытки противостоять новой власти, устраивая поджоги, погромы и мятежи.

В 2017–2018-х гг. в России отмечается ряд юбилейных дат, связанных с Февральской и Октябрьской революциями, Гражданской войной, окончанием Первой мировой войны. Поэтому возникает почва для изучения и переосмысления произошедших событий, которые затронули все слои населения, проживавшие на обширной территории Российской империи. Данные изменения отразились и в провинции.

В советской историографии проблема революции 1917 г. и Гражданской войны изучалась с точки зрения коммунистической идеологии. С одной стороны, это привело к одностороннему пониманию происходящих

процессов, с другой – вовлечению в научный оборот множества архивных источников, воспоминаний и мемуаров. Тем не менее практически не были затронуты музейные коллекции, которые, как и архивы, хранят воспоминания, документы участников революций.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. публикуется множество воспоминаний и размышлений участников противоположного лагеря революции: эсеров, меньшевиков др. Поэтому появилась возможность по-иному взглянуть на события первой четверти XX века. Несмотря на множество новых исследований, фонды музеев остаются до конца не изученными.

В статье ставится задача исследования воспоминаний участников революционных событий в г. Галиче и Галичском уезде Костромской губернии в 1917–1918-х гг. Воспоминания собирались сотрудниками Костромского музея-заповедника в середине XX века, когда участники событий начала XX века были в преклонном возрасте. Поэтому воспоминания носят субъективный характер. Тем не менее они отражают события, происходившие в провинции в 1917 г. и в первые годы советской власти.

В 1917 г. Галич являлся уездным городом, находящимся от губернского центра на расстоянии в 127 км и от Петрограда – 893 км. Связь с Костромой и столицей осуществлялась через телеграф.

В 1917 г. позиции большевиков в г. Галиче и уезде были непрочными. Поэтому «в начале октября 1917 года в распоряжение Костромского комитета партии большевиков прибыл посланный Центральным комитетом РСДРП(б) и Петроградским Советом питерский рабочий-большевик, уроженец Галичского уезда Николай Александрович Леднёв. Он имел мандат «уполномоченного ЦК РСДРП(б) по агитации за большевистский список кандидатов в Учредительное собрание». Костромской комитет РСДРП направил его в Галич (Белов, Зубов, 1983, с. 31). Под влиянием Леднёва в 181-м запасном пехотном полку «завершилось организационное оформление большевистской ячейки» (Белов, Зубов, 1983, с. 31). Через полк происходила и постоянная связь со столицей.

По воспоминаниям бывшего солдата 181-го запасного пехотного полка Василия Ивановича Кукушкина, «несмотря на 700 километров расстояния от Петрограда до Галича, связь со столицей у нас была самая хорошая, все события, связанные с подготовкой переворота в Петрограде, доходили до нас без особых искажений, и 26 октября 1917 г. мы получили известие по телеграфу (заведующий телеграфом в Галиче был в то время наш человек, товарищ Платов), что в ночь с 25 на 26 октября в Петрограде Временное правительство низложено» (Воспоминания Кукушкина Василия Ивановича, 1956, л. 4). Николай Александрович Леднёв уточняет, что «о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства мы узнали от служившего на телеграфе подростка товарища Дубова, который сообщил: «Из Петрограда получили телеграмму об аресте Временного правительства, но её заведующий

телеграфом взял себе и не велел никому говорить о ней. С большим трудом удалось взять эту телеграмму у заведующего» (Воспоминания «Незабываемые встречи» Н.А. Леднева, 1957, л. 1–2). Таким образом, местные власти пытали утаить известие о низложении Временного правительства и оттянуть переход власти в городе к большевикам. Современник свидетельствует о том, что среди служащих телеграфа были сочувствующие революционерам.

После получения телеграммы, согласно воспоминаниям В.И. Кукушкина, «полковой комитет и партийная ячейка полка при участи старого большевика товарища Н.А. Леднёва решила созвать в большом зале гостиницы совещание, вызвать на это совещание весь состав уездного земства, мертворождённый и бесправный совет во главе с эсером Иваном Андреевичем Львовым, весь состав полкового комитета и всех членов партийной ячейки 181-го запасного полка...» На совещании Леднёв огласил телеграмму из Петрограда, что вся власть передана в руки Революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и потребовал передачи власти от городской думы и уездного земства в руки Совета рабочих и солдатских депутатов» (Воспоминания Кукушкина Василия Ивановича, 1956, л. 4). В ответ «представители городской думы и уездного земства решили устроить нашим докладчикам обструкцию. В это время к гостинице прибыли солдаты 181-го запасного пехотного полка, которые выдвинули лозунги «Вся власть советам», «Да здравствует Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов!», «Долой буржуазное Временное правительство!» Видя создавшееся положение, галичское буржуазное представительство покинуло совещание (Воспоминания Кукушкина Василия Ивановича, 1956, л. 5). По мнению исследователей, к гостинице подошёл «вооружённый отряд революционных солдат, вызванный из 181-го полка В.И. Кукушкиным» (Белов, Зубов, 1983, с. 34). Большевиков поддержала в этот важный момент отдельная часть солдат. Большую роль в переходе власти к революционерам сыграли солдаты и офицеры расквартированного в Галиче полка. В то же время уездное земство стремилось противостоять зарождавшимся новым органам власти. Следовательно, в отличие от губернского центра местные власти стремились противостоять переходу власти к большевикам. Однако поддержка части армии не позволила им этого сделать.

Несмотря на переход власти в Галиче революционерам, позиции большевиков в городе и уезды были слабы. Так, З.И. Говядин вспоминал, что прибыв город в апреле 1918 г., с первого дня искал парторганизацию большевиков, но таковой не нашёл, хотя встречался с отдельными большевиками. Мы договорились и начали выявлять в Галиче коммунистов. Их оказалось человек 15. Мы решили собраться и оформить Галичскую парторганизацию. На это потратили май месяц» (Воспоминания Говядина З.И., 1957, л. 5 об.). К октябрю 1917 г. партийная ячейка РСДРП (б) в Галиче была не организована. Следовательно, позиции большевиков

в сельской местности были ещё слабее, так как не имели определённой организационной структуры.

В конце 1917 г. представители новой власти начинают активизировать агитационную деятельность в уезде. В связи с этим в начале 1918 г. «почти весь состав временного Совета был командирован волостям...» (Воспоминания Кукушкина Василия Ивановича, 1956, л. 5) для агитации среди сельского населения. Галичский уезд, по воспоминаниям Говядина, имел большинство отходников-строителей, которые работали в Петрограде, там они приобщались к революционному движению. Они хорошо ориентировались в политических вопросах» (Воспоминания Говядина З.И., 1957, л. 6). Некоторые отходники имели опыт ещё первой российской революции. В это время в уездном центре агентами оппозиционных партий были подготовлены беспорядки, в частности был устроен погром казённого винного склада. «Галичская буржуазия направила через своих агентов провокаторов на разгром винного склада, этим она хотела показать народу, что делается при новой власти... очевидно, не без участия самой буржуазии возникли пожары и масса магазинов со всеми товарами погибли в огне» (Воспоминания Кукушкина Василия Ивановича, 1956, л. 5). Таким образом, на первых порах местной власти не хватало опыта и руководящих кадров, что приводило к частичной потере контроля за ситуацией.

В ответ на мятежи и беспорядки, возникшие в городе и уезде, новая власть организует специальные отряды. В Галиче Александр Дмитриевич Метельков возглавил отряд, который принимал участие «в подавлении кулацких восстаний по разгрому поездов на станции Антропово, Лопарёво и 46 разъезда и нёс охрану по городу и уезду. В марте 1918 г. принимал участие в формировании 1-го Галичского добровольного батальона, в котором был командиром сотни и города Галича» (Воспоминания Метелькова Александра Дмитриевича, л. 1). Нападениям бандитов подвергаются прежде всего железнодорожные перевозки, связывающие запад и восток страны.

В целом воспоминания современников отражают неорганизованность большевиков в г. Галиче и уезде в конце 1917 – начале 1918 г. Своевременная поддержка части 181-го запасного пехотного полка позволила социал-демократам прийти к власти в Галиче. В тоже время в уезде большевики не имели существенного влияния. Поэтому в 1918 г. ряд партийных деятелей отправляются в уезде для ведения агитации среди сельского населения. Это привело к ослаблению власти в Галиче. Вместе с тем представители противоположного лагеря в это время делали попытки противостоять новой власти, устраивая поджоги, погромы и мятежи.

Список литературы

Белов Л., Зубова В.И и др. Галич. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1983.

Воспоминания «Незабываемые встречи» Леднева Н.А., председателя Галичского уездного исполкома в 1917–1920 гг. 1957 г. // КМЗ Н/В 17428.

Воспоминания Говядина З.И. о революционных событиях в Галиче, участии галичского отряда в подавлении восстания в Ярославле и Урени и подавлении восстания в Крондштаде. 30 листов. 1957 г. // КМЗ НВ-17568.

Воспоминания Кукушкина Василия Ивановича об установлении советской власти в г. Галиче и его участии в Гражданской войне. 13 листов. г. Одесса. 1956 г. // КМЗ Н/В 17439.

Воспоминания Метелькова Александра Дмитриевича об участии в ликвидации восстаний и Гражданской войне. 5 листов. Деревня Шокша // КМЗ НВ-17433.

Леонид Иванович Белов –краевед, учитель, патриот

Смирнова Ольга Сергеевна,
учитель географии МОУ гимназии № 1 города Галича

Леонид Иванович Белов свою жизнь посвятил изучению истории города Галича. Его деятельность в области краеведения ещё не получила должной оценки. Он проделал огромный труд по систематизации краеведческого материала, собрал обширную документальную базу о Галичском крае, которая и в настоящее время является наиболее полной в нашем городе. Безусловно, Леонид Иванович являлся ведущим краеведом своего времени.

Леонид Иванович Белов родился 29 ноября 1909 года в посёлке Сокол (ныне город Сокол) Вологодской губернии в семье служащего (рис. 1). Уже в юном возрасте он отдавал предпочтение гуманитарным наукам, увлекался историей и краеведением. В 1931 году Белов закончил учебу в Ярославском педагогическом институте на общественно-экономическом отделении, по распределению приехал на работу в город Галич и устроился на работу в среднюю школу № 1 учителем истории (рис. 2).

Леонид Иванович начинает изучение истории города с посещения краеведческого музея. Проникшись древней историей нашего города, его архитектурным обликом, он мечтает создать хорошую документальную базу по истории Галича.

Рис. 1. Автобиография Л.И. Белова

Работая учителем истории, собирая краеведческие материалы, Л.И. Белов остро ощущает потребность в хорошем историческом образовании, поэтому в 1939 году он поступает на исторический факультет Ленинградского

Рис. 2. Средняя школа №1 города Галича 1950-е годы

педагогического института им. А.И. Герцена. Леонид Иванович занимается краеведческой работой, совмещая преподавательскую деятельность с работой в Галичском краеведческом музее, руководит историко-краеведческой работой учащихся, иллюстрирует учебные программы местными материалами. Контрольные работы студента Белова демонстрируются среди лучших работ студентов.

Обучение Леонида Ивановича прерывается Великой Отечественной войной. Педагоги-мужчины призываются на фронт. Леонид Иванович возглавляет школу. В эти непростые годы он понимает, что происходит переломный момент в судьбе страны, и начинает вести дневник, в который мелким, убористым почерком вписывает события жизни своей семьи, школы, города. Эту работу он продолжал до конца своей жизни.

Закончилась война. Леонид Иванович завершает свое обучение в институте. Начиналась новая, послевоенная жизнь. Леонид Иванович посвятил ее работе в школе. Он собирал и систематизировал материалы по истории родного края, включая краеведческий материал в уроки истории. Его опыт краеведческой работы был оценен педагогическим сообществом (рис. 3). Леонид Иванович в 1953 году был приглашен в Москву на «Педагогические чтения» при АН РСФСР, где выступил с докладом. Доклад был опубликован в трудах АН РСФСР в серии «Внеклассная историческая и краеведческая работа в школе».

Этот труд наиболее интересен для педагогов, поскольку является авторским методическим пособием по краеведению. В курсе истории 8-го класса рассматривается древнейший период истории Галичского края на основе археологических изысканий (рис. 4-6). В курсе изучения 9-го

Рис. 3. Педагогический коллектив школы 1950 год

I.
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ
НА УРОКАХ ИСТОРИИ СССР
в 8 кл.

ОБИЛИЕ краеведческих материалов археологического характера в Галичском районе дает возможность иллюстрировать местными археологическими фактами каждый урок темы „Первобытно-общинный строй на территории нашей страны"

На уроке „Древнейшее человеческое общество" преподаватель, рассказывая о ледниковом периоде и показав на карте южную границу оледенения, говорит учащимся:

„Обратите внимание на то, что и наш Галичский край в те времена находился в сфере оледенения и

Рис. 4. Страничка из рукописной книги Л.И. Белова Краеведческий материал на уроках истории СССР 1951 год

Рис. 5. Иллюстрация Л.И. Белова к пособию по истории родного края. Очажный способ выплавки железа

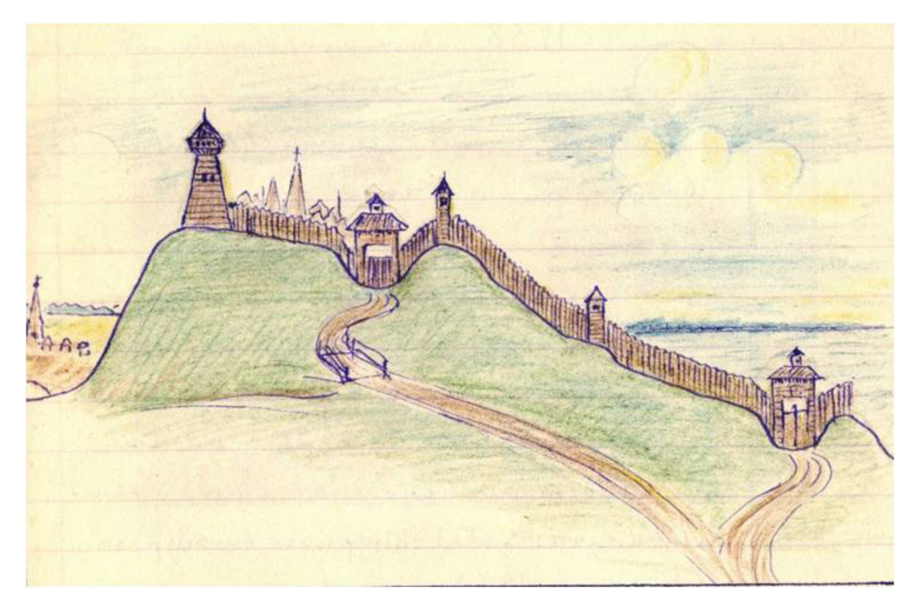

Рис. 6. Иллюстрация Л.И. Белова к пособию по истории родного края. Предполагаемый вид на Галичский кремль

Характеристика.
преподавателя истории и заведующего учебной частью средней школы №1 г. Галича Белова Л.И.
Леонид Иванович Белов является заведующим учебной частью школы и преподавателем истории IX–X классов.
Он является секретарём парторганизации школы. Руководя коллективом учителей, он дает ценные указания в работе каждого учителя, ведёт большую пропагандистскую работу как в школе, так и вне школы.
Он ведёт преподавание на высоком идейно-политическом уровне, дает учащимся прочные и глубокие знания.
Большую работу проводит тов. Белов по краеведению на уроках и в кружке.
В настоящее время он является заведующим агитпунктом и проводит большую работу по подготовке к выборам народных судей и народных заседателей.
Директор школы: И. Грегин

Рис. 7. Характеристика на Л.И. Белова

класса рассматривается материал о дореволюционной истории города, его промышленности, архитектуре, знаменитых галичанах. В курс 10-го класса включается материал «Галич советский».

Во внеклассной работе Леонид Иванович – сторонник активных методов работы с детьми и подростками (рис. 7). Он ежегодно организует экскурсии по городу, походы по родному краю и вокруг озера (рис. 8-11).

В 1959 году в соавторстве с В.В. Касторским и Н.А. Соколовым он пишет книгу «Галич» по истории города, которая уточняется и переиздается в 1983 году.

За свой труд Леонид Иванович был награждён орденом «Знак Почёта»; а в 1964 году указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Рис. 8. Маршрут школьного похода вокруг озера

Наступил вечер. Отправились в Быки. Купили продукты. Осмотрели пуп, возвышение в деревне Быки, где раньше было селище и отправились на ночевку к деревне Артищево.
Вечер. Костер. Ужин. Песни. Рассказы. Шутки.
Расположение на ночь. Обмен впечатлениями.

Рис. 9. Страничка из дневника Школьной экспедиции

Рис. 10. Фото М.А Кирилловой школьная экспедиция 1969 г

Рис. 11. Фото М.А Кирилловой школьная экспедиция 1969 года

8 декабря 1983 года – это последняя страничка в хронологии событий города, вписанная рукой Леонида Ивановича. 9 сентября 1985 года он умер и был похоронен на городском кладбище.

28 января 2010 года решением Костромской областной думы гимназии № 1 города Галича было присвоено имя Л.И. Белова. Ежегодно в гимназии проводится краеведческая конференция «Беловские чтения» с приглашением обучающихся образовательных учреждений города, краеведов, историков города и области, журналистов и представителей общественных организаций.

29 ноября 2014 года на краеведческой конференции, посвященной 105-летию со дня рождения Л.И. Белова, в музей гимназии родственниками была передана часть архива Леонида Ивановича. Это хронология событий города, материалы для биобиблиографического словаря и часть рукописной краеведческой библиотечки.

В настоящее время историко-краеведческое общество гимназии ведет работу с материалами библиографического словаря. Сбор этих материалов был начат Леонидом Ивановичем в 1950 году. К этому времени он изучил опыт составления подобного словаря протоиереем Михаилом Яковлевичем Диевым, краеведом Федором Алексеевичем Рязановским, а также опыт составления БСЭ. Источниками получения информации для Л.И. Белова становились архивные материалы, местная, областная и всесоюзная пресса, книги и монографии, семейные фотоархивы, воспоминания старожилов.

Для каждой персоналии заводился двойной листочек в клеточку. На первой странице Леонид Иванович указывал фамилию, имя и дату жизни, указывал, какое отношение имеет человек к Галичу (временно пребывал, жил в Галиче, родился в Галиче), давал краткую биографическую справку.

Затем в этот листок вкладывались выписки из государственных архивов, из архивов музеев и библиотек, вырезки газетных статей местной, областной и всесоюзной прессы, выписки из книг и монографий по истории, переписка (письма и почтовые карточки), автобиографии, фотографии, записи воспоминаний.

Каждая единица хранения прописывалась отдельно по мере поступления. Так формировались алфавитные папки. Если материалов, собранных о человеке, становилось много, они выносились в отдельную (персональную) папку.

Стоит сказать, что собранные материалы – это рабочий вариант словаря, поскольку очень часто можно наблюдать пометки (проверить дату, уточнить место, выяснить, могло ли это происходить). По мере выяснения спорных моментов Леонид Иванович дописывает, что сведения подтвердились или не подтвердились и делает ссылку на документы.

Кто же те люди, о которых, по мнению Леонида Ивановича, нужно помнить галичанам? Это прежде всего люди, проживающие в Галиче. Учителя, врачи, участники Великой Отечественной войны, передовики производства, руководители организаций и партийные работники.

Так, наиболее полно собраны материалы о поэтессе, краеведе, журналисте и выпускнице нашей школы Светлане Владимировне Виноградовой, директоре

Галичского педагогического училища Кузьме Андреевиче Андрианове, партизане Великой Отечественной войны Владимире Андреевиче Гайдученке, доярке колхоза «За мир» Надежде Романовне Андриановой, о главном лесничем Галичского лесхоза, участнике Великой Отечественной войны, члене партийного контроля Сергее Ивановиче Грекове, о галичском художнике, преподавателе рисования в культпросветшколе и Галичском педагогическом училище, оформителе праздничных номеров местной газеты Александре Николаевиче Григорове и многих других галичанах.

Интересны материалы и о людях, проживавших на галичской земле. Среди них писатель Александр Анисимович Аблесимов, врач, участник Цусимского боя Алексей Петрович Авроров, генерал-майор Николай Всеволодович Барыков, галичские помещики князья Вяземские.

Особый интерес у Леонида Ивановича вызывали люди, родившиеся в Галиче и внесшие весомый вклад в жизнь страны. Это семья поэта Я.Л. Акима, профессора- литературоведа, доктора филологических наук, выпускника нашей школы Василия Григорьевича Базанова; уроженеца села Порга, выпускника мужской гимназии города Галича, Героя Социалистического труда Бориса Васильевича Воздвиженского; Героя Социалистического труда, генерала армии Виталия Михайловича Шабанова.

В словарь вошли имена людей, которые побывали в городе или проводили исследования на территории района. Это руководитель фольклорной экспедиции марийского научно-исследовательского института Акцорин и московский архитектор, исследовавший в 1956 году Троицкую церковь Галичского Паисиева монастыря, Галина Владимировна Алферова, археологи Александр Яковлевич Брюсов, Василий Алексеевич Городцов, а также историки, краеведы Костромской области, писатели и поэты.

Этот список далеко не полный. На данный момент обработано 3 000 единиц хранения в 567 папках, что составляет менее 30 % всего словаря.

Собранные Леонидом Ивановичем материалы остаются актуальными и по сей день. Его опыт в организации внеклассной краеведческой работы является образцом для преподавателей нескольких поколений.

Леонид Иванович Белов для галичан – это пример истинного патриота, краеведа, историка.

Михаил Павлович Шкотов и его вклад в развитие музейного дела

Кузьмичёва Елена Константиновна,
МОУ СОШ № 4 им. Ф.Н. Красовского, г. Галич,
учитель истории

Статья посвящена М.П. Шкотову, который внес значительный вклад в развитие школьного музейного дела, сохранение истории родного края. Особая заслуга Шкотова – выпуск книги по истории школы № 4.

Сегодня, в современном обществе, остро встают проблемы воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и развития у молодежи активной гражданской позиции. Открыв словарь Владимира Даля, увидим, что слово «патриот» толкуется как «любитель Отечества, ревнитель его». Таким патриотом, ценителем истории малой родины был Михаил Павлович Шкотов (рис. 1, 2). Одним из первых, в 1959 году, он создает школьный краеведческий музей на базе средней школы № 4, где работает учителем истории. Для этого организует краеведческий кружок, в который входят ребята, увлекающиеся историей (рис. 3). Под руководством Михаила Павловича они собирают экспонаты, записывают воспоминания старожилов, ходят в походы, изучают археологию родного края.

Большую работу проводит учитель по сохранению памяти тех, кто ковал победу в годы Великой Отечественной войны. Для Михаила Павловича это было принципиально важно, так как он сам являлся её участником (рис. 4). Сохранились черновики его автобиографии, где М.П. Шкотов вспоминает свою учебу на военных курсах и бои под Сталинградом: «Я 21 июня был зачислен курсантом в Тульское оружейно-техническое военное училище, а 22 июня началась война. Нас, первокурсников, отправили в лагерь, расположенный в 30 километрах от Тулы. Враг приближался. Всех учащихся эвакуировали в Томск, где после сдачи экзамена мне было присвоено звание воентехника II ранга. Затем служба в Коканде. Там я готовил

Рис. 1. Михаил Павлович Шкотов

Рис. 2. Лист черновика из автобиографии М.П. Шкотова

молодых бойцов. В июле 1942 года поступил в 405-й стрелковый полк, расположенный под Сталинградом». Какая мясорубка была под этим городом на Волге – мы знаем из истории. В боях за Сталинград Михаил Павлович был тяжело ранен и контужен. Лечился в госпитале города Саратова. 25 февраля 1943 года демобилизован как инвалид II группы.

Шкотов был награжден орденом Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Сталинграда», «Победу над Германией».

В музее сохранились материалы об участниках войны, бывших учениках школы. Каждая папка – бесценный материал по истории Великой Отечественной войны. Это фотографии, письма с фронта, похоронки, документы по награждению, биографии.

Рис. 3. Члены исторического кружка 1959–1960 гг.

Под руководством учителя кружковцы находили в городе адреса участников войны, беседовали с ними, записывали всё, что рассказывали вчерашние фронтовики. Тетради с воспоминаниями также хранятся в фондах школьного музея. Это судьбы наших соотечественников, наших земляков.

Все это мы используем и в настоящее время на уроках истории, во внеклассной работе. На данный момент более 50 % таких документов оцифрованы ребятами, которые являются членами центра школьного музея «Наследие». Этот материал был использован при написании книги «Жители улицы Крупской – участники Великой Отечественной войны».

За нашу Советскую Родину!

СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За участие в героической обороне

СТАЛИНГРАДА

Шкотов

Михаил Павлович

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Сталинграда» вручена «6» ноября 1968 г.

полковник (Иванов)

Рис. 4. Документ о награждении М.П. Шкотова медалью «За оборону Сталинграда»

В 1967 году перед школой был торжественно открыт обелиск павшим воинам – ученикам школы. Чего стоило Михаилу Павловичу добиться согласия на возведения обелиска – это отдельная история. Совместно с учениками, родителями, учителями строился памятник – память о войне (рис. 5).

Рис. 5. Открытие обелиска учащимся погибшим в годы Великий отечественной войны 1941-1945 гг. 1967 год.

В день открытия были приглашены все родственники погибших ребят. Всё это зафиксировано в фотоальбомах, которые оформляли учащиеся. В 2016 году на обелиске появилась еще одна фамилия – Борис Батарин. Он погиб под Смоленском.

М.П. Шкотов сотрудничал со школьными музеями Смоленщины, вел переписку, помогал им с материалами для стендов о Ярославской коммунистической дивизии. В коридоре школы, на первом этаже, был стенд, где отражался путь этой легендарной дивизии.

Много материала собрано об учителях – участников войны.

Шкотов вел просветительскую работу. Часто его статьи выходили на страни-цах районной газеты «Ленинский путь». Отдельно можно выделить одно из ведущих направлений в деятельности школьного музея – это туристические походы (рис. 6). Они зачастую были многодневные. Отчеты оформлялись в альбомы. Сохранились воспоминания о походе за 1958 год. Там есть такие строки: «На стоянке первобытного человека "Пески" было собрано много керамики периода неолита, найдены кости коровы и овцы периода бронзового века на глубине 50–60 см. Рядом с костями найден очаг». Насколько достоверны определения периода пребывания человека на этой стоянке, судить специалистам-археологам. В настоящее время в музее есть глиняные черепки посуды (рис. 7), курительные трубки (рис. 8), каменный топор. Соратником в организации туризма у Михаила Павловича была коллега,

Рис. 6. Один из маршрутов краеведческого похода учащихся 8-х классов школы №4 г. Галича под руководством М.П. Шкотова (1958 г.)

Рис. 7. Глиняные черепки найденные на стоянке «Пески» у Умиленья (середина 50-х гг. XX века).

Рис. 8. Курительные трубки (предположительно г. Галич).

тоже учитель истории, Елизавета Сергеевна Рощина. Альбом от 1972 года повествует о том, что во время остановки в Умиленьи были проведены несанкционированные раскопки и найдена керамика. На одной из страниц альбома можно прочитать: «…После этого наша группа пошла на раскопки. Мы принесли много керамики. После похода сдали ее в наш школьный музей».

В 1966 году школе было присвоено имя выдающегося земляка Ф.Н. Красовского. Документальную основу подготовил М.П. Шкотов.

Являясь учителем истории и руководителем школьного музея, он бережно относился к предметам старины. Учил этому и ребят. Все экспонаты он фиксировал в журнале. Жаль, что сведения о том, кто дарил тот или иной предмет, отсутствуют.

Эксклюзивные экспонаты нашего музея – это предметы, относящиеся к празднованию 300-летия дома Романовых: жестяная баночка из-под леденцов, которыми были одарены школьники губернии, присутствующие на встрече с императорской семьей; медаль к 300-летию династии Романовых; полотно с изображением царской династии. Материалы о галичанах – участниках

русско-японской войны и медаль за участие в ней. Среди них – свидетельство Александра Бородатова от 1887 года с оригинальными оценками знаний: «худые», «не очень худые».

Особая заслуга Шкотова – выпуск книги по истории школы № 4. Это колоссальный труд. Работа в архивах области, сбор документов, их систематизация.

Как руководитель музея, он готовил и проводил юбилейные вечера. Вел переписку с выпускниками.

Верным другом считали Шкотова ученики – активисты школьного музея. Сохранились записи с черновыми пометками к выступлению на торжественных мероприятиях школы, отчеты о работе музея.

В одном из писем руководителю школьного музея его родной Палкинской школы Юрию Третьякову он писал: «…В общем, работы очень, очень много. Сегодня весь день вместе с ребятами работали в музее – наводили порядок, заполняли заново книгу по учету экспонатов. Кроме того, была выпущена газета “Патриот” под общим заголовком “Труженики тыла”…»

Труд Михаила Павловича Шкотова не пропал. Бесценным является его вклад в развитие школьного музейного дела, в сохранение истории родного края. В настоящее время работа музея осуществляется через реализацию проекта «Школа-музей».

Только через сохранение прошлого, которое является одним из звеньев, соединяющих нас с настоящим и будущим, мы можем воспитывать подрастающее поколение, которое станет надежной опорой и защитой нашего с вами Отечества.

Первые Унорожские археологические игры

Сайкин Алексей,
обучающийся МОУ гимназии № 1 города Галича Костромской области

Этим летом мне повезло участвовать в Первых Унорожских археологических играх в составе сборной команды города Галича. Я учусь в 11-м классе МОУ гимназии № 1 имени Л.И. Белова. Наша школа носит имя одного из ведущих краеведов, посвятившего свою жизнь изучению нашего города. Леонид Иванович не только изучал отчеты археологических экспедиций по Галичскому району, но и сам принимал в них участие. Он отмечал, что в этих экспедициях открывает для себя историю галичской земли, а также многому учится.

В начале августа благодаря участию в играх нам тоже удалось многому научиться. Учиться пришлось еще на этапе подготовки команды. Зачем нужна археология? Что такое раскопки, шурф и артефакты? Мы прочитали материалы сборника «Археологическое изучение городища Унорож: итоги и перспективы», посмотрели доступные видеоролики, разгадали присланный организаторами кроссворд, узнали название своей команды. Все, решили

Рис. 1. Сборная команда города Галича.

Рис. 2. Представление команды.

Рис. 3. Сборная команда г. Галича после игр/

мы, теперь к поездке готовы! Но, как оказалось, подготовиться к такому активному передвижению, быстрому решению поставленных задач было непросто. Нужно было работать командой, уметь распределять обязанности между членами коллектива. К концу игры мы настолько хорошо узнали друг друга, что нам стало казаться, что мы все учимся в одном классе. Преодоление препятствий нас сплотило, мы научились быть командой.

Стоит отметить, что мы не впервые участвуем в квестах и даже имеем опыт их разработки и проведения. Унорожские археологические игры стали для нас образцом проведения квеста, игровая основа которого направлена на получение новых знаний и навыков. В игровой форме мы освоили ориентирование на местности и правила ведения археологических раскопок, познакомились с народными играми и забавами, проявили свою логику, ловкость, выносливость.

Словом, Первые Унорожские игры стали для нас не только игрой, но и новым багажом знаний и открытий.

Резолюция
II Научно-практической конференции «Культурное наследие Галичской земли»

29 ноября 2019 г. в г. Галиче Костромской области состоялась II Научно-практическая конференция «Культурное наследие Галичской земли».

Конференцию открыл глава Галичского муниципального района Александр Николаевич Потехин. С приветственным словом к участникам обратились председатель Костромского областного отделения Русского географического общества канд. ист. наук Р.В. Рябинцев и руководитель Костромской археологической экспедиции канд. ист. наук А.В. Новиков.

В работе конференции приняли участие ученые и специалисты в области истории, археологии, антропологии, филологии и краеведения из Москвы, Костромы, Галича, Казани, Йошкар-Олы, Шуи и Нижнего Новгорода. Был заслушан 21 доклад и рассмотрены 4 постерных доклада, посвященных важным аспектам археологии, истории и краеведения Галичской земли и сопредельных территорий с древности до нового и новейшего времени.

Программа выступлений была разделена на два обширных блока: первый касался актуальных проблем археологических изысканий на Галичской земле и сопредельных территориях, второй – историко-архивных и краеведческих исследований, прозвучали доклады лингвистической направленности, рассмотрены отдельные аспекты духовной культуры, в частности, затронуты вопросы галичского иконописания и его особенностей, выраженных «народным стилем».

Участники конференции обсудили современное состояние проблем в изучении историко-культурного наследия Галичской земли, определили перспективы изучения, вопросы музеефикации памятников археологии, проблемы историографии.

Присутствующие особо отметили важность участия в мероприятии школьников: на конференции с отдельными сообщениями и докладами выступили ученики школ № 1 и № 4 г. Галича, Россоловской и Ореховской школ Галичского муниципального района, 41 лицея г. Костромы, которые в форме сообщений, презентаций и мини-фильмов поделились впечатлениями о проведении Первых Унорожских археологических игр.

Отметив необходимость продолжения исследований историко-культурного наследия Галичской земли, участники конференции решили:

1. Создать программу комплексных историко-археологических исследований (археология, музееведение, краеведение, история, естественно-научные изыскания) округи Галичского озера и г. Галича и обозначить перспективность изучения исторических ландшафтов окрестностей Галичского озера и г. Галича. Особо уделить внимание проблемам первобытной и средневековой археологии, развитию краеведения, изучению исторических связей Галичской земли с сопредельными территориями и регионами.

2. Признать успешной деятельность выставки «Унорож: путешествие сквозь века», созданной по результатам археологических раскопок городища Унорож и размещенной в Галичском краеведческом музее, которую за текущий год посетили 7 060 человек.

3. Отметить важность работы с подрастающим поколением и признать успешными Первые Унорожские археологические игры, проведенные в 2019 г. Костромской археологической экспедицией при поддержке и участии КОО Русское географическое общество и администрации Галичского муниципального района. Присутствующие особо отметили важность участия школьников с докладами в работе конференции «Культурное наследие Галичской земли».

4. Отметить положительный опыт восстановления объектов историко-культурного наследия, представленный на примере усадьбы Быково в Галичском районе, способствующий возрождению и сохранению культурного наследия и развитию туристического потенциала региона.

5. Принимая во внимание мнение Галичского отделения КОО КО «Костромская старина» о необходимости увековечивания в г. Галиче памяти Юрия Дмитриевича, князя Звенигородского и Галицкого, сыгравшего значительную роль в истории как России в целом, так и Галича конца XIV – начала XV в., конференция считает целесообразным поддержать данную инициативу и ходатайствовать о создании художественного проекта памятника.

6. Участники конференции поддерживают инициативу администрации Галичского муниципального района о необходимости организации работы, обучающих семинаров с учителями географии и истории школ г. Галича и Галичского муниципального района.

7. Продолжить работу по выявлению и изучению памятников ранней историографии края XVIII–XIX вв.

8. Учитывая важность рассмотренных на конференции вопросов, участники считают, что необходимо опубликовать ее материалы и продолжить традицию проведения конференции.

Подводя итоги, участники конференции отметили актуальность обсуждаемой тематики, необходимость и перспективность дальнейшей работы.

29 ноября 2019 г. *г. Галич*

Костромская археологическая экспедиция
Костромское областное отделение
Русского географического общества

**Культурное наследие
Галичской земли**

**Материалы I и II научно-практических конференций
Галич, 1 ноября 2018 г. и 29 ноября 2019 г.**

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Русского географического общества

Дизайн обложки: Тагильцева А.Ю.
Верстка: ООО «Стандарт Принт»

Подписано в печать 23.11.2020.
Формат 148x210. Усл. печ. л. 10
Гарнитура Times New Roman
Тираж 200 экз.
Заказ № 498

Контактные данные:
ООО «Костромская археологическая экспедиция»
156013, г. Кострома, ул. Маршала Новикова, 10
Тел./факс: (4942) 45-07-45
www.arheo44.ru

Отпечатано в ООО «Стандарт Принт»
г. Кострома, пр-т Текстильщиков, 51/21

